

В.Я. Швейцер

РОССИЯ, ЕВРОПА, МИР

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

В.Я. Швейцер

РОССИЯ, ЕВРОПА, МИР

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2023**

УДК 323/329(470+571):327.8(4)
ББК 66.3(2Рос),1+66.4(4),9(2Рос),3
ШЗ4

Редакционный совет:

**Ал.А. Громыко (председатель),
Н.Б. Кондратьева (зам. председателя), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина**

Научный редактор Н.Б. Кондратьева, редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Рубинский Юрий Ильич, д.и.н., ИЕ РАН
Басов Фёдор Алексеевич, к.полит.н., ИМЭМО РАН

Тема НИР 0167-2021-0006

«Эволюция партийной системы, электоральные тенденции, формирование и деятельность органов законодательной и исполнительной власти в странах – членах Евросоюза (2021–2023 гг.)»

Швейцер В.Я. Россия, Европа, мир : [монография] / В.Я. Швейцер. – М.: Ин-т Европы РАН, 2023. – 188 с. – Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/978-5-98163-198-6>. – ISBN 978-5-98163-198-6. EDN: SKWAAI.

В монографии рассмотрены электоральные тенденции и политические события в СССР и России, процесс формирования отечественных органов законодательной и исполнительной власти. Оценены роль и место европейских политиков, их влияние на страновые, региональные и глобальные проблемы современности. Российская проблематика раскрыта в контексте становления в нашем государстве партийно-политической системы, отличной от западных моделей.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/978-5-98163-198-6>

© ИЕ РАН, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. На промежуточном финише.....	4
Глава 1. СССР – Германия: геополитические реалии межвоенного периода.....	7
1.1. От Версаля 1919 г. до Берлина 1933 г.	8
1.2. На пути к Мюнхену.....	13
1.3. Аншлюс и его особенности.....	18
Глава 2. Дипломатия и политика кануна войны.....	26
2.1. Переоценка ценностей.....	26
2.2. Сталин – Гитлер: токсичное партнёрство.....	35
Глава 3. Вторая мировая война: неизвестное об известном....	44
3.1. Трагедия Катыни глазами бывшего контрразведчика.....	44
3.2. Версия экс-генерала Райхмана: «за» и «против».....	53
3.3. На невидимом фронте борьбы с фашизмом.....	71
Глава 4. Австрия и её лидеры в послевоенной мировой политике.....	79
4.1. От восстановления государственности к полному суверенитету.....	79
4.2. Австрийские оценки международной разрядки.....	90
4.3. Бруно Крайский – теоретик и практик «нового курса»....	98
4.4. Миротворческие инициативы для Ближнего Востока....	111
4.5. Неспokoйный мир начала XXI в. глазами женщины-дипломата.....	123
Глава 5. Становление российской многопартийности.....	130
5.1. Партии во властных структурах постсоветской России..	130
5.2. Законодательная база партийной системы нового века...	140
Глава 6. Люди и власть в интерьере эпох.....	146
6.1. Европейцы в России (Одиссея рода Маттерн).....	146
6.2. Между царизмом и большевизмом.....	156
Заключение. Что день грядущий нам готовит?.....	171
Именной указатель.....	174
Перечень источников из семейного архива.....	178
Список научных трудов В.Я. Швейцера 1972–2022 гг.	180

ВВЕДЕНИЕ. НА ПРОМЕЖУТОЧНОМ ФИНИШЕ

В жизни каждого человека неизбежно наступает время подведения итогов проделанного. Для научного работника это связано прежде всего с оценкой созданных им произведений соответствующего профиля. Вот и я, в год своего 80-летия, продолжаю инвентаризацию опубликованного. Естественно, речь не идёт о всём изданном за почти 57 лет работы в Академии наук советского и российского периодов её существования. С мая 2002 г. я тружусь в прекрасном коллективе Института Европы РАН. Его местонахождение в центре Москвы на Моховой улице для меня также далеко безразлично. Здесь на рубеже 1850–60-х гг. получил медицинское образование прадед по материнской линии земский врач И.Д. Черкасовский. В конце XX в. факультет журналистики закончила моя дочь Ольга, к сожалению, ушедшая из жизни в апреле 2022 г. Сам я в 1961–1966 гг. был студентом Исторического факультета МГУ, мимо здания которого я с определённым душевным трепетом еженедельно прохожу к своей нынешней работе.

Азы научных исследований я постигал в Институте международного рабочего движения (ИМРД). На рубеже 1980–1990-х гг. ИМРД по конъюнктурно-идеологическим причинам был переименован в Институт сравнительной политологии (ИСПРАН). Это обстоятельство лишь в незначительной степени повлияло на мою профессиональную ориентацию. Я последовательно защитил посвящённые теории и политике австрийской социал-демократии кандидатскую и докторскую диссертации (в 1972 и 1990 гг.). В обоих случаях печатным результатом этих важных этапов моей научной жизни стало появление двух монографий¹.

Конец советского периода истории России совпал с публикацией двух исследований, работа над которыми расширила и углубила диапазон моего интереса к социал-демократии². По-

¹ Швейцер В.Я. Социалистическая партия Австрии. Теория и политика. М.: «Наука», 1978; Швейцер В.Я. Социал-демократия Австрии. Критика политических концепций и программ. М.: «Наука», 1987.

² Швейцер В.Я. Социалистический интернационал в меняющемся мире. М.: «Международные отношения», 1988; Швейцер В.Я. Современная социал-демократия. М.: Политиздат, 1990.

следняя становилась определённым политическим символом перестройки мировоззрения нашей тогдашней элиты. В 1990-е гг. я попытался вникнуть в суть формировавшейся в России новой партийной системы. В качестве эксперта был приглашён для сотрудничества с Социал-демократической партией О. Румянцева, Социалистической партией И. Рыбкина, с «Отечеством» Ю. Лужкова.

Однако надежды на то, что эта конструкция впитает в себя всё лучшее и полезное для нашей страны из западноевропейского опыта оказались тщетными. Несмотря на использование российскими политиками «новой волны» социал-демократической лексики, их идейно-политические конструкции не выдержали столкновения с российскими реалиями.

Двадцатилетняя работа в ИЕ РАН позволила мне в новых условиях европейского и мирового развития сконцентрироваться в своих публикациях на темах, увязывавших как в историческом, так и в современном контекстах российские, евроконтинентальные и глобальные проблемы. Их оценку я также хочу предложить вниманию читателей моей монографии. Вполне сознательно обхожу сюжеты европейской политической жизни, уже нашедшие своё место в двух монографиях, вышедших в 2021 и 2022 гг.³ В той степени, в которой это, по моему мнению, необходимо, обновляю и перекомпоновываю опубликованное ранее на страницах периодических институтских изданий – журнала «Современная Европа», «Научно-аналитического вестника ИЕ РАН» и в отдельных томах серии «Старый Свет – новые времена».

Партийно-политическая проблематика в разной степени присутствует практически по всех главах монографии. В главе 1 рассматриваются основные концепции национал-социалистической идеологии, отразившиеся в программах и высказываниях лидеров германского фашизма. Главы 2 и 3 затрагивают важные сюжеты теории и практики Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)). В следующей главе 4 анализируют-

³ Швейцер В.Я. Партийно-политическая система Европейского союза в начале XXI века. М.: ИЕ РАН, 2021; Швейцер В.Я. Политические проблемы современной Австрии. М.: ИЕ РАН, 2022.

ся важные международные аспекты в деятельности австрийских социал-демократов и их лидеров.

Название монографии «Россия, Европа, мир» соответствует содержательной стороне исследования. Хронологическая последовательность определяется значимостью происходившего в истории нашего государства, Европы и мира в целом. Первые три главы возвращают нас к перипетиям межвоенного периода и начала Второй мировой войны. Следующая часть комплексного исследования посвящена Австрии в контексте как её новейшей истории, так и связанных с ней проблем Европы и мира. На некоторые из ключевых событий конца прошлого века и начала нынешнего мы смотрим глазами крупных политических деятелей Австрии. Далее автор предлагает читателю собственное видение процесса становления российской многопартийности с позиции сегодняшних знаний и наблюдений за эволюцией как политического развития нашей страны, так и Европы. Наконец, глава 5 полностью посвящена эволюции партийной системы современной России.

Важной, хотя и не первостепенной по значимости, является тема вклада европейцев в экономику, культуру и общественную жизнь России с середины XIX в. до 30-х гг. века минувшего. В эти события органически вписаны некоторые сюжеты жизни предков – моих и моей жены.

Введение к книге не может обойтись без слов благодарности уже ушедшим из жизни коллегам, оказавшим влияние на формирование моих историко-политологических воззрений. В ИМРД (ИСПРАН) я имел счастье работать бок о бок с такими талантливыми и всесторонне образованными учёными, как А.А. Галкин, Г.Г. Дилигенский, И.М. Кривогуз, А.Б. Резников. В непростые времена идеологической зашоренности нашей общественной науки они были, говоря словами классика, «лучом света в тёмном царстве». В Институте Европы я всегда мог рассчитывать на поддержку и понимание со стороны, увы, также навсегда оставивших нас Н.П. Шмелёва и В.П. Фёдорова. Сегодня постоянную благожелательность в отношении выполняемой в ИЕ РАН работы я ощущаю со стороны Ал.А. Громыко, всего руководящего состава нашего Института.

Хочу надеяться, что предлагаемое читателю произведение подкрепит сложившееся в научном сообществе за 35-летний срок существования ИЕ РАН его положительное реноме как важной части Российской академии наук.

ГЛАВА 1. СССР – ГЕРМАНИЯ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА*

Юбилейные даты всемирной истории всегда дают повод для оценки событий прошлого, тем более если речь идёт о столь недалёкой от нас по времени трагедии Второй мировой войны. В 2019 г. исполнилось 80 лет со дня её начала, в 2020 г. мы отметили 75-летие Победы над германским нацизмом. В 2021 г. вспоминалось 22 июня 1941 г., когда советский народ встал на защиту своей Родины, открыв путь к свободе других поработанных нацизмом народов Старого Света.

Вполне естественно напомнить в связи с этими историческими датами о причинах, толкнувших тогда мир к катастрофе глобального масштаба. Дать объективную оценку и инициаторам Второй мировой войны, и тем, кто пытался предотвратить эту трагедию, и оказавшимся по разным причинам вне реального участия в деле сопротивления гитлеризму. К сожалению, западные политические лидеры нередко вспоминают о Второй мировой войне в негативном для Советского Союза контексте. Прежде всего нас обвиняют в сговоре с Гитлером ради дележа Европы. Наглядный пример такой исторической недобросовестности – резолюция, принятая Европейским парламентом 19 сентября 2019 г. по инициативе польских членов фракции «Европейские консерваторы и реформисты», пафосно названная «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы»⁴. В антироссийском ключе выдержаны высказывания лидеров современной Польши, обвиняющих СССР в сознательном уничтожении польского государства осенью 1939 г. На волне очевидной русофобии некоторые европейские политики

* Швейцер В.Я. СССР и Германия: в контексте событий 1920–1930-х // Современная Европа. 2020. №5. С. 193-203.

⁴ European Parliament Resolution of 19 September 2019 2019/2819 RSP.

склонны всячески умалять героическую роль Красной армии в освобождении оккупированных нацистами европейских стран.

Оставить без ответа эти противоречащие фактам недавнего прошлого домыслы и фальсификации было бы неразумно как с исторической, так и с нравственной точек зрения. Это в том числе стало причиной появления статьи В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим»⁵. Президент России дал в ней правомерные оценки событиям межвоенного периода, полемизируя с ошибочными либо умышленно неверными трактовками острых проблем недавнего прошлого. При этом он руководствовался проверенными данными из различных архивных фондов. Путин призывал к «спокойному, открытому, доверительному диалогу, к самокритичному, непредвзятому взгляду на общее прошлое»⁶. В этом контексте важен и другой вывод президента, касающийся Второй мировой войны: «Все ведущие страны в той или иной степени несут свою долю вины за её начало. Каждая совершала непоправимые ошибки, самонадеянно полагая, что можно обхитрить других, обеспечить себе односторонние преимущества или остаться в стороне от надвигающейся мировой беды». Чрезвычайно важным представляется и такой посыл президента: «Поиском взвешенных оценок прошедших событий должна заниматься академическая наука с широким представительством авторитетных учёных из разных стран»⁷.

1.1. От Версаля 1919 г. до Берлина 1933 г.

Межвоенные взаимоотношения СССР и Германии неотделимы от событий конца Первой мировой войны. Оказавшись в 1914–1918 гг. по разные стороны баррикад, обе страны стали для держав-победительниц изгоями в новой сложившейся ситуации. Для Антанты Советская Россия была неприемлема прежде всего тем, что Октябрь 1917 г. вывел страну из традиционной для Европы системы социально-экономических, внутриво-

⁵ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. 19 июня 2020 г. URL: kremlin.ru/events/president/news/63527 (дата обращения 29.09.2020).

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же.

литических и идеологических стандартов. Заключённый в марте 1918 г. с Германией Брестский мир был расценен как удар в спину коалиции, возглавляемой Англией и Францией. Ноябрьская революция в Германии в 1918 г. выглядела для союзников менее трагическим, чем её русский аналог, событием. Однако наказание своего главного военно-политического противника было неотвратимо, что и произошло в июне 1919 г. в Версале, а 6 лет спустя – в Локарно. Помимо чудовищных репараций, Германия лишилась колониальных владений, была резко ограничена в выборе средств обороны. Налицо были и её территориальные потери в пользу Франции, Бельгии, Польши, Литвы. Особую роль «версальцы» отводили Польше. С одной стороны, она стала своего рода надзирателем восточных германских границ, а с другой – блокировала коммунистические поползновения Советской России, иллюзорно рассчитывавшей на продолжение пролетарской революции как минимум в Центральной Европе. Уже в 1920 г. Польша доказала своим благодетелям, что с возложенной на неё важной исторической функцией она вполне может справиться: поход Тухачевского на Варшаву окончился, как известно, первым крупным поражением Красной армии.

Начало 20-х гг. XX в. стало временем сближения России и Германии. Вполне естественным стало подписание в апреле 1922 г. вне рамок Генуэзской конференции так называемого Рапалльского соглашения, выведившего РСФСР и веймарскую Германию из режима изоляции. Обе страны отказались от взаимных претензий прежде всего по вопросам собственности. Были установлены дипломатические и торговые отношения. Заметим, что в 1926 и 1931 гг. Рапалло было дополнено рядом важных договорных соглашений, одним из элементов которых был пункт о нейтралитете в случае, если одна из сторон «вопреки своему мирному поведению» будет вовлечена в конфликт с третьей державой или группой третьих держав⁸.

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. СССР пытался использовать любую возможность для участия в системе сдержек и противовесов, дабы избежать нового общеконтинентального военного конфликта. Именно в таком ключе следует

⁸ Дипломатический словарь. М.: Госполитиздат, 1950. С. 698.

рассматривать участие делегаций нашей страны в крупных международных форумах: Международной экономической конференции (Женева, апрель 1927 г.) и состоявшейся в том же году IV сессии подготовительной комиссии к конференции по разоружению. В советском проекте резолюции женевской конференции констатировалась важность перехода от конфронтации к мирному сосуществованию капиталистической и социалистической систем. На IV сессии советская делегация внесла от имени правительства СССР проект концепции всеобщего полного и немедленного разоружения. Формат предложений в духе мирного сосуществования распространился и на взаимоотношения с соседними европейскими государствами. Здесь, безусловно, прорывным стал 1932 г., когда были подписаны договоры о ненападении и нейтралитете с Францией, Польшей, Финляндией, Латвией и Эстонией. С учётом уже достигнутых договорённостей подобного рода с Германией можно было бы рассчитывать на реальное формирование в Европе системы коллективной безопасности.

Однако в самой Германии сформировалась и активно продвигалась во власть альтернативная миролюбивым европейским тенденциям сила. Не было ничего удивительного в том, что в этой стране, лишённой многих суверенных прав, активизировались националистические и реваншистские силы, главным выразителем интересов которых стала Национал-социалистическая рабочая партия Германии. В апреле 1920 г. эта партия опубликовала программный документ «25 пунктов». Именно с этого года можно начать историю гитлеризма. Тем более что Адольф Гитлер вместе с Антоном Дрекслером и Готфридом Федером был составителем этого документа. В нём чётко указывалось на необходимость отмены Версальского договора, на объединение всех немецкоязычных европейцев и предоставление им новых территорий для развития немецкой нации. Многие пункты программы националистов носили ярко выраженный расистский и антисемитский характер. В социальной части «25 пунктов» эклектически смешивались как требования, обращённые к пролетариату, так и апелляция к мелкой и средней буржуазии без акцентированной критики крупного немецкого капитала.

«25 пунктов» были своего рода заявкой на национал-социалистическое видение Европы и мира. Появившаяся в 1924 г. в период пребывания Гитлера и его сподвижников в тюрьме после т.н. пивного путча в Мюнхене книга «Моя борьба» (*Mein Kampf*) стала на последующие два десятилетия «евангелием нацизма»⁹. В ней Гитлер выдвинул стержневую идею нацизма – завоевание жизненного пространства, которое должно жидиться не на колониальных приобретениях, свойственных геополитике кайзеровских времён и торговой экспансии, а на получении жизненного пространства для немцев непосредственно в Старом Свете. «Единственная для Германии возможность здоровой территориальной политики заключается в приобретении новых земель в самой Европе». Гитлер призывал немцев искать новые территории, создавать для себя жизненное пространство в восточной части Европы «в первую очередь в России и в тех окраинных государствах, которые ей подчинены»¹⁰.

Главным противником Германии в Европе Гитлер называл Францию. Необходимо прежде всего «уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе». Следует перейти от «пассивной защиты» в отношении с этим государством к окончательному «активному расчёту» с французами: «первым делом следует отобрать у них Эльзас». Тем самым можно будет «обеспечить немецкому народу возможность дальнейшей экспансии». Считая Францию главной виновницей версальского диктата, основным военным противником Германии, Гитлер полагал, что именно Россия станет тем геополитическим резервуаром, из которого возникнет новая Германия. «Гигантское государство на Востоке созрело для развала, мы избраны самой судьбой стать свидетелями катастрофы, которая принесёт решающее подтверждение правильности расовой теории». Однако в одиночку Германия с задачей не справится. Для этого нужно найти союзников, с которыми можно будет одолеть «восточного монстра», ибо «коалиция, целью которой не является война, не имеет ни

⁹ Книга включена в Федеральный список экстремистских материалов. URL: minjust.gov.ru/extremist-materials (дата обращения 10.11.2022); цитируется по ранее изданному в СССР работам.

¹⁰ Цит. по: История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1945. С. 461.

цены, ни смысла»¹¹.

В последовавшие до прихода к власти годы Гитлер неоднократно возвращался к темам, поднятым в «Моей борьбе». Так, летом 1932 г., за несколько месяцев до победных для него выборов в рейхстаг будущий фюрер в беседе с единомышленником Германом Раушнинггом развивал свою геополитическую стратегию. «Мы никогда не добьёмся мирового господства, если в целях нашего развития не будет создано мощное, твёрдое как сталь ядро из 80 или 100 миллионов немцев»¹². В этом ядре, помимо самой Германии, Гитлеру виделись Австрия, Чехословакия, часть Польши. Вокруг немецкого ядра должны были сгруппироваться вассальные государства Прибалтики, Финляндия, Венгрия, Сербия, Хорватия, Румыния, Украина, ряд территорий, входивших в СССР¹³.

В своих откровениях конца 1920-х – начала 1930-х гг. Гитлер постоянно затрагивал тему союзников по «Моей борьбе». Йозеф Геббельс, разделявший с Гитлером камеру в тюрьме, вспоминал об одном из высказываний будущего фюрера: «Италия и Англия – наши естественные союзники»¹⁴. «Их объединяет с Германией антибольшевизм. Наша задача – уничтожить большевизм. Большевизм – дело европейское. Мы должны стать властителями России»¹⁵.

Тема «дружбы против большевизма» была, пожалуй, главной задачей, ставившейся Гитлером в предвластный период его деятельности. Тезис, высказанный им в «Моей борьбе», согласно которому ключевой проблемой внутренней политики после прихода к власти будет «выковывание меча», а внешней – поиск «товарищей по оружию», стал обретать свою плоть уже в конце 1920-х гг. Так, в 1928 г. эмиссар Гитлера, некто Курт Людеке, по его просьбе посетил Рим, дабы заручиться у Бенито Муссолини поддержкой в случае возможного нацистского переворота в Германии. Вспоминая о своих разговорах с Гитлером, К. Людеке отмечал, что Муссолини, по мнению Гитлера, был заинте-

¹¹ Цит. по: Безыменский А. Особая папка «Барбаросса». М.: АПН, 1972. С. 16.

¹² Цит. по: История дипломатии. Указ. соч. С. 461.

¹³ Там же. С. 462.

¹⁴ Цит. по: Безыменский А. Особая папка «Барбаросса». Указ. соч. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 25.

ресован в фашизации Германии не в последнюю очередь из-за своих антибританских настроений. Роль Англии в геополитическом раскладе сил на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Гитлер видел в двух аспектах. Он не отрицал, что Версальский договор был во многом делом рук Лондона. Однако последний был настроен антисоветски, что объективно сближало нацистов с правящей верхушкой Британии. В геополитические амбиции Гитлера также входило использование венгерских фашистов против несимпатичных ему чехов и румын, а тогдашнего диктатора Испании Primo De Риверу – как сдерживающую силу против Франции.

Для реализации своей нацистской геополитики Гитлеру не хватало лишь прихода к власти. Это печальное историческое событие свершилось после электоральной победы национал-социалистов в декабре 1932 г. и передачи президентом Германии Паулем фон Гинденбургом 30 января 1933 г. полномочий канцлера лидеру нацистской партии.

1.2. На пути к Мюнхену

Приход к власти германских национал-социалистов стал в известной степени неожиданностью для политического бомонда Европы. Лидеры Великобритании и Франции были уверены, что, как и на парламентских выборах прошлых лет, победителями станут буржуазные партии Германии либо социал-демократы. Руководство СССР верило в успех немецких коммунистов, лидер которых Эрнст Тельман в своих речах на конгрессах Коминтерна уверял, что рабочий класс Германии не допустит установления в стране нацистского режима. Сталин и его окружение не воспринимали всерьёз возможность установления в Германии нацистской власти. Когда же это произошло, то вскоре стало ясно – дух Рапалло безвозвратно улетучился и следует искать иные пути для сохранения относительно мирного климата в Европе. Тем более что Гитлер в своих откровениях не оставлял сомнений: антибольшевизм станет альфой и омегой его политики.

Уже в новогоднем выступлении 1933 г. на страницах нацистской прессы, ещё не став рейхсканцлером, Гитлер заявил о своём желании уничтожить как марксизм, так и «исполинскую опасность большевизма». Версальский договор, по его словам,

являлся несчастьем не только для Германии, но и для других народов. По мнению фюрера, пересмотра документов 1919 г. должны были требовать не только немцы, но и весь мир. Он впервые высказался благожелательно в адрес Франции, если последняя предложит пересмотреть договоры Версаля и Локарно. Англии и США он обещал оплатить немецкие долги и намекнул на возможность разоружения в глобальном масштабе. Нацисты не скупилась на заявления о «новом партнёрстве» с этими странами. Даже неприемлемый для него большевизм он рассматривал прежде всего не как государственную политику СССР, а как внутригерманское явление. Впрочем, после спровоцированного Гитлером поджога рейхстага и запрета Компартии Германии тема коммунистической опасности вновь стала проецироваться на Коминтерн и Советский Союз.

Явные антисоветские и антикоммунистические эскапады Гитлера чётко определили границу между прежним, раппальским периодом отношений двух стран и новым конфронтационным форматом этих отношений. Советское руководство сделало в принципиально новой обстановке упор на международно-правовое оформление отпора агрессии, главным экспонентом которой становится гитлеровская Германия. В позитивном ключе решился вопрос о вступлении СССР в Лигу Наций, к деятельности которой с момента основания этого, по идее, важного форума мировой политики у Советского Союза было весьма скептическое отношение. Заметим, что Германия уже осенью 1933 г. покинула Лигу, а СССР год спустя стал её полноправным членом. В последующем представители Советского Союза в Лиге Наций активно использовали её трибуну не только для критики любых действий, несовместимых с принципами мирного существования. Они выдвигали инициативы, способные хотя бы частично разрядить европейскую ситуацию, становившуюся после прихода Гитлера к власти всё более взрывоопасной. СССР использовал и другие форумы для артикуляции своих предложений, направленных на создание преград возможному агрессору. Так, в феврале 1933 г. были обнародованы советские предложения по определению агрессора в рамках уже упоминавшейся международной конференции по разоружению. Смысл

этой инициативы заключался в том, чтобы подвести международные правовые нормы под возможные действия предполагаемого агрессора. На обсуждение конференции выдвигались 5 пунктов, касавшихся вероятных острых конфликтных ситуаций. В порядке приоритетов здесь назывались: объявление войны другому государству; вторжение собственных вооружённых сил без объявления войны на территорию другого государства; нападение вооружённых сил на морские либо воздушные пространства другого государства, его морскую блокаду, поддержку вооружённых банд, вторгшихся на его территорию¹⁶.

В дискуссии вокруг советских предложений, а также контрпредложения главы британской делегации Рамсея Макдональда, выяснилось, что камнем преткновения является возможность для стран – участниц конференции иметь армии определённой численности. Консенсуса достичь не удалось, но СССР продолжал свои усилия в рамках создания системы коллективной безопасности в Европе, исходя из грядущего вступления страны в Лигу Наций. Предполагалось, что группа стран восточно-европейского региона, которым потенциально могла угрожать Германия, создали бы своего рода зону безопасности при обязательном участии в ней Франции и Польши. Однако этот вариант не устроил Францию, которая видела Германию одним из компонентов такой системы безопасности. В результате возник исторически абсолютно нежизнеспособный «Пакт согласия и сотрудничества» (Великобритания, Германия, Франция и Италия), подписанный в 1933 г. в Риме. При этом Гитлер подчёркивал, что, пойдя на такие соглашения, он вправе ожидать от партнёров ликвидации версальских ограничений для Германии в сфере вооружений. Безусловной удачей гитлеровской дипломатии стало подписание в январе 1934 г. совместной германско-польской «Декларации о необращении к силе», фактически сводившей на нет имевшиеся тогда варианты системы коллективной безопасности. Целью подобных шагов было недопущение СССР в число участников такой системы. Стремясь вбить клин в ряды своих противников, Гитлер на словах был не против оборонительного союза Франции и Англии. «Я нисколько не возра-

¹⁶ История дипломатии. Указ. соч. С. 467-468.

жаю против такого союза, так как не намерен нападать на своих соседей»¹⁷. Фюрер был последователен в главном – требовании к Западу об отказе от Версальских и Локарнских соглашений. В число его претензий постоянно входила передача Германии Саара, полный немецкий суверенитет в Рейнской области, увеличение численности вермахта и оснащение его современными видами вооружений.

1935 г. стал важной вехой в противоборстве различных направлений европейской политики. В январе в обход всех международных правовых норм Гитлер организовал в Сааре плебисцит, по итогам которого был установлен полный контроль Германии над саарским угольным бассейном. В следующем месяце была значительно увеличена численность вермахта. Эти события в определённой степени стимулировали Францию к поиску противовеса очевидному натиску Германии. В мае был подписан советско-французский договор, предполагавший некоторые меры по отражению возможной агрессии. В том же месяце весьма схожий по содержанию документ подписала с СССР Чехословакия, которая реально ощущала экспансионистские планы Гитлера в отношении Судетской области. Заметим, что Великобритания считала сближение обеих стран с СССР несвоевременным, якобы дававшим лишние козыри в руки нацистской Германии. Между тем данные договоры не предполагали конкретного рамочного соглашения по военному сотрудничеству трёх государств, что в критической ситуации осени 1938 г. сделало их малоэффективными.

И всё же эти соглашения означали определённую подвижку в общественных настроениях Европы. Уже летом 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна была впервые зафиксирована в специальной резолюции идея сотрудничества коммунистов и социал-демократов, отмечена грань между буржуазно-демократическими и фашистскими режимами. В практическую деятельность компартии была введена концепция Народного фронта, которая уже в следующем, 1936 г. реализовалась во Франции и Испании. Однако объединялись и силы профашистской ориентации. В октябре 1936 г. состоялось длительное время готовившееся

¹⁷ История дипломатии. Указ. соч. С. 483.

оформление германо-итальянского союза (ось Берлин – Рим). Менее чем через месяц Германия и Япония подписали так называемый антикоминтерновский пакт. В обоих случаях союзниками Гитлера становились страны, начинавшие агрессивные войны с соответственно Абиссинией и Китаем. Прямое военное противоборство началось в Испании, где у власти находилось правительство Народного фронта. После мятежа генерала Франко последнему была оказана значительная военная помощь как Италией, так и Германией. Республиканцы получили активную поддержку со стороны СССР. В этой ситуации Великобритания и Франция предложили небесполезную миротворческую инициативу. Германии, Италии, Португалии и СССР, вовлечённым в конфликт, следовало придерживаться «политики невмешательства». Однако кроме нашей страны, этот призыв никто из косвенных участников испанских событий не поддержал¹⁸. Забегая вперёд, скажем, что победа франкистов в гражданской войне стала важным подспорьем для Гитлера, апробацией совместных действий европейского фашизма. Существенной предпосылкой начала агрессивных действий Германии в Европе явился ввод немецких войск в демилитаризованную рейнскую зону – прямое нарушение Локарнских соглашений. Это событие, случившееся в марте 1935 г., органически вписалось в гитлеровскую геополитику. В военно-стратегическом отношении ввод германских войск означал переход Гитлера к реальной конфронтации с западными державами, к открытому перевооружению Германии при полном попустительстве стран – гарантов Версальских и Локарнских соглашений. От того, какой будет реакция Великобритании и Франции, во многом зависела дальнейшая тактика нацистов. Впрочем, как и в случае с Сааром, она была вполне предсказуемой – формальные осуждения «рейнской авантюры» и абсолютная неготовность предпринять какие-либо практические шаги против агрессивных действий Гитлера. Что касается Советского Союза, то он, как это следовало из речи тогдашнего наркома иностранных дел М.М. Литвинова на заседании совета Лиги Наций 17 марта 1936 г., реально видел и тактические, и стратегические цели данной авантюры. Для СССР, гово-

¹⁸ Цит. по: Никонов В.А. Российская матрица. М.: Русское слово, 2014. С. 598.

рил Литвинов, было ясно, что, хотя ближайшей задачей после оккупации рейнской зоны является подготовка агрессии против соседних государств, однако СССР остаётся главным объектом его перспективных агрессивных действий¹⁹.

Оккупация Саара и милитаризация Рейнской зоны стали важной составной частью нацистской стратегии создания в Европе «немецкого жизненного пространства». Не встретив никакого реального сопротивления со стороны Запада, Гитлер мог приступить к реализации своей важнейшей геополитической задачи – приращения Германии территориями соседних стран с немецкоязычным населением. И первой на очереди была Австрия.

1.3. Аншлюс и его особенности^{*}

Военное поражение Австро-Венгрии – главной союзницы Германии в Первой мировой войне – определило схожесть дальнейших судеб обоих государств. Лишённое, согласно Версальскому договору, права называться «немецкой Австрией», она по лингвистическим, культурно-психологическим, историческим параметрам сохраняла своё тесное родство с Германией. Обе страны понесли наиболее тяжёлые наказания как зачинатели Первой мировой войны. Но если Германия, лишившись колоний, ограничилась относительно небольшими территориальными потерями, то Австрия стала не более чем осколком некогда обширной империи Габсбургов. Экономическое, политическое, а при Гитлере и военное возрождение Германии вновь сделало её одним из главных акторов на европейском континенте. Австрия же влачила по вышеперечисленным параметрам жалкое существование, превратившись в «никому не нужное государство». Для Советского Союза, не принимавшего участия в версальском переделе карты Европы, решения, принятые державами-победительницами, не имели особого международно-правового значения, в том числе и ст. 80 Версальского договора, запрещавшая аншлюс. Если к этому добавить, что основными соперниками СССР в Европе считались Англия и Франция, то со-

¹⁹ Цит. по: История дипломатии. Указ. соч. С. 562.

^{*} Публикуется по сокращённому тексту статьи: Швейцер В.Я. Австрия в геополитических планах СССР // Современная Европа. 2018. №5. С. 143-146.

лидарность с ними по теме аншлюса не могла быть задачей советской дипломатии.

Отметим и ещё одно обстоятельство, сформировавшее у И.В. Сталина и его окружения весьма специфическое отношение к возможности аншлюса. Для советского руководства Австрия середины 1930-х гг. являлась государством, ориентировавшимся на фашизм. Австрофашизм как синоним проитальянского варианта тоталитарной диктатуры не выглядел лучше, чем диктаторские режимы в соседних с Австрией государствах. Отсутствие у Австрии общей границы с СССР не делало её важным элементом обеспечения национальной безопасности. Сталин был, безусловно, информирован о взаимной враждебности в политической жизни Австрии двух профашистских ориентаций – итальянской и германской. Знал он и об интересе к судьбе Австрии со стороны Англии и Франции. Поэтому «вождь всех народов» полагал, что можно извлечь некоторую политическую выгоду от обострения ситуации как внутри Австрии, так и вокруг неё.

Противоречивая позиция

Советская дипломатия второй половины 1930-х гг. постоянно маневрировала между различными противоборствующими в Европе силами – демократами и фашистами. Этим, в частности, можно объяснить и ту внешнюю отстранённость, которую проявил Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) во главе с М.М. Литвиновым по поводу надвигавшегося аншлюса. Несмотря на панические телеграммы советского постпреда в Вене в адрес НКВД об особой активности нацистов во многих городах Австрии, о желании австрофашистского режима Курта Шушнига найти компромиссное решение с Гитлером, Литвинов явно выжидал. Через день после 12 марта, когда германские войска пересекли границу Австрии и её конец как независимого государства стал очевиден, Литвинов послал служебную записку членам политбюро ЦК ВКП(б), в которой характеризовал аншлюс как «величайшее событие после мировой войны, чреватое величайшими опасностями»²⁰.

Нам неизвестно, как реагировали члены сталинского политбюро на этот документ. Однако можно предположить, что Лит-

²⁰ Россия – Австрия. М., 2017. С. 128.

винову было рекомендовано выступить со специальным заявлением, в котором аншлюс был бы осуждён в очень смягчённой неидеологизированной форме. Далее рекомендовалось предложить Англии и Франции, а также Чехословакии и США рассмотреть вопрос о создании какого-то эквивалента системы коллективной безопасности.

Соответствующее заявление было обнародовано 17 марта 1938 г. Заметим, что в послевоенный период советское руководство неизменно указывало (правда, без упоминания данного документа) на очевидную антианшлюсовскую направленность советской политики. Так, Н.С. Хрущёв во время своего визита в Австрию (июнь – июль 1960 г.) в одной из своих речей утверждал: «СССР был единственной великой державой, не признавшей аншлюса Австрии и решительно осудившей агрессивные захватнические действия германских милитаристов»²¹. Спустя 20 лет в предисловии к сборнику документов «СССР – Австрия 1938–1979 гг.» был сделан аналогичный вывод из заявления М.М. Литвинова: «Советский Союз первым и со всей решимостью осудил преступление фашизма, совершённое в отношении Австрийской Республики, и призвал другие государства коллективно выступить в защиту её независимости и суверенитета»²².

Эти оценки почти дословно совпадали с тем, что содержалось в служебной записке, направленной в феврале 1954 г. на имя В.М. Молотова руководителями 3-го европейского отдела МИД СССР Г.М. Пушкиным и М.Г. Грибановым. В ней излагались следующие рекомендации для, как было сказано, «нашей пропаганды»: «Обратить особое внимание на освещение истории аншлюса 1938 г., показывая при этом, что аншлюс явился следствием политики западных держав, потворствовавших захвату Австрии гитлеровской Германией. Подчёркивать, что из великих держав только СССР выступил в 1938 г. против аншлюса, в то время как западные державы санкционировали и признали аншлюс»²³. Отметим, что данный документ появился

²¹ Дружеский визит. Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва в Австрийской республике 30 июня – 8 июля 1960 г. М., 1960. С. 53.

²² Сб. «СССР – Австрия. Документы и материалы», М.: Госполитиздат. 1980. С. 6.

²³ СССР и Австрия на пути к государственному договору. М.: Росспэн, 2015.

в процессе острых конфронтаций между СССР и западными державами в связи с началом последней фазы борьбы вокруг подписания с Австрией Государственного договора. Он вполне логичен в контексте тогдашней линии нашей дипломатии, не искавшей никаких компромиссных с Западом решений по «австрийскому вопросу»”.

Но вернёмся к тексту заявления Литвинова. Во-первых, оно было обозначено как «Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова представителям печати». Было сопровождено телеграммой наркома Литвинова, адресованной полномочным представителем СССР в Великобритании, Франции, ЧСР и США для вручения министерствам иностранных дел этих государств²⁴. Вопреки тогдашней практике Литвинов не обратился напрямую к высшим дипломатическим чиновникам «четвёрки», создав особый передаточный механизм – печать плюс постпреды СССР в обозначенных государствах. Вторичному уровню передачи столь важной для всего мирового сообщества информации соответствовала и содержательная сторона заявления. Его первый абзац констатировал заинтересованность СССР в создании системы коллективной безопасности. Здесь делалась ссылка на заключённые СССР с Францией (2 мая 1935 г.) и Чехословакией (по отдельности) в мае 1935 г. договоры о взаимопомощи. Далее следовали пространные рассуждения об искреннем стремлении СССР к коллективному отпору агрессору, об опасности международной пассивности в случае имевших место актов агрессии без указания на конкретных агрессоров. Очевиден намёк на захват Италией Абиссинии и начало японского вторжения в Китай. Наконец, в конце второго абзаца своего заявления Литвинов говорит в одной фразе об аншлюсе: «Новые подтверждения они (т.е. советские предостережения – В.Ш.) получили в совершённом военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости»²⁵.

Вторая часть заявления уже не касается аншлюса, а посвя-

С. 327.

²⁴ Сб. «СССР – Австрия. Документы и материалы», 1980. С. 13.

²⁵ Там же. С. 14.

щена гипотетической оценке возможного развития событий в Европе и мерам, которые можно было бы предпринять для недопущения аналогичных аншлюсу событий.

Итак, обращает на себя внимание то, что в заявлении агрессор не назван по имени. Не осуждён и фашизм как идеология и политика агрессивной державы. Нет подтверждения и тезису о якобы прозвучавших из Москвы призывах к международному сообществу коллективно выступить в защиту независимости и суверенитета именно Австрии. Зато у М.М. Литвинова есть весьма туманный и по форме, и по содержанию пассаж, согласно которому СССР готов принять участие в коллективном отпоре неназванному агрессору, напавшему на неназванную страну «даже пренебрегая неизбежным ухудшением его (СССР – В.Ш.) отношений с агрессором»²⁶.

Но на практике всё оказалось гораздо проще. Активная проаншлюсовская пропаганда, резкая активизация австрийских нацистов, согласие Муссолини на присоединение соседней Австрии к Третьему рейху, готовность Запада не вмешиваться в «чисто немецкий вопрос» – всё это предопределило события 11-12 марта 1938 г.: ввод немецких войск на территорию Австрии, включение в её правительство местных нацистов, пассивность и раздробленность тех, кто не был согласен с аншлюсом, решили исход дела.

Действуя по саарскому сценарию, Гитлер оформил свой агрессивный шаг через референдум, на этот раз общегерманский, где 99% его участников поддержали новое приобретение Третьего рейха. В этой ситуации не только Запад, но и СССР не имели бесспорных аргументов для квалификации Гитлера как агрессора. Призыв СССР к созыву международной конференции для недопущения дальнейших агрессивных поползновений нацистов не дал никакого результата. Все с тревогой ожидали новых шагов в реализации Гитлером планов объединения европейских земель со значительным немецкоязычным населением. Здесь первой значилась Судетская область Чехословакии.

Представляется, что комплекс вышеназванных обстоятельств не позволил называть вещи своими именами, незамедли-

²⁶ Там же. С. 13.

тельно поставить в Лиге Наций вопрос об агрессии или как минимум направить ноту протеста германскому правительству. Можно ли было ожидать таких решительных шагов в период бурного развития экономических связей СССР и Германии, налаживания сотрудничества в политической сфере. Своё негативное отношение к аншлюсу СССР официально выразил лишь на пленуме Лиги Наций 21 сентября 1938 г. Причём Литвинов сделал упор на коллективную ответственность членов Лиги: «Исчезновение австрийского государства прошло незамеченным для Лиги Наций»²⁷.

Он посетовал, что предложение СССР о новом варианте системы коллективной безопасности «не было оценено по достоинству»²⁸. Отметим, что на этом пленуме Лиги своё осуждение аншлюса также выразили Испания, доживавшая последние месяцы в борьбе с поддерживаемым Италией и Германией франкизмом, Китай, сопротивлявшийся японской агрессии, и левое правительство Чили. Мексика разорвала с Германией дипломатические отношения. Англия и Франция уже в начале апреля 1938 г. формально признали аншлюс, хотя в дни этого тягостного для Австрии события их послы в Берлине выразили протест, чего, кстати говоря, не сделал СССР. Напомним и об акте передачи в Москве вскоре после аншлюса в собственность Германии здания австрийского посольства, в котором, по некоторым сведениям, и был позже подписан секретный протокол к пакту Молотова – Риббентропа. Напрашивается вывод о начале вскоре после аншлюса нового курса в отношении Германии как со стороны Англии и Франции (Мюнхенский сговор осенью 1938 г.), так и со стороны СССР (договор и секретный протокол августа – сентября 1939 г. с Германией). Новым отношениям с Германией явно способствовал и состоявшийся в 1940 г., обмен находившихся в гитлеровском застенке советских нелегалов-разведчиков на тех, кого нацисты называли «врагами Рейха». В результате Германии были переданы многие немецкие и австрий-

²⁷ История дипломатии. Указ соч. С. 619 (Отметим, что в «Истории дипломатии» заявление Литвинова от 17.03.1938 г. вообще не упоминается. Скорее всего, это свидетельствовало о слабости тогдашней позиции НКВД, никак не выглядевшей как «решительное осуждение» гитлеровской агрессии).

²⁸ Там же. С. 619.

ские антифашисты. Среди них был и Франц Коричонер – один из основателей компартии Австрии, состоявший в переписке с В.И. Лениным.

Судетское продолжение аншлюса

Решив по-своему «австрийский вопрос», Гитлер последовательно перешёл к чешскому вопросу, также прописанному в его агрессивных планах. Тема судето-немецкого меньшинства в Чехословакии была достаточно чётко обозначена в нацистской пропаганде. В отличие от тем Саара и Рейнской области, она даже чисто внешне никак не выглядела корректным исправлением несправедливости, порождённой Версальскими соглашениями. Аншлюс также не вписывался в «судетский вариант», ибо в данном случае речь шла о требовании передачи Германии части другого государства. Нацистам было очевидно, что общечехословацкое голосование путём референдума по данному вопросу не даст искомого результата. Сложность состояла и в том, что Чехословакия имела определённые договорные отношения с некоторыми близлежащими государствами (Франция, СССР) и могла в случае необходимости обратиться к ним за помощью. Общевропейская война тогда ещё не входила в планы Гитлера. Тем более что потенциальный противник был хорошо вооружён и не сдался бы на милость исторически неприятной ему Германии.

В раскладе сил по теме Судет особую роль играла Великобритания. Здесь у советского руководства не было никаких иллюзий. Ещё в конце февраля 1938 г. полпред СССР во Франции Я.З. Суриц писал наркоминделу М.М. Литвинову: «Никто даже не сомневается, что Чемберлен (тогдашний премьер-министр Великобритании) предаст Чехословакию. Ожидают, что он усилит давление на Чехословакию, чтобы она пошла “по австрийскому пути”»²⁹. Позиция Франции была иной. Она не возражала оказать помощь чехам, однако только в том случае, если определённые действия предпримет и СССР. Москва, со своей стороны, не отрекалась от взятых на себя согласно договорам с Чехословакией (1935 г.) обязательств, однако не предполагала

²⁹ Белые пятна – чёрные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. Торкунова А.В., Ротфельда А.Д. М.: Аспект Пресс. 2010. С. 129.

пойти в конкретной ситуации на вооружённый конфликт с Германией. В данном случае использовался аргумент об отсутствии у СССР общей с Чехословакией границы. В советском руководстве не было единого мнения относительно некоторых превентивных мер, которые показали бы Гитлеру пределы его античешских поползновений. В частности, М.М. Литвинов предлагал Кремлю рассмотреть вопрос о частичной мобилизации. Но Сталин не поддержал наркома, считая такие действия преждевременными, а сложившуюся вокруг Чехословакии ситуацию недостаточно определённой. В конечном итоге возникло предложение созвать «конференцию трёх» (СССР, Франции и Англии) для выработки позиции по судетскому кризису, оставшееся, впрочем, без ответа.

В условиях, когда Гитлер реально угрожал прибегнуть в отношении неуступчивого соседа к военной силе, Франция солидаризировалась с Великобританией и 19 сентября 1938 г. чехам было направлено послание, рекомендовавшее передать Германии ту часть Судет, где немецкое население составляло абсолютное большинство. Взамен обе великие державы обязались добиваться от Германии установления новых границ с Чехословакией под строгим международным контролем. Составной частью данного «нового порядка» был также отказ Праги от договоров о взаимной помощи между Чехословакией, Францией и СССР. Через два дня, 21 сентября, Чехословакия, вначале отклонившая англо-французский вариант, под давлением Лондона и Парижа всё же его приняла. Однако уже на следующий день Гитлер заявил, что новая граница будет создана без всякого контроля извне, а эвакуация чешского населения из принадлежащих Германии районов должна быть проведена в недельный срок.

Свою негативную роль в судетском кризисе сыграла и Польша. Она подняла вопрос о польском меньшинстве в Тешинской Силезии. Причём если вначале речь шла только о создании автономной области, то потом градус польских требований поднялся до полной передачи этого района Польше. В дальнейшем так и произошло. Весной 1939 г. Германия оккупировала Чехословакию, прекратив тем самым её существование как независимого государства. Полгода спустя такая же участь постигла и

саму Польшу. В разделе Чехословакии нашла свой интерес и идеологически близкая нацизму хортистская Венгрия. По договорённости с Гитлером, она захватила у соседа закарпатскую часть Чехословакии.

Однако ни Польша, ни тем более Венгрия не могли стать решающими звеньями в ликвидации Чехословакии. Эту роль взяла на себя Германия, которую поддерживала Италия, а Франция и Великобритания пошли на соглашение с фюрером, сочтя это меньшим злом, чем война. Фактически же мюнхенское миротворчество лишь отложило её начало, показав Гитлеру, что с Запада ему не угрожает какое-либо сопротивление.

Значение соглашения, подписанного в Мюнхене в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г., определяется и тем, что благодаря позиции англо-французов от решения важного на тот период вопроса европейской политики был искусственно отодвинут Советский Союз. В заявлениях ТАСС от 2 и 4 октября наша страна отмежевалась от свершившегося в Мюнхене. Исторический антисоветизм и русофобия британцев, их конъюнктурное проявление у французов оказались для тогдашних лидеров Запада более важными аргументами, чем опасения дальнейших агрессивных шагов Гитлера. Для Советского Союза события осени 1938 г. подтвердили весьма малую вероятность нахождения совместимых позиций с теми, кто хотя бы теоретически мог оказать сопротивление гитлеризму. Тем самым нацисты укрепились во мнении, что и в дальнейшем они не встретят на своём пути объединённый фронт противников. Последующие события, вплоть до 22 июня 1941 г., подтвердили эту печальную констатацию.

ГЛАВА 2. ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИКА КАНУНА ВОЙНЫ*

2.1. Переоценка ценностей

Мюнхенская конференция конца сентября 1938 г. продемонстрировала расклад сил в тогдашней европейской геополитике.

* Публикуется по тексту статьи: Швейцер В.Я. СССР и Германия на пути к 22 июня 1941 года // Современная Европа. 2020. №6. С. 202-213 (в авторской редакции с сокращениями и дополнениями).

Под обломками и так трещавшей по всем швам Версальской системы оказалась не только Чехословакия, лишившаяся спустя полгода своей государственности. Вся скрупулезно отшлифованная Западом «политика умиротворения» показала полную несостоятельность в столкновении с агрессивным гитлеризмом. Инициатива в европейских делах, принадлежавшая в 1920-е – середине 1930-х гг. Великобритании и Франции, полностью перешла в руки гитлеровского Третьего рейха. Нацисты с осени 1938 г. начинают поэтапно реализовывать то, что было обозначено в 1924 г. в «Майн кампф», а после их прихода к власти стало альфой и омегой германской внешней политики. При этом гитлеровцы, действуя методом «кнута и пряника», были готовы временно поделиться частью добычи с теми, кто идеологически и политически разделял их методы. Наиболее ярким примером здесь был развал Чехословакии, в котором приняли участие также Польша и Венгрия. В результате 15 марта 1939 г. в состав рейха был включён «Протекторат Богемия и Моравия». С подачи Гитлера Словакия стала якобы самостоятельным государством, Тешинская область перешла к Польше, а Закарпатская Украина – к Венгрии. Последняя в феврале 1939 г. присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, созданному ещё в ноябре 1936 г. Германией и Японией. В марте 1939 г. Германия, оказав сильнейшее давление на Литву, реализовала ещё один свой «исторический» проект – получила Клайпеду, называемую немцами Мемелем.

Более сложным оказался для Германии её давний план возвращения себе Гданьска, в немецком варианте – Данцига. С ходу решить эту проблему Гитлеру не удалось, равно как и получить контроль над «польским коридором», разделявшим основную часть Германии с Восточной Пруссией. Кроме того, Польша, в отличие от Венгрии, не вступила в Антикоминтерновский пакт, разумно полагая, что этот шаг может резко осложнить отношения с восточным соседом – СССР, а в дальнейшем может исключить поддержку со стороны британцев и французов. Эти страны после захвата немцами Чехословакии, наконец, поняли, что Гитлер в Мюнхене их просто обманул. Именно с марта 1939 г. начинается переход от политики умиротворения к поискам

путей совместного сопротивления агрессивным планам Берлина. По существу, этот переход, полный недомолвок и противоречий, продолжался вплоть до начала Второй мировой войны.

Для того чтобы понять всю сложность, внутреннюю и внешнюю противоречивость складывавшейся в начале 1939 г. ситуации, обратимся к оценкам, содержащимся в отчётном докладе И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) от 10 марта 1939 г.³⁰ Он констатировал начало, хотя и в ограниченном масштабе, «второй империалистической войны»³¹. Важнейшими элементами этого процесса были названы захват Италией Абиссинии, германо-итальянская интервенция в Испании, начало боевых действий Японии против Китая. В докладе также указывалось на захват Германией Австрии и отторжение от Чехословакии Судетской области. Германия, по словам Сталина, «требует расширения своих территорий в Европе, возвращения колоний»³². Имело место формирование блока трёх агрессивных государств – Германии, Италии, Японии. Всё это не встретило сопротивления со стороны «неагрессивных демократических государств», допустивших некоторое попустительство вышеуказанным агрессивным действиям «тройки». К категории «неагрессивных государств» Сталин причислял прежде всего Англию, Францию и США.

Какие же обстоятельства способствовали успехам агрессоров? Они, полагал лидер СССР, отнюдь не были сильнее «неагрессивных государств». Наоборот, неагрессивные демократические государства взятые вместе оставались бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом, и в военном отношении. Однако они, полагал автор доклада, не пошли на военную конфронтацию с фашизмом отчасти из боязни, что в результате широкомасштабной войны возможны революционные события в их собственных государствах, как это имело место в России после окончания Первой мировой войны³³.

Сталин упрекнул «неагрессивный Запад» в отказе от предложенной СССР ещё в середине 1930-х гг. политики коллектив-

³⁰ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1952. С. 604, 614.

³¹ Там же. С. 607.

³² Там же.

³³ Там же. С. 609.

ной безопасности, заменённой «политикой невмешательства», что в конечном итоге способствовало фашизму. Более того, Запад, по мнению Сталина, поверил Германии, уверявшей «неагрессивные государства» в своей принципиальной антисоветской линии, замаскированной под «антикоминтерновскую»³⁴. С другой стороны, западная пресса, по мнению Сталина, мушкетировала слухи о планах Германии по захвату советской Украины. «Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований»³⁵. Развивая эту весьма чувствительную тему, Сталин не исключал, что в Германии «имеются сумасшедшие», способные принять такой алгоритм решений. Одновременно он и не исключал наличие в Третьем рейхе нормальных людей, не стремящихся идти в восточном направлении, на которое Запад указывает Германии. Возвращаясь к теме Мюнхенского сговора, Сталин предположил, что «немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом»³⁶. Фактически признав крайнюю неустойчивость и противоречивость складывающейся международной ситуации, Сталин в своём докладе указал на известные договорные обязательства СССР с Францией и Чехословакией, а также с Монголией и Китаем. При этом он ограничился лишь констатацией общих принципов советской внешней политики.

В итоговой части доклада о международном положении внимание делегатов XVIII съезда ВКП(б) акцентировалось на таких направлениях советской внешней политики, как «укрепление деловых связей со всеми странами», «мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми странами, имеющими с СССР общую границу». Была высказана поддержка народов, «ставших жертвами агрессии». Одной из задач партии было названо соблюдение осторожности, дабы не дать «провокаторам войны» втянуть СССР в конфликты³⁷. В сущности, последнее

³⁴ Там же. С. 608.

³⁵ Там же. С. 611.

³⁶ Там же. С. 611.

³⁷ Там же. С. 613-614.

указание партии, если исходить из ранее сказанного, равным образом адресовалось «неагрессивному Западу», подталкивавшему Германию к военному конфликту с СССР. У Сталина достаточно чётко обозначилась «концепция равноудалённости» как от фашистских агрессоров в Европе и Азии, так и от «неагрессивных демократов» по обе стороны Атлантики. Однако череда европейских событий весны 1939 г. сместила ранее обозначенные акценты.

Поиски компромисса

К середине марта 1939 г. и СССР, и Великобритания с Францией начали зондировать тему сопротивления эвентуальной гитлеровской агрессии, главным объектом которой могла стать Польша. Движение в этом направлении началось с обеих сторон. 18 марта 1939 г. британское правительство запросило у Москвы согласие на подписание совместной декларации Великобритании, Франции, СССР и Польши, направленной против возможной агрессии, с последующими консультациями. Со своей стороны, советское правительство, хотя и указало в соответствующей ноте, что «такая декларация не решает вопроса», всё же видело в ней первый шаг в деле сопротивления гитлеризму³⁸.

Действуя в конструктивном ключе, Советский Союз добавил к инициативе Великобритании собственное предложение о немедленном созыве совещания, в котором крайне желательно участие Румынии. 19 марта наркоминдел М.М. Литвинов предложил пригласить также и Турцию. Отметим, что британский проект предусматривал обязательства соответствующих правительств «немедленно сообщать о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления»³⁹. Реагируя на британскую инициативу, Литвинов сделал важную оговорку о возможности советской подписи под декларацией только в том случае, если её подпишет и Польша. Однако Варшава этот документ не подписала, явно опасаясь негативной реакции Берлина, что могло, по мнению поляков, дать Гитлеру повод для агрессивных действий. Полгода спустя стало ясно, что к таковым действиям в самой их крайней форме – войне – Германия может

³⁸ История дипломатии, 1945. С. 673.

³⁹ Белые пятна – чёрные пятна, 2010. С. 143.

прибегнуть и без апелляции к каким-либо соглашениям Польши с другими странами. План нападения на неё (план «Вайс») был в середине апреля 1939 г. подготовлен вермахтом и утверждён Гитлером. Правда, в сопутствующем плану документе говорилось, что «Вайс» имеет своей целью не начало общеевропейских военных действий, а лишь изоляцию Польши от её западных союзников. Гитлер аннулировал пакт 1934 г. о «необращении к силе» и в тот же день – 28 апреля – расторг англо-германский морской договор от 18 июня 1935 г. При этом он сослался на британские гарантии Польше в случае агрессивных действий против неё какой-то неназванной страны⁴⁰. Действительно, 6 апреля Великобритания и Польша заключили соглашение о взаимопомощи. Спустя неделю – 13 апреля – гарантии были даны Румынии и Греции. Франция также обещала вышеуказанным странам гарантии обеспечения их независимости.

Британия предложила СССР войти в систему ограниченной безопасности для Польши и Румынии. 17 апреля Москва выдвинула контрпредложение – заключить Тройственный пакт СССР, Великобритании и Франции. В развитие этой инициативы СССР предлагал следующую схему: договор трёх держав, плюс военная конвенция, плюс предоставление гарантий всем странам от Балтийского до Чёрного морей. Однако Лондон медлил с ответом. Со своей стороны, англичане указали на важность постоянных контактов на уровне чиновников соответствующих ведомств, а также через посольства в Москве, Лондоне и Париже.

Новым неожиданным фактором в процессе достижения реальных договорённостей трёх европейских держав стала отставка 3 мая 1939 г. Литвинова с поста министра иностранных дел. Уже на совещании по вопросам внешней политики в Кремле 21 апреля выявились серьёзные противоречия в позиции наркома и его непосредственного шефа председателя СНК В.М. Молотова. Известный российский исследователь внешней политики М.М. Наринский отмечает в связи с этим: «Политика Литвинова, ориентированная на союз с Англией и Францией, была подвергнута резкой критике. Со стороны главы правительства Молотова

⁴⁰ История дипломатии. Указ. соч. С. 674-675; Белые пятна – чёрные пятна. Указ. соч. 2010. С. 145-146.

был сделан акцент на необходимость поиска альтернативных решений для улучшения внешнеполитического положения СССР, в том числе и рассмотрение возможностей улучшения отношений с гитлеровской Германией»⁴¹. Литвинов был обвинён в нелояльном отношении к Совнаркому Союза ССР (СНК) и освобождён «по собственному желанию» от обязанностей наркома. Его место занял сам Молотов. Как пишет в своих мемуарах тогдашний посол СССР в Лондоне И.М. Майский, отставка Литвинова вызвала в Европе «большую сенсацию и истолковывалась как смена внешнеполитического курса СССР». В ту пору Майский опровергал подобные предположения, заявив главе внешнеполитического ведомства Англии лорду Галифаксу, что «сделанные нами 17 апреля предложения сохраняют свою силу»⁴².

Ещё одним свидетельством подвижек во внешнеполитической ориентации СССР стал отзыв из Берлина советского посла А.Ф. Мерекалова, пользовавшегося полным доверием у Литвинова. Его место занял временный поверенный в делах Г.А. Астахов. Именно ему, спустя несколько месяцев, Иоахим фон Риббентроп сообщил о возможности заключения обеими странами договора, касавшегося многих аспектов их взаимоотношений. В отставке Литвинова был и ещё один важный момент. Очевидно, Сталин считал, что еврей Литвинов не может вызывать доверие у антисемитского руководства Германии. Однако всё же главной была потребность передачи внешней политики СССР человеку, готовому прагматически, а не идеологически подойти к ситуации, в которой угроза новой войны становилась всё более реальной.

Жаркое лето 1939 года

Последняя декада мая 1939 г. была отмечена важными событиями в Европе. 22 мая Германия и Италия подписали соглашение о синхронности действий в случае возникновения внешней опасности. Пять дней спустя Великобритания и Франция предложили СССР новый вариант тройственного соглашения о взаимопомощи против агрессии. Молотов с этой концепцией в

⁴¹ Белые пятна – чёрные пятна. Указ. соч. С. 147.

⁴² Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 годы. М.: «Международные отношения», 1987. С. 396.

принципе согласился, однако не увидел в ней гарантий для прибалтийских стран – соседей СССР.

Свою точку зрения на весь комплекс проблем, связанных с возможным «тройственным союзом», Молотов подробно изложил в докладе о внешней политике на третьей сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. Суть его рассуждений заключалась в следующем: «Это было бы соглашение исключительно оборонительного характера, действующее против нападения со стороны агрессоров и в корне отличающееся от того военного и наступательного союза, который заключили недавно между собой Германия и Италия»⁴³.

Камнем преткновения для «тройственного союза» новый наркоминдел (он же председатель СНК) считал принцип взаимности и равных обязанностей, который пока не прослеживался в предложениях Великобритании и Франции. Тем более – в реакции на них Польши, Румынии и прибалтийских государств. Важным в докладе Молотова представляется и его мнение, согласно которому, «ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия»⁴⁴.

Было бы большим упрощением увидеть в последней фразе лишь попытку как-то сбалансировать ранее высказанную в докладе оценку нового договора Германии и Италии. На самом деле зондаж германского направления начался гораздо раньше. Правда, в литвиновский период работы наркоминдела это выглядело стремлением оживить экономические и торговые отношения. Переговоры на эту тему велись по инициативе Германии с начала 1938 г. Литвинов считал, что Германия хочет иметь в своих руках лишний козырь в игре с англо-французами, заменив пока экономическими сюжетами предложения политического характера. Вариации на тему улучшения отношений СССР и Германии были отмечены и 17 апреля 1939 г. во время беседы в то время посла в Берлине А.Ф. Мерекалова со статс-секретарём МИД Германии Э. Вайцзеккером. Последний хотя и признал, что у обеих стран есть «противоречия идеологического по-

⁴³ История дипломатии. Указ. соч. С. 683.

⁴⁴ Там же. С. 684.

рядка», однако Германия, по его мнению, хочет развивать с СССР экономические отношения. На перемены в германской политике обратил внимание и сменивший Мерекалова временный поверенный Г.А. Астахов. В письме Молотову от 14 июня 1939 г. он отмечал, что «просоветский (условно выражаясь) манёвр германской политики последних двух месяцев задуман несколько глубже, чем могло многим показаться вначале»⁴⁵.

Очень скоро чисто экономический сюжет «нового курса» во взаимоотношениях между Москвой и Берлином плавно перетёк в сферу политики. Правда, советское руководство не пыталось форсировать события, имея в своём распоряжении пока ещё набиравший ход переговорный процесс с Великобританией и Францией. Их ключевым вопросом должна была стать военная конвенция, обязывающая подписантов прийти на помощь друг другу в случае агрессивных действий третьей стороны. Но лишь 25 июля англичане и французы приняли предложение советского правительства об отправке в Москву для переговоров военных миссий. Примечательно, что при этом не был уточнён статусный характер участников переговорного процесса. В результате в СССР прибыли военные «второго разряда», да ещё, как выяснилось позже, не имевшие полномочий для подписания соглашений практического характера. Их поездка в Москву проходила крайне неторопливо, а сами переговоры начались лишь 12 августа. Отметим, что с советской стороны главным участником переговоров был назначен нарком обороны К.Е. Ворошилов.

Безрезультативность этого мероприятия была предопределена. Ключевой вопрос – о соприкосновении советских войск с агрессором, не имевшим с ним общей границы, в отличие от Франции (сухопутная граница) и Великобритании (морская граница), могла решить только не принимавшая участие в переговорах Польша, которая опасалась, что гарантия прохода советских войск через её территорию сделает войну с Германией неизбежной. Возглавлявший советскую делегацию нарком Ворошилов считал возникшие разногласия главной причиной неудачи переговоров. Однако здесь сложно отрицать логическую связь досрочного (22 августа) окончания встречи военных в Москве

⁴⁵ Белые пятна – чёрные пятна. Указ. соч. С. 151.

и подписания между СССР и Германией 23 августа Пакта о ненападении⁴⁶.

2.2. Сталин – Гитлер: токсичное партнёрство

Германское политическое руководство внимательно следило за медленным угасанием «союза трёх». Стратегически оно постепенно двигалось к главной цели – военным действиям против Польши, не хотевшей поступаться ни Данцигом, ни «польским коридором». При этом немцы, декларируя возможность договориться с СССР, постоянно интриговали наше руководство вероятностью соглашения с Британией. Встречи британцев и немцев проходили не на высоком уровне, однако их участники были тесно связаны с руководством своих стран. Так, в июле 1939 г. в Лондоне состоялось заседание международной китобойной комиссии, среди участников которой был некто Гельмут Вольтат – лицо близкое к Герману Герингу. С ним встречались и министр внешней торговли Великобритании Роберт Хадсон, и весьма влиятельный в лондонских кругах Г. Вильсон. По возвращении из Лондона Вольтат доложил о результатах встреч Герингу и Риббентропу, сообщив, что англичане совсем не заинтересованы в решении «польской проблемы» с помощью СССР⁴⁷. Отметим, что немцы сознательно допустили утечку информации о контактах представителей Германии и Британии, которая по каналам разведок стала почти сразу известна советскому руководству, и это ещё больше укрепило его недоверие к Лондону.

Говоря об остросюжетной ситуации лета 1939 г., нельзя не упомянуть и косвенное влияние на неё таких крупных геополитических игроков, как США и Япония. По свидетельству одного из руководителей советской внешней разведки того времени П.А. Судоплатова, активную роль в создании антигерманского блока играл президент США Франклин Рузвельт. Американский лидер убеждал Невилла Чемберлена с целью сдерживания Гитлера вступить в переговоры с европейскими партнёрами Великобритании, включая и Советский Союз. «Наши источники со-

⁴⁶ История дипломатии. Указ. соч. С. 686.

⁴⁷ Безыменский Л. Указ. соч., 1972. С. 113-119.

общали, что британское правительство с явной неохотой отнеслось к американской инициативе, поэтому Рузвельту пришлось оказать на британцев нажим, чтобы заставить их всё-таки пойти на переговоры с Советами по выработке военных мер для противостояния Гитлеру»⁴⁸. Свои интересы, связанные с европейской ситуацией лета 1939 г., имела и Япония. Она пользовалась поддержкой у англичан, заключивших с ней в этот напряжённый период специальное соглашение, «предоставившее Токио свободу рук в Китае»⁴⁹.

Вступив в боевое соприкосновение с СССР на Дальнем Востоке, Япония рассчитывала, что наша страна включится в военный конфликт с Германией и тем самым ослабит свой дальневосточный фланг. Японские эмиссары в Берлине прямо говорили немецкому руководству, что излишнее миротворчество может повредить Антикоминтерновскому пакту, связавшему стратегические интересы Германии и Страны восходящего солнца. Очевидно, что у советского руководства точка зрения была противоположной, и одним из мотивов заключённого 23 августа Договора о ненападении являлось недопущение «двухфронтного» варианта ближайших событий. Со своей стороны, Гитлер, вплоть до подписания этого документа, не был уверен в нейтральном отношении СССР к войне с Польшей, полагая, что Сталин при удобном случае может ввести войска на территорию бывшей части Российской империи. Подчеркнём: руководство вермахта и абвера предупреждали своего лидера о коварстве его советского визави, полагая, что одновременная война на западном и восточном фронтах будет для Германии губительной⁵⁰. Немецкие военные не исключали возможности пересмотра времени реализации плана «Вайс», если к намеченным в нём срокам вторжения в Польшу СССР не будет гарантированно нейтрализован.

Пакт о ненападении и секретный протокол

В условиях тревожного недоверия друг к другу Германия и СССР начали «прорывной этап» своих взаимоотношений. Важ-

⁴⁸ Судоплатов П. Спецоперация. Лубянка и Кремль 1930–1950. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 79.

⁴⁹ Путин В. Указ. соч. С. 5.

⁵⁰ Волков А., Славин С. Адмирал Канарис – «железный адмирал». М.: Олимп, 1999. С. 339, 354.

нейшей датой этого процесса стало 3 августа, когда синхронно в Берлине встретились Риббентроп и Г.А. Астахов, а в Москве – Молотов и Фриц-Дитлоф фон дер Шуленбург. По мнению немецкой стороны, эра «политических противоречий» закончилась и, говоря словами Риббентропа, «можно обменяться мнениями более конкретным порядком». Молотов сохранял свойственную ему осторожность, делая упор на первоочередном решении взаимовыгодных торгового-кредитных проблем в рамках берлинских переговоров. Астахов в переписке с Молотовым отмечал скептицизм немцев по поводу объявленных в начале августа встреч военных делегаций СССР, Англии и Франции. В этих условиях немцы считают «мыслимым пойти на известную договорённость... чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае войны с Польшей»⁵¹. На эту тему весьма однозначно высказалось и Политбюро ЦК ВКП(б), заявившее в своём решении от 11 августа о желательности «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чём известить Берлин»⁵².

Теперь на первый план выдвигался формат возможных приглашений. Постоянно консультируясь со Сталиным, Молотов внёс немецкой стороне предложение заключить Пакт о ненападении, сопроводив его протокольным документом, затрагивавшим вероятные ситуационные последствия этого совместного документа. Именно это приложение к Пакту, а не он сам, стало токсичным в международно-правовой практике, породив острые дискуссии. Проект пакта и протокола к нему 19 августа были переданы Ф.-Д. фон дер Шуленбургу, несколько скорректированы в Берлине и подписаны в Москве 23 августа, для чего из Берлина в советскую столицу прибыл Риббентроп.

Сам Договор не только исключал возможность военного конфликта СССР и Германии, но и действий такого рода «совместно с другими державами». Статья 2 исключала возможность поддержки подписантами внешнего агрессора против договаривающихся сторон. Ст. 4 уточняла изложенные в ст. 2 исключения для подписантов участия в «группировке держав, прямо или косвенно направленной против другой стороны». Ст. 3 и 5 со-

⁵¹ Белые пятна – чёрные пятна. Указ. соч. С. 153.

⁵² Там же. С. 153-156.

держали в самой общей форме стремление к консультациям, обмену информацией, «затрагивающей их общие интересы». В Договоре допускалось возникновение «споров или конфликтов», которые должны были разрешиться в порядке дружеского обмена мнениями⁵³.

Если сам Договор не выходил за общепринятые рамки международно-правовых документов такого рода и являлся элементом двусторонних отношений, то содержание секретного протокола к нему как раз увязывало геополитические интересы СССР и Германии, прежде всего исходя из становившегося неизбежным военным конфликтом Германии и Польши. Кстати говоря, Польша косвенно была обозначена как объект агрессии, т.к. по настоянию немецкой стороны из ст. 2 была удалена советская оговорка о неподдержке подписантами того из них, кто станет инициатором военных действий. Тем самым Германия неофициально извещала СССР о своих ближайших планах. В секретном протоколе всё было сказано достаточно адресно. Обозначалось «разграничение сфер интересов обеих стран в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства». Независимость последнего, как и его границы, также были отнесены к процессу «дальнейшего политического развития»⁵⁴. Как стало ясно после 22 июня 1941 г., наличие протяжённой общей границы с Россией дало очевидное военно-стратегическое преимущество многомиллионным войскам вермахта. В основном это разграничение проходило по «линии Керзона». Из протокола следовало, что территориально-политическое переустройство областей, входящих в состав прибалтийских государств, также не за горами. Германия щедро передавала в сферу интересов СССР не только восточную часть Польши, но и принадлежавшую тогда Румынии Бессарабию, а также прибалтийские государства и Финляндию. Как стало вскоре известно, всё это легло в основу ближайшего территориального присоединения Прибалтики и Бессарабии к СССР и предшествовавшей им «зимней войны» (1939–1940 гг.) с Финляндией.

⁵³ История дипломатии. Указ. соч. С. 689, 690.

⁵⁴ Белые пятна – чёрные пятна. Указ. соч. С. 157.

В течение последующих десятилетий советско-германский договор и секретные протоколы стали объектами острых политических дискуссий. Вспомним, что Сталин в своём радиовыступлении 3 июля 1941 г. исказил последовательность событий: он утверждал, что именно Германия предложила нам Пакт о ненападении, от которого Советский Союз не мог отказаться. Не смущало Сталина и то, чтобы во главе «миротворцев» стояли такие, по его же словам, «изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп». Вполне естественно, что Сталин даже не намекнул на секретный протокол, содержание которого как раз противоречило словам вождя о возможности мирного соглашения при условии, что оно «... не затрагивает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства»⁵⁵.

Уже на излёте советской власти была дана объективная оценка как Пакту, так и протоколу к нему. Согласно заявлению В.В. Путина, «... Советский Союз дал правовую и моральную оценку так называемому Пакту Молотова – Риббентропа». В постановлении Верховного Совета от 24 декабря 1989 г. официально осуждены секретные протоколы как «акт личной власти, никак не отражавший волю советского народа, который не несёт ответственности за этот сговор»⁵⁶. Отметим, что и Пакт, и протоколы к нему категорически противоречили принципам суверенитета и независимости целой группы стран.

При всём негативном отношении к этим документам их нельзя считать главными побудительными мотивами начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны. Однако именно так интерпретирует их Еврокомиссия в заявлении, приуроченном к 80-летию Пакта. Используя метафору упомянутого заявления, «чёрной страницей» в европейской истории были прежде всего Мюнхенские соглашения 1938 г., давшие «зелёный свет» гитлеровской агрессии в Европе. Пакт и протоколы хотя и не делали чести советскому руководству, но никак не могли быть равнозначными началу войны против Польши, ставшей для Германии очередным шагом по реализации своих агрессивных планов.

⁵⁵ Дипломатический словарь. Указ. соч. С. 699-700.

⁵⁶ Путин В. Указ. соч. С. 7.

От войны к войне

События 1 сентября 1939 г. были вполне ожидаемыми. Немцы, устроив провокацию на границе с Польшей, объявили последней войну, в которую, скорее номинально, нежели реально, включились союзные Варшаве Лондон и Париж. Для СССР подобное начало общеконтинентальной войны было вполне предсказуемо. В.А. Никонов приводит ссылку из дневника Георгия Димитрова, который в записи от 7 сентября воспроизвёл часть беседы со Сталиным. Последний явно рассчитывал, что война ослабит её участников: «Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран»⁵⁷.

СССР, однако, не спешил принять участие в дележе польского наследства. Руководство страны отдавало себе отчёт в том, что ввод войск на территорию соседнего государства без объявления ему войны объективно понижал бы международный престиж Советского Союза. Однако из Берлина постоянно звучали предложения к Москве действовать в духе недавних договорённостей. Советские лидеры (в данном случае Молотов), со своей стороны, указывали немцам, что поспешность может «облегчить сплочение противников»⁵⁸. Эту формулировку можно интерпретировать и как намёк на поддержку Польши со стороны Англии и Франции. Только после бегства из страны польского правительства, что абсолютно деморализовало польскую армию, советские войска вошли 17 сентября на территорию соседнего государства, заняв ту часть его территории, которая была обозначена в секретном протоколе. Всё это было зафиксировано в новом советско-германском «Договоре о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года». В секретном протоколе к нему окончательно определялась новая граница, сложившаяся после соприкосновения обеих армий⁵⁹.

Развивая стратегию, обозначенную в секретном протоколе, СССР предложил прибалтийским государствам пакты о взаимопомощи, которые фактически означали предпоследний шаг к их

⁵⁷ Никонов В.А. Российская матрица. М.: Русское слово, 2014. С. 606.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Путин В. Указ. соч. С. 10.

оккупации, ибо предполагалось размещение в Латвии, Эстонии и Литве не только советских военных баз, но и воинских контингентов. Летом 1940 г. в прибалтийских государствах произошли «народные революции», и они вошли в состав СССР. В том же 1940 г. в состав СССР были включены Бессарабия и Буковина как части новообразования – Молдавской ССР. Сложнее обстояло дело с советизацией Финляндии, также входившей, согласно протоколу, в сферу влияния СССР. Во-первых, правительство этой страны не соглашалось на запрашиваемый Москвой обмен территориями. СССР явно хотел большей безопасности для Ленинграда. Во-вторых, финская армия зимой 1939–1940 гг. оказала упорное сопротивление советским войскам. В итоге лишь 12 марта 1940 г. СССР достиг желаемого результата, отодвинув границу от Ленинграда на значительное расстояние. Помимо больших людских потерь, эта «зимняя война» нанесла серьёзный ущерб престижу Советского Союза, который 14 декабря 1939 г. был исключён из Лиги Наций. В начале 1940 г. Франция и Англия готовы были послать на помощь финнам экспедиционный корпус, что явно указывало на нереальность восстановления даже чисто деловых отношений с СССР. Со своей стороны, Германия в месяцы «зимней войны» смогла, с помощью военной разведки, определить реальные возможности Красной Армии. Гитлер и руководство вермахта утвердились во мнении, что СССР не выдержит столкновения с немецкими войсками. В конце 1940 г. эта уверенность воплотилась в план «Барбаросса». Нападение на Советский Союз стало ближайшей целью Гитлера.

Такая цель стала ещё более реальной уже в мае – июне 1940 г., когда была повержена Франция, а британский корпус с трудом смог эвакуироваться через Ла-Манш на родину. Вполне естественно, что СССР, связанный договорённостями 23 августа 1939 г., никак не обозначил свою заинтересованность в ином развитии событий. Кроме того, Москве также явно не понравилась относящаяся к началу 1940 г. информация о возможных англо-французских бомбардировках бакинских нефтяных промыслов, что связывалось с поставками из советского государства в Германию стратегически важных для вермахта нефтепродуктов. Можно предположить, что абвер специально подбра-

сывал советской разведке различные доказательства возможных действий Англии и Франции с территории их подмандатных владений – Ирака и Сирии.

Фактическое поражение Англии в «летней войне» 1940 г. с Германией и ухудшение англо-советских отношений, связанных с финской кампанией Красной армии в 1939–1940 гг., как и слухи о возможных бомбардировках бакинских нефтепромыслов, открывали Гитлеру перспективы поиска новых договорённостей со Сталиным, которые окончательно воспрепятствовали бы восстановлению отношений между Лондоном и Москвой. Как пишет в своих мемуарах Вальтер Шелленберг – один из руководителей немецкой разведки – Гитлер поручил главе МИД Германии Риббентропу передать Сталину предложение о присоединении СССР к «пакту трёх»⁶⁰. В связи с этим большие надежды возлагались на состоявшийся 10-12 ноября 1940 г. визит в Берлин Молотова. Ключевым моментом встречи наркома иностранных дел с Гитлером было предложение фюрера заменить тройственный пакт Германии, Италии и Японии коалицией, в которую, помимо коллаборационистов Франции и испанских франкистов, был бы включён Советский Союз. Гитлер не скрывал, что речь идёт о подготовке раздела Британской империи. После военной победы над Великобританией Советскому Союзу предлагалось включить в сферу своего влияния Иран и Индию, а также установить контроль над черноморскими проливами.

Предложения не стали абсолютно неожиданными для Молотова; он пообещал обсудить их с советским руководством. Однако Кремль не был готов к столь резкой смене вектора. В качестве контрпредложений советская дипломатия выдвинула ряд предварительных условий, интригуя немецкую сторону тем, что их выполнение, по мнению Шелленберга, приблизит СССР к «пакту трёх»⁶¹. Ожидаемыми были неприятие Берлином нашего требования вывода из Финляндии немецких войск, появившихся там в 1940 г. без консультации с СССР, несогласие немцев с советско-болгарским Пактом о взаимопомощи, а также с планом создания советской военно-морской базы в районе черномор-

⁶⁰ Шелленберг В. Лабиринт (пер. с англ.). М.: Дом Бируни, 1991. С. 142.

⁶¹ Там же. С. 143.

ских проливов. Позицию СССР следует объяснить не только условившимися после немецких побед в 1940 г. в Европе советско-германскими отношениями, но и определёнными подвижками со стороны Британии, где к власти пришёл кабинет У. Черчилля, более благожелательный к СССР. Сам Черчилль, по мнению президента России В.В. Путина, относился к числу «ответственных, дальновидных политиков»⁶². Отказ Сталина от планов «распила» Британской империи сыграл положительную роль для будущих союзнических отношений СССР и Британии.

Не добившись успеха в деле разрушения перспектив антигитлеровского сотрудничества, Германия твёрдо взяла курс на подготовку к войне против СССР. 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал план «Барбаросса», в январе 1941 г. начал переброску немецких войск в Болгарию, что Молотов расценил как вторжение в советскую зону безопасности. Наконец, в начале апреля 1941 г. немецкие войска напали на Югославию, где за день до этого пришло к власти просоветское правительство генерала Душана Симовича.

Всё это в совокупности прокладывало путь к 22 июня 1941 г. К сожалению, Сталин и его ближайшее окружение не делали стратегических выводов из складывающейся ситуации. Геополитика, в которую Гитлер втянул наше руководство, осложнила осознание реалий текущей политики, учёта как военно-политических угроз, так и возможных альтернатив сотрудничества с агрессивным фашизмом.

Территориальные приращения на западной границе советского государства не стали выигрышным фактором в условиях очевидных пробелов в организации обороны, впоследствии развалившейся под ударами вермахта. В результате «тяжелейшие военные поражения 1941 г. поставили нашу страну на грань катастрофы»⁶³. Вероломство гитлеровского нападения на СССР не снимало с советского руководства исторической вины за неготовность к войне с фашизмом. За победу над ним народы Советского Союза заплатили непомерно высокую цену, которая и до сих пор терзает память наследников Великой Победы 1945 г.

⁶² Путин В. Указ. соч. С. 12.

⁶³ Там же. С. 15.

ГЛАВА 3. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

3.1. Трагедия Катыни глазами бывшего контрразведчика*

Кровавые события в Катынском лесу 1940 г., связанные с расстрелом польских военнослужащих, привлекли к себе внимание общественности прежде всего в России и Польше. На российских телеэкранах прошёл фильм А. Вайды, посвящённый не только Катыни, но и трагедии всего польского народа, потерявшего тогда свою государственность. Особый, почти мистический оттенок придали им трагическая гибель самолёта с высокопоставленной польской делегацией, направлявшейся на траурные мероприятия (2011 г.). Обстоятельства, связанные с Катынью, раскрылись публикацией на сайте Федерального архивного агентства (ФАА) служебной записки Л.П. Берии (в то время наркома НКВД – НКГБ) о «целесообразности» расстрела польских военных, что в совокупности с печально известной копией решения партийных верхов ВКП(б) не оставила сомнений в том, делом чьих рук было это преступление. Наконец, Польше были переданы признанные главной военной прокуратурой ещё в 2005 г. не содержащими государственной тайны 67 томов, относящихся к катынским событиям. Осенью 2010 г. Польша получила ещё ряд архивных материалов, связанных с Катынью.

Вопросы без ответа

И всё же некоторые важные обстоятельства «катынского дела» до сих пор остаются не прояснёнными. Прежде всего непонятны временной лаг и мотивация принятого партийными верхами решения. Почему польские военнослужащие были расстреляны лишь полгода спустя после того, как они сдались на милость захватившей часть их страны силе? Ведь то, что многие из них служили в полиции и разведке, были выходцами из буржуазно-помещичьей среды, не являлось изначально никаким секретом. Свести всё лишь к сталинской мизантропии – значит явно упростить мотивацию действий «вождя» и его окружения.

* Публикуется по тексту статьи: Швейцер В.Я. Он знал о Катыни почти всё. (из бесед с видным контрразведчиком) // Современная Европа. 2011. №1. С. 139-145 (в авторской редакции с сокращениями и дополнениями).

Сталин даже в своей жестокости был предельно рационален, не поддавался сиюминутным эмоциям, тем более когда речь не шла о непосредственной угрозе для системы, которую он возглавлял. Непонятен принцип, по которому составлялись расстрельные списки, в которых счёт шёл на тысячи, тогда как в плен было захвачено более чем 250 тыс. военнослужащих Польши.

Другой комплекс вопросов, пока остающихся без ответа, связан с фактом обнаружения гитлеровцами катынского захоронения. Зачем им, спустя полтора года после захвата Смоленска, рыться в могилах, выясняя, какие трупы принадлежат русским, а какие полякам? Для чего Сталину понадобился «контрудар» в виде «комиссии Бурденко», хотя естественнее было просто замять дело, ограничившись ссылкой на геббельсовскую пропаганду? Тем более что после освобождения Смоленска никаких «расследований» можно было не проводить, не допускать ненужных людей в Катынь. Остаётся пока без ответа и вопрос о свёртывании обсуждения катынских дел на Нюрнбергском процессе, хотя советская сторона тщательно готовила свои «аргументы» по данной теме.

Увы, живых свидетелей событий начала 40-х гг. прошлого века практически не осталось. Многие говорят о том, что канули в Лету документы прошлого, пропала значительная часть архивов тогдашнего ведомства Берии. К счастью, историкам не возбраняется пользоваться и устными источниками – свидетельствами тех, кто уже ушёл из жизни.

Автору книги довелось общаться с одним из таких свидетелей прошлого. Это бывший генерал-лейтенант МГБ Леонид Фёдорович Райхман (далее – Л.Ф.). Близкое соседство (район ул. Горького) позволяло довольно регулярно встречаться с Л.Ф. Райхманом – знакомым моих родителей, который для автора как профессионального историка стал интересным источником информации о событиях сталинского периода нашей Родины. Нельзя сказать, что мои взгляды на эти события формировались под влиянием бесед с бывшим высокопоставленным чекистом, лишённым после XX съезда КПСС всех званий и наград вследствие доказанной его сопричастности к ряду сфальсифицированных в период «сталинщины» дел. Во многом я придерживался

иногое мнения, хотя понимал и мотивы, влиявшие на позицию экс-генерала.

В конце 1989 г. Л.Ф. Райхман тяжело заболел: врачи обнаружили у него неоперабельный рак лёгкого. У постели умирающего постоянно дежурили его дочь и внучка. Мне также иногда случалось подменять их. Я понимал, что из жизни уходит уникальный свидетель событий, которые в период всё нарастающей гласности становились достоянием жарких общественных дискуссий, объектом некоторых из них был и Л.Ф. Никак не проявляя инициативы по обсуждению важных сюжетов недавней истории, понимая, сколь трудно, даже физически, говорить тяжелобольному, я в то же время не уклонялся от корректного выяснения обстоятельств тех дел, к которым был сопричастен один из бывших руководителей советской контрразведки.

Где-то в середине февраля 1990 г. Л.Ф. обратил моё внимание на дискуссию в прессе о фактах, связанных с гибелью польских офицеров в Катыни. Надо сказать, что за полгода до этого с ним беседовал журналист из «Литературной газеты» В. Абарин, опубликовавший в сентябре 1989 г. в «ЛГ» материал о Катыни, где были использованы фрагменты этой беседы. Тогда Л.Ф. отрицал какое-либо отношение НКВД – НКГБ к данному событию и своё участие в нём, придерживаясь традиционной версии о «немецкой провокации». В ситуации приближавшегося ухода из жизни экс-генерал уже не опасался, что его откровения могут как-то негативно повлиять на собственную судьбу, сделать обоснованными возможные претензии властей. То, что я услышал от Л.Ф. Райхмана теперь, не только по существу перечёркивало ранее им говорившееся, но и наполняло «катынское дело» совершенно новым содержанием.

«Бериевский проект»

«Когда поляки сдались нам в плен, – начал свой рассказ Л.Ф., – стало ясно, какую ценность может представлять полученная от них информация. Прежде всего она касалась военных действий на территории Польши. Анализируя сведения о боях с немцами, наши военные разведчики (Л.Ф. называл их “соседи”) могли определить наступательные возможности вермахта. Л.П. Берию пленные интересовали с другой стороны: необходи-

мо было выявить, кто из них служил в “офензиве” (разведке) и “дефензиве” (контрразведке). На самом верху, – продолжал Л.Ф., – было принято решение рассредоточить тысячи офицеров-поляков в ряде лагерей и вести с ними дознавательную работу по указанным направлениям. Обоими ведомствами (военной разведкой и чекистами) были созданы группы дознавателей. По линии НКВД – НКГБ Л.П. Берия поручил мне сформировать коллектив сотрудников. Возможно, – считал Л.Ф., – это было связано с тем, что я в известной степени владел польским языком. На родине моей, Украине, нашими соседями были поляки, с детьми которых я постоянно общался, и поэтому усвоил польскую разговорную речь. Польский я смог совершенствовать, находясь осенью 1939 г. во Львове, откуда и велась вся координационная работа с пленными. Моим непосредственным начальником в этом деле был П.В. Федотов.

Где-то в конце октября 1939 г. Берия вызвал меня и, поинтересовавшись ходом дознания, сообщил, что “Сам”, – так он называл И.В. Сталина, одобрил идею работы с поляками для возможной засылки их на родину с целью организации подполья в случае начала войны с Германией. Передо мной была поставлена задача: сформулировать концепцию создания партизанских баз на территории врага, их постоянных связей с “Центром”, взаимодействия партизан с местным населением. Работа эта, по словам Л.Ф., не нашедшая применения в данном случае, всё же была частично востребована вскоре после нападения Германии на СССР. “Надо, – говорил Берия, – не просто выявить антигермански настроенных военных, что и так очевидно, а тех, кто готов работать с нами. Обращай внимание на социальное происхождение; если удастся обработать в нужном направлении офицеров польских спецслужб, то это будет большим успехом. “Сам”, – сказал мне Берия, – не питает никаких иллюзий по поводу Гитлера». Придавив англо-французов, он вновь пойдёт на Восток. И ещё, – добавил нарком, – не заикливайся на политической ориентации поляков. Сейчас некоторые из них будут называть себя бывшими коммунистами. Мы этого даже не сможем проверить. Ты ведь знаешь о том, что стало с польским отделением Коминтерна» (в 1938 г. в Москве был расстрелян лидер

польских коммунистов Ю. Ленский и почти все работавшие с ним поляки, а сама компартия Польши распущена – В.Ш.).

«Я, – рассказывал Л.Ф., – с воодушевлением взялся за работу. Неожиданная “дружба” Сталина с Гитлером мне не понравилась, хотя я, как и многие другие, считал, что “вождь” видит дальше и лучше, чем простые граждане СССР. Организация польского подполья для будущей войны представлялась святым делом, однако на практике всё шло не так гладко, как полагали верхи. Ко мне во Львов поступали материалы от коллег, работавших в лагерях, из которых складывалось впечатление, что поляки совсем не рвутся вернуться на родину в качестве агентов НКВД. Некоторая часть офицерского корпуса хотела создания “армии сопротивления” во главе с пленённым нами генералом Андерсом, уповала на союз с англичанами. Мы пытались убедить их, что англичане уже однажды предали Польшу, не начав первого сентября 1939 г. обещанных боевых действий. Поэтому рассчитывать на поддержку из Лондона не следует. Однако этот аргумент мало помогал. Мы, – отмечал Л.Ф., – даже заподозрили кое-кого в давнем сотрудничестве с “Интеллиндженс-сервис”. Часть пленных отказывалась вернуться на родину, говоря, что не знают, живы ли их близкие. Сообщив об этом Л.П. Берию, мы получили от него указание: разрешить пленным переписку с Родиной. Немцы против этого также не возражали, тем более что обе стороны вполне естественно перлюстрировали всю корреспонденцию».

Л.Ф. полагал, что именно почтовый обмен и привёл к печальному итогу всей эпопеи с польскими военнослужащими.

Приказ Сталина

«Где-то в середине февраля 1940 г. “очкастого” (так Л.Ф. называл Берию) срочно вызвали к Самому. Вернувшись, он сразу же нашёл меня. “Заканчивай эту канитель с поляками. Сам приказал их убрать”. Видя моё полное недоумение, нарком изложил суть случившегося. Немцы каким-то образом заподозрили НКВД в том, что чекисты готовят из польских военнопленных нелегалов для отправки в Польшу. Для того чтобы выяснить истинное положение вещей, они хотят прислать к нам инспекционную группу, причём последняя должна иметь право вернуть в Герма-

нию тех поляков, которые, по мнению немецкой стороны, подходят под категорию “враги рейха”. Секретное соглашение об обмене людьми такой категории было заключено нами с немцами вскоре после “договора о дружбе”. И уже к зиме 1939–1940 гг. обмен, как уже указано ранее, состоялся. Немцы выдали нам ряд арестованных наших нелегалов, а мы, в свою очередь, передали им кое-кого из немецких и австрийских работников Коминтерна. Так что прецедент был создан. Кроме того, вполне официально существовала договорённость об обмене военнопленными, работала совместная советско-германская комиссия.

Берия, – говорил Л.Ф., – сообщил, что Сам крайне не заинтересован до окончания советско-финской войны портить отношения с немцами, и ради этого готов пожертвовать той операцией, которую разработал нарком НКВД. В то же время, полагал Сталин, отпускать поляков к немцам нельзя. С этим был согласен и “очкастый”: то, что мы готовили для немцев, бумерангом может вернуться к нам».

Л.Ф. рассказал мне, что опасения относительно использования немцами в своих целях польских офицеров якобы подтвердились в первые послевоенные годы. Участвуя в борьбе с бандеровщиной на Западной Украине, он лично допрашивал некоторых, признававшихся в шпионаже граждан польской национальности, которые сообщили, что были заброшены туда немцами ещё в канун войны, пройдя спецподготовку в разведшколах абвера.

Сталин указал Берии и на другое обстоятельство, связанное с польскими военнопленными. Их судьбой заинтересовались англичане, которые зондировали почву на предмет создания польского корпуса под их началом. Этот вариант Сталина также категорически не устраивал: он, полагал Л.Ф., не хотел делать такой «подарок» крайне неприятным ему англичанам, тем более предвидя очевидную негативную реакцию немцев. Берия был убеждён, что всю информацию, касавшуюся «польских интересов» немцев и англичан, Сталин получил через Главное разведывательное управление Красной Армии. Немцы, считал «очкастый», либо вычислили наши планы, либо через почту получили зашифрованные сведения от своих агентов-поляков, ока-

завшихся в трёх наших лагерях. С учётом давних связей польской и английской разведок, такой вариант вполне объяснял и информированность Лондона, который всегда был готов вставить нам палки в колеса, полагал нарком НКВД.

Сталин поручил Берии составить соответствующую бумагу для Политбюро, в которой была бы дана мотивация предстоящего расстрела поляков. Естественно, в ней не должно было быть места «немецкому» и «английскому» следу. Берия сам писал этот документ (скорее всего, именно он был опубликован Росархивом – В.Ш.). Л.Ф. лишь в общих чертах имел о нём представление. «Очкастый» зачитал его руководству НКВД перед тем, как ехать в начале марта с этой запиской в Кремль. Вернувшись с заседания членов Политбюро ВКП(б), Берия сообщил Л.Ф. о том, что решение о расстреле утверждено. Казни подлежали как поляки, подвергавшиеся вербовке, так и все находившиеся в контакте с ними обитатели лагерей, безусловно, информированные об этом мероприятии. Также он перечислил тех, кому поручалось подготовить выполнение этого приказа. Среди них был и Леонид Фёдорович Райхман.

«Крайний» по «польскому вопросу»

Своему привлечению к ликвидации польских офицеров Л.Ф. отнёсся без особого энтузиазма. Правда, в его функцию входила чисто бюрократическая работа по сбору и систематизации дознавательных материалов, наработанных в лагерях, где содержались поляки в октябре 1939 – феврале 1940 г. Берия ориентировал его на выявление в среде офицеров тех из них, кто участвовал в войне 1920 г., имел отношение к пленению солдат армии Тухачевского под Варшавой и к дальнейшему их содержанию в концлагерях. Суть этой работы, проведённой в течение месяца, Л.Ф. узнал позже, осенью 1941 г., во время ночных бесед с Л.П. Берией. Последний рассказал ему, что Сталин решил частично удовлетворить требования немцев о приезде в СССР экспертов. Однако когда последние появились весной 1940 г. в Москве, то им вместо поляков предъявили материалы следствия, а также судебное решение о вынесенном им приговоре: расстреле за зверства, учинённые в отношении военнопленных-красноармейцев в начале 1920-х гг. Вскоре им показали и ме-

сто расстрела, недалеко от Смоленска, с ещё непогребёнными трупами в форме офицеров польской армии. Немцы могли сверить лица убитых с фотографиями, сделанными в процессе дознания. Сами дела допрошенных не были показаны, ибо из них немцы могли бы получить фактическое подтверждение об истинной цели работы следователей. Правда, в другие лагеря, где содержались и были расстреляны военнопленные, немцы не были допущены. Сталин считал, что Катынь была достаточным доказательством нашей «честной игры» с Германией.

Л.П. Берия сказал, что о приезде немцев Л.Ф. не знал отнюдь не из-за недоверия начальства. По распоряжению Сталина для контактов с немецкой «делегацией» была привлечена лишь ограниченная группа чекистов – русских и украинцев. Евреи-чекисты, полагал «вождь», могли бы вызвать у немцев раздражение из-за неуверенности в том, что их присутствие в Катыни останется тайной. Что касается англичан, интересовавшихся польскими офицерами, то им вообще ничего не было известно о расстреле. Лишь когда немцы сообщили о своей якобы «случайной находке» захоронения, англичане поняли, что Сталин обвёл их вокруг пальца.

С осени 1941 г. польская эмиграция в Лондоне через своих эмиссаров в СССР настойчиво добивалась от советского руководства сведений о судьбе тысяч офицеров. Л.П. Берия, который был занят по горло разными делами, поручил Л.Ф. Райхману курировать «польский вопрос».

«И мне, – говорил Л.Ф., – приходилось рассказывать польским военным из эмигрантских кругов в Москве, а также послу лондонской эмиграции Коту легенду о польских офицерах, захваченных немцами при наступлении на Смоленск и Харьков, судьба которых до сих пор неизвестна. Сложнее было объяснить, куда делись поляки из тех мест, где немцев не было. Ссылался на неразбериху осени 1941 г., на вероятную эвакуацию поляков за Урал, на невозможность контактов с ними по причинам военного времени».

Л.Ф. считал, что обнаружение немцами данных экспертизы о расстрелянных поляках имело сугубо политические мотивы. Уже с начала войны СССР наладил отношения с польским

эмигрантским правительством, согласился на формирование под началом Андерса польской бригады, значительная часть которой состояла из солдат и офицеров, не находившихся в трёх «расстрелянных» лагерях. В ситуации, когда военные действия могли в перспективе перекинуться на территорию Польши, было ясно, что немцы хотят вбить клин во взаимоотношения сил, заинтересованных в её освобождении от гитлеризма.

Л.Ф. рассказал, что в середине апреля 1943 г., почти сразу после «немецкой находки» и заключения международной комиссии Красного Креста у Сталина было созвано совещание, на которое по инициативе Л.П. Берии был приглашён и он. Несколько минут «вождь» возмущался подлостью немцев: «Ведь они сами нас к этому подтолкнули, загнали нас в угол с поляками». Он попросил собравшихся высказаться на тему наших ответных шагов с учётом перспектив контрнаступления и скорого, как он полагал, освобождения Смоленска. Некоторые участники совещания из числа высокопоставленных военных робко рекомендовали не обращать на выпад немцев никакого внимания: мало ли какие сказки они рассказывают о нас в период, когда в войне наметился перелом. Берия был иного мнения: надо представить дело таким образом, что гитлеровцы пытаются переложить вину за собственное преступление на нас. Сталин предложил «очкастому» проработать этот вопрос именно в таком ключе. «Только подождите, пока мы вернём себе Смоленск. Вот тут пускай уже действуют ваши специалисты».

«Берия назначил меня, – сообщил Л.Ф., – ответственным от госбезопасности за, как он говорил, “катынские могилы”. В мою задачу входило найти свидетелей, видевших, как немцы расстреливали поляков. В процессе работы я обнаружил, что немцы хотели обставить “находку” в Катыни как чисто случайную. Они послали на земляные работы группу местных жителей в уже известное им по событиям весны 1940 г. место расстрела. Академик Н.Н. Бурденко получил лично от Л.П. Берии задание идентифицировать останки со следами именно немецких пуль. На НКВД (Народный комиссариат иностранных дел) было возложено поручение: найти иностранных экспертов, согласных быть свидетелями результатов нашей работы. В конечном ито-

ге была составлена подробная бумага со всеми нужными доказательствами именно “немецкого следа”».

Эти аргументы были предложены и Нюрнбергскому трибуналу. В течение нескольких месяцев Л.Ф. координировал часть работы советской стороны по данному вопросу. Однако не всё здесь было гладко, и в конечном итоге по личному указанию Сталина, мы не стали педалировать «катынское дело» как одно из преступлений гитлеровцев. По-видимому, «вождь» не был уверен, что этот вопрос будет решён в позитивном для нас ключе.

Сегодня, после публикации части материалов о катынской трагедии, о ней известно многое. Но представляется, что рассказанное Л.Ф. Райхманом вносит дополнительные штрихи в существо проблемы, над решением которой бьются многие годы историки и архивисты разных стран.

3.2. Версия экс-генерала Райхмана: «за» и «против»*

После бесед с рядом историков-катынцев стало ясно, что недокументированность вышеназванных обстоятельств «версии Райхмана» делает её для профессионалов достаточно спорной. Никаких документов экс-генерал МГБ, вполне естественно, мне не предьявлял. А я со своей стороны, не будучи подготовлен к откровениям видного контрразведчика, не отразил их в каких-либо записях. Тем более что Л.Ф. Райхман не просил меня выступить с его версией в прессе. Я сделал это лишь спустя два десятилетия после бесед с ним, восстановив их содержание по памяти.

Я пошёл по пути сопоставления того, что говорил мне Л.Ф. Райхман, с наиболее интересными, по моему мнению, разработками российских исследователей Катыни. Это, во-первых, опубликованная на рубеже 2010–2011 гг. совместная российско-польская монография «Белые пятна – чёрные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях»⁶⁴, и прежде всего главы, написанные Н.С. Лебедевой. Отметим, что ещё в 1994 г. она об-

* Публикуется с сокращениями и дополнениями по тексту статьи: Швейцер В.Я. Катынская версия: подтверждения и опровержения // Современная Европа. 2012. №2. С. 123-135.

⁶⁴ Белые пятна – чёрные пятна. Указ. соч. 2010.

народовала собранные ею с конца 1980-х гг. материалы по катынской трагедии⁶⁵. Правда, за три года до этого своё исследование опубликовал журналист В. Абарин⁶⁶. Он же в 2007 г. переиздал свою работу в Кракове на русском и польском языках, дополнив её новыми сведениями⁶⁷. Наконец, весной 2011 г. в Харькове была издана работа украинского исследователя А. Зинченко «Час попугая», посвящённая перипетиям пребывания польских офицеров в лагерях НКВД⁶⁸.

В предлагаемых читателю материалах приводятся откровения Л.Ф. Райхмана, не вошедшие в первый раздел по композиционным причинам, казавшиеся мне тогда второстепенными и в чём-то спорными. Кроме того, некоторые обстоятельства, имевшие отношение к катынской теме, сообщила весной 1990 г. моя мать, А.М. Швейцер-Челнокова, хорошо знавшая по работе в МГБ Л.Ф. Райхмана, дружившая в те времена с его женой, известной балериной О.В. Лепешинской. Ведь она была первым слушателем того, что рассказал мне её некогда высокопоставленный сослуживец. Со своей стороны, я также решил не уклоняться от оценок многих сюжетов катынского дела, ибо как профессиональный историк имею право на собственное видение событий нашего трагического прошлого.

Чекистская «оперативка»

Вспоминаю, что во время одного из разговоров с экс-генералом я задал вопрос о документальности его рассказов о катынских событиях. Ответ Л.Ф. Райхмана меня несколько озадачил: «Документы политического характера, возможно, и раскроют, но чекистскую оперативку – никогда». Его оптимизм (или реализм!) относительно ставшего спустя меньше месяца после смерти Райхмана (умер 16 марта 1990 г.) широко известным решения сталинского Политбюро опирался на уже обнародованные к тому времени «секретные протоколы» к пакту Молотова – Риббентропа. Аналитический ум генерала просчитывал и такой поворот событий. Тем более что в прессе на рубеже 1989–1990 гг. появлялись сообщения о желании верхов приоткрыть «тайну Ка-

⁶⁵ Лебедева Н.С. Катынь: преступления против человечества. М., 1994.

⁶⁶ Абарин В. Катынский лабиринт. М., 1991.

⁶⁷ Абарин В. Катынский лабиринт (на рус. яз.). Краков, 2007.

⁶⁸ Зинченко А. Час попугая (на укр. яз.). Харьков, 2011.

тыни», существенно осложнявшую отношения с уже вставшей на стезю демократии Польшей.

Л.Ф. Райхман стал провидцем и относительно документов по вербовке польских военнослужащих. «Оперативка, – объяснял он мне, собеседнику-дилетанту, – это материалы о “спецбеседах” с теми, кого мои помощники в лагерях предлагали для серьёзных разговоров. Вообще-то эти беседы никак не походили на допросы потенциальных врагов советского государства. В некоторых особо интересных случаях объекты разработки доставлялись ко мне во Львов, в штаб-квартиру НКВД. Однако, как правило, я сам выезжал в лагеря. Здесь в специально оборудованном для “прослушки” помещении я встречался с поляками. Выяснял, действительно ли они готовы к борьбе с немцами на своей территории. Получив подтверждение, объяснял необходимость спецподготовки в разведшколах НКВД. Если поляки соглашались, то говорил о возможности новых встреч с конкретизацией дальнейших шагов в обозначенном направлении. Правда, таких людей, – сетовал Райхман, – среди поляков оказалось совсем немного».

Экс-генерал пояснил мне и ничтожно малую вероятность получения подобных материалов исследователями-историками. «Понимаешь, работа контрразведки основана на неких постоянно нарабатываемых шаблонах. Даже десятилетия спустя в наших спецшколах молодых сотрудников учат методам допросов и вербовки, накопившихся в прошлые времена. Эта “оперативка” в принципе не подлежит разглашению. В противном случае опытный аналитик, действующий по заданию враждебных нам спецслужб, сможет без особого труда вычислить методы нашей работы, что крайне осложнит жизнь отечественной контрразведки, которой придётся иметь дело с уже подготовленной к подобному развитию событий вражеской агентурой».

По словам Райхмана, «оперативка» в данном случае с польскими военнослужащими состояла как из расшифровок записей «прослушки», так и из его, как руководителя вербовочной кампании, оценок возможностей использования тех или иных людей для создания будущего партизанского подполья на территории оккупированной Германией Польши. Всё это хранилось в

папках с грифом «Совершенно секретно. Используется лишь в служебных целях по спискам сотрудников». Сам он эти материалы никогда больше не видел, хотя предполагал, что они не были уничтожены в конце 1959 г., когда А.Н. Шелепин по согласованию с Н.С. Хрущёвым проводил ревизию «катынских дел». Об этом ему намекнул в частной беседе его бывший начальник так же экс-генерал-лейтенант П.В. Федотов. Их беседа состоялась незадолго до смерти Федотова, который, как и многие другие старые чекистские кадры, в 1960 г. был отправлен Шелепиным на пенсию. «Шурик, конечно, почистил наш “польский архив”, убирая всё, что имело отношение к “Хрущу”. Однако я уговаривал его сохранить “оперативку” для будущих поколений контрразведки. Надеюсь, что он внял моим аргументам».

Косвенные доказательства версии

Об этих, ранее не использованных мною фрагментах бесед с Л.Ф. Райхманом, я вспомнил после прочтения уже упоминавшихся исследований катынцеведов. Очевидно, что офицерские лагеря создавались отнюдь не для того, чтобы поставить определённые категории военнослужащих в привилегированное положение. Тем более что у советской стороны были все аргументы поступить противоположным образом с учётом того, как обошлись поляки с военнопленными-красноармейцами в начале 1920-х гг. Если бы изначально целью советского руководства было уничтожение цвета польского офицерства (хотя, как выяснилось, многие из расстрелянных не были даже кадровыми военными), то сделать это можно было много раньше, чем весной 1940 г. Не предназначались польские офицеры в своей массе и для трудовых работ. На этот участок «хозяйственной деятельности» НКВД были направлены тысячи не имевших для чекистов никакой ценности рядовых военнослужащих.

О том, что у органов НКВД, в ведение которых были переданы пленные офицеры, имелись далеко идущие планы, косвенно свидетельствуют материалы, опубликованные в сборнике «Белые пятна – чёрные пятна» польским историком А. Гловацким. Он пишет: «После того как было определено звание каждого военнопленного, НКВД отправил офицеров сухопутных и морских сил в Козельский и Старобельский лагеря. В Осташ-

ковском разместили полицейских, жандармов, агентов разведки, тюремных охранников, осадников и тех, кто был связан с органами правосудия и прокуратурой»⁶⁹. Можно предположить, что чекисты создавали лагерь по принципу «профессиональной специализации» никак не для того, чтобы военнопленным было веселее коротать время в беседах на близкие им служебные темы. Вспомним, что Райхман как раз говорил о «разделении труда» между военной и чекистской контрразведкой. Относительно работы последней свидетельствует и А. Гловацкий: «В распоряжении лагерного руководства имелся “оперативно-чекистский персонал”, а также агенты среди военнопленных для определения их политических настроений и выявления среди них членов “контрреволюционных групп”, сотрудников силовых ведомств, органов правосудия, разведчиков, политических деятелей, а также членов “националистических” группировок»⁷⁰.

Цитата из А. Гловацкого относится к тем лагерям, в которых поляки находились ещё до их распределения по военной специализации. В то же время наличие в них агентов, завербованных НКВД, говорит о том, что начался первый этап «работы» чекистов с неустойчивой частью арестованных. В последующем агенты НКВД среди польских военнослужащих явно не зря ели свой хлеб. Об их деятельности, опираясь на архивные источники, Н.С. Лебедева сообщает, в частности, следующее: «Агентура, завербованная ими (чекистами – В.Ш.), сообщала о жизни лагеря, о тех, кто проявлял активность в религиозной и духовной жизни, вёл просветительскую работу, поддерживал патриотические настроения своих товарищей»⁷¹. Однако этой, внешне безобидной, информацией дело не ограничивалось. Явно не с толка работники НКВД брали сведения, подходившие под клише «контрреволюционная деятельность». Цитируем Н.С. Лебедеву: «Особисты и работники политотделений сообщали в Москву о росте антисоветских настроений среди пленных, о намерении некоторых из них бежать из плена»⁷². Таким образом, слова из известной записки Л.П. Берии в адрес Политбюро о «контр-

⁶⁹ Белые пятна – чёрные пятна. Указ. соч. С. 256.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 282.

⁷² Там же. С. 282.

революционной работе» пленных, об исходящей от них «анти-советской пропаганде», об их желании после освобождения «активно включиться в борьбу против советской власти» явно опирались на факты, полученные от внутренней агентуры в офицерских лагерях.

Отметим, что ещё до начала обработки соответствующих военнопленных среди них были отфильтрованы те, кто проживал в «немецкой части» Польши. А. Гловацкий пишет: «В отношении лиц, которые проживали на оккупированных Третьим рейхом территориях, был отдан приказ задержать их в лагерях до того времени, пока не будет разрешён вопрос (на переговорах с Германией) об их возвращении на родину»⁷³. Этот пассаж воспроизводит место из текста постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 октября 1939 г. Вполне вероятно, что уже тогда возникла идея «чекистской работы» с определённой частью пленённых.

Кто и кого вербовал?

Вернёмся, однако, к сути той работы, которую проводили в лагерях контрразведчики. Здесь некоторую информацию, подтверждающую «версию Райхмана», даёт нам второе (польское) издание книги В. Абарина «Катынский лабиринт». Он, как и Н.С. Лебедева, называет тех из элиты НКВД, кто напрямую работал с поляками. «Основным содержанием деятельности чинов НКВД в лагере (в Козельске – В.Ш.) была фильтрация пленных для дальнейшего так называемого “оперативно-чекистского обслуживания”. На каждого было заведено досье. Узников допрашивали иногда по несколько раз, причём следователи поражали собеседников своей осведомлённостью»⁷⁴. Автор цитирует одну из директив Л.П. Берии, в которой перед чекистами, в частности, ставилась задача отбора лиц, «могущих быть использованными для заброски за кордон». И далее: «Вербовку агентуры, подлежащей заброске за рубеж, осуществлять только с предварительной санкции начальника Особого отдела НКВД СССР, а заброску её за кордон только с санкции Народного комиссара внутренних дел СССР»⁷⁵.

⁷³ Там же. С. 256.

⁷⁴ Абарин В. Катынский лабиринт (на рус. яз.). Краков, 2007. С. 19.

⁷⁵ Там же. С. 69.

Вряд ли польских офицеров могли готовить для выполнения спецопераций в Японии или Турции. Германское направление здесь очевидно. Очевидно и то, что чекисты искали людей конкретных военно-разведывательных специальностей. Абариннов пишет, что наибольший интерес представляли бывшие разведчики. Со ссылкой на М.М. Фрейденберга он сообщает, что в начале 1940 г. в Осташковском лагере отбирали специалистов по радиоделу: «Эти люди впоследствии могли быть эффективно использованы контрразведкой в качестве опознавателей или участников радиоигры»⁷⁶. А. Зинченко сообщает, что чекисты пытались выяснить у одного из узников старобельского лагеря – Б. Млынарского, не является ли поручик польской армии профессиональным разведчиком, выполнявшим спецзадания за рубежами Польши⁷⁷.

Хочу напомнить читателю: Л.Ф. Райхман рассказывал мне, что руководимая им работа по вербовке «была частично востребована вскоре после нападения Германии на СССР»⁷⁸. Подтверждение этого тезиса я нашёл у неоднократно упоминавшейся мною Н.С. Лебедевой. С начала войны в Подмоскowie (ст. Сходня) работали разведывательные курсы, где прошли подготовку 44 польских военнослужащих. Из заброшенных в Польшу закрепиться смогла группа «Михал» во главе с бывшим капитаном польской армии М. Арцишевским. Группа выполнила ряд разведзаданий Советской армии, однако все её участники были в июле 1942 г. арестованы. Командир группы на допросах никого не выдал и был расстрелян в мае 1943 г. Вряд ли столь быстрая в условиях войны система подготовки разведчиков могла быть осуществлена «с листа». Вполне вероятно, что пригодились и наработки «команды Райхмана», делавшиеся в процессе вербовки польских офицеров. Но, пожалуй, самым весомым аргументом в пользу версии о вербовочной акции НКВД являются данные, о которых также сообщает Н.С. Лебедева: «по ходатайству пятого (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД были оставлены в живых 47 человек»⁷⁹. Вспомнились слова Л.Ф. Райх-

⁷⁶ Там же. С. 70.

⁷⁷ Зинченко А. Час попугая. Указ. соч. С. 134-137.

⁷⁸ Швейцер В.Я. Он знал о Катыни почти всё. Указ. соч. С. 141.

⁷⁹ Белые пятна – чёрные пятна. Указ. соч. С. 292-293.

мана, отвечавшего на мой вопрос: «Всех ли расстреляли?». «Нарком договорился с Самим (И.В. Сталиным – В.Ш.) о дальнейшем использовании некоторых офицеров». А. Зинченко сообщает о некоем «списке Меркулова», руководившим тогда НКГБ – составной частью НКВД. В этом списке числилось 258 человек. Автор полагает, что в нём нашли своё место и те, ктогодились для выполнения специальных заданий НКВД⁸⁰.

В телефонном разговоре со мной Н.С. Лебедева выразила сомнение относительно сведений, сообщённых мне Л.Ф. Райхманом. По её словам, она документально установила, что задачи, поставленные перед Райхманом, ограничивались исключительно борьбой с повстанческим движением (и польским, и украинским) на территории Западной Украины. Действительно, Л.Ф. Райхман на рубеже сентября – октября 1939 г. был командирован во Львов именно для этих целей. Это, впрочем, не исключало его «челночных» поездок по вызову начальства в Москву. Версию Лебедевой косвенно поддерживает и Абаринов: «В архивных документах фамилия Райхман в связи с военнопленными отсутствует, зато присутствует фамилия его непосредственного начальника Федотова – именно в его распоряжение направлялись пленные, представлявшие оперативный интерес для второго управления ГУГБ»⁸¹. Правда, несколькими страницами до цитированного Абаринов ссылается на воспоминания бывшего узника Старобельского лагеря Ю. Чапского, который в начале 1942 г. искал встречи с Л.Ф. Райхманом, обратиться к которому ему рекомендовало чекистское начальство. Чапский рассчитывал, что на этой встрече он сможет выполнить задание генерала Андерса: узнать о судьбе пропавших в начале 1940 г. тысяч польских офицеров. «В предшествующие (войне – В.Ш.) два года генерал Райхман допрашивал многих из наших коллег»⁸². Косвенно такой спектр деятельности Райхмана подтверждает и сам Абаринов: «Мне представляется вероятным, что в его задачу входила также и предварительная селекция пленных для нужд контрразведки»⁸³. Это вполне соответствовало и должно-

⁸⁰ Зинченко А. Указ. соч. С. 371.

⁸¹ Абаринов В. Катинский лабиринт (на рус. яз.). Краков, 2007. С. 63.

⁸² Там же. С. 59.

⁸³ Там же. С. 63.

стному положению Л.Ф. Райхмана, который в январе 1940 г. стал заместителем начальника второго отдела ГУГБ НКВД, а в марте того же года досрочно получил звание майора ГБ, что соответствовало армейскому чину полковника.

Смею предположить, что особая деликатность работы, которую поручил Л.Ф. Райхману нарком, сделала любое упоминание о нём «секретом в секрете», с учётом тех последствий, которые могли бы быть в случае «утечки». Представляются иллюзорными надежды наших историков и журналистов на то, что дело, являвшееся государственной тайной, а подготовка агентыры против Германии не могла быть иной, зафиксировано в полном объёме с указанием всех фамилий и конкретной деятельности чекистов. Царившая тогда в стране, да и в органах госбезопасности, обстановка шпиономании, делала каждый письменный источник потенциально опасным. Тем более любой прокол в чекистской работе мог означать не только конец служебной карьеры, но и почти наверняка самой жизни⁸⁴.

Мотивация преступления

Если согласиться с тем, что подготовка польских офицеров для проведения активных партизанских действий в случае войны с Германией была строго засекречена, то и само свёртывание этой операции также никак не могло быть менее секретным. Из рассказанного Л.Ф. Райхманом вытекало, что решение о расстреле польских участников и возможных свидетелей было принято лично Сталиным после уведомления, переданного ему немцами, которые получили информацию о чекистских планах из заслуживающих у них доверие источников. Что же это были за источники? Вряд ли тень подозрения пала на самих чекистов. Во всяком случае, никакого внутреннего расследования, по словам Л.Ф. Райхмана, не проводилось⁸⁵. В то же время ещё в пе-

⁸⁴ Мой отец, возглавлявший в 1938–1941 гг. учебный Отдел в Высшей школе НКВД, рассказал, что Л.П. Берия вскоре после назначения на пост наркома провёл специальное совещание с руководящим составом наркомата, ориентировав его на отказ от «бумажной волокиты», погубившей в период «ежовщины» многих честных сотрудников.

⁸⁵ Осенью 1951 г. генерал-лейтенант Райхман, «назначенный» руководителем «сионистской группы» в МГБ был обвинён и в провале операции по вербовке польских офицеров. Следователи МГБ с подачи небезызвестного М.Д. Рюмина пытались выбить у Райхмана показания о его связи с британской развед-

риод подготовки вербовочной операции в лагерях Берия ориентировал свой контингент на выявление «агентуры других иностранных разведок»⁸⁶. Скорее всего, не выявленная вовремя «агентура» и подложила свинью НКВД.

Косвенным образом на такой вариант указывает и то место в служебной записке Берии, где говорится о якобы установленных чекистами участниках шпионских организаций. Правда, из записки не совсем ясно, относился ли шпионаж только к деятельности тех, кто был задержан на территории Западной Украины и Белоруссии, или же и к узникам лагерей. Последним, однако, приписывалась контрреволюционная работа и антисоветская агитация. С учётом того, что, согласно Райхману, некоторые его клиенты, по сведениям внутренней агентуры из польских военных, обсуждали делавшиеся им предложения НКВД о долгосрочном сотрудничестве, это раскрытие тайных планов НКВД вполне могло оцениваться как проявление антисоветских контрреволюционных и шпионских действий. Кстати говоря, Райхман ничего не сказал о том, был ли кто-либо из поляков пойман за руку. Скорее всего, этот прокол ведомства Берии стимулировал наркома к скорейшему завершению всей печальной эпопеи с польскими офицерами.

Думается, что служебная записка Берии, где предлагалось применить к заключённым высшую меру наказания, отнюдь не ограничивала круг репрессированных лишь теми, кто сорвал чекистские планы. Из ставших известными историкам документов следует, что к высшей мере были приговорены и многие заключённые тюрем на Западной Украине и в Западной Белоруссии как попавшие туда сразу же после занятия этих территорий Красной Армией, так и арестованные в конце 1939 – начале 1940 гг. за участие в подпольной деятельности против неё. Можно предположить, что, пойдя на столь широкую карательную

кой, которой тот якобы передал в начале 1940 г. информацию о чекистских планах. А те, в свою очередь, через агентов-двойников переадресовали её немцам. Однако в обвинительное заключение по делу Райхмана данный эпизод не вошёл. По-видимому, Л.П. Берия, курировавший эту затею, увидел здесь возможность повернуть дело против него самого, ибо он назначил Райхмана ответственным за вербовочную кампанию.

⁸⁶ Абаринов В. Катынский лабиринт ... С. 69.

операцию, Сталин хотел показать немцам, что поляки репрессируются как за преступления времён советско-польской войны 1920–1921 гг., так и за борьбу с советской властью. Не исключено, что немцы были информированы неофициально об антигерманских планах, выявленных чекистами. Это вполне ложилось в контекст одного из секретных протоколов соглашения между Молотовым и Риббентропом (от 28 сентября 1939 г.), где, в частности, гарантировалось, что «обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны»⁸⁷.

Ряд фактов, приводимых в книге «Белые пятна – чёрные пятна», свидетельствует в пользу «версии Райхмана» о «немецком следе» в Катynie. Так, на странице 290 говорится о контактах между СССР и Германией в деле установления адресов семей офицеров, находившихся в лагерях на территории соответственно СССР и Германии. Совпали по срокам расстрелы польских офицеров в СССР с «Акцией “АБ”» по уничтожению немцами польской государственной и интеллектуальной элиты⁸⁸. Наконец, прямым подтверждением того, что Германия была в курсе планов НКВД по ликвидации польских офицеров, являются приведённые Н.С. Лебедевой сведения о том, что германское посольство попросило (!) сохранить жизни 47 задержанным. Совсем не исключено, что речь шла о лицах, так или иначе связанных с немецкой разведкой и поэтому представляющих ценность для Третьего рейха. Тем более что из числа 395 человек, избежавших расстрела, немцев по национальности, о которых могло заботиться посольство, было лишь 24⁸⁹. Обращает на себя вни-

⁸⁷ Белые пятна – чёрные пятна. Указ соч. С. 220.

⁸⁸ Там же. С. 280.

⁸⁹ Сам факт не поголовного уничтожения польских военнослужащих, как это ни покажется странным, вытекает из служебной записки Л.П. Берии. Во-первых, сопоставляя число находившихся в лагерях НКВД поляков с теми, кто должен был быть осуждён по решению Особого совещания (ОСО), обнаруживается нехватку 36 человек. Ещё больше – 7 632 человека – из содержавшихся в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии оказались вне молота ОСО при сопоставлении числа заключённых с подлежавшими судебному разбирательству. Во-вторых, из записки вытекает, что ОСО могло применить высшую меру наказания – расстрел, но не обязывалось это делать императивно. Таким образом, в число нерасстрелянных могли попасть те почти 400 человек, избежавших смертной казни.

мание и то, что немцы никак не отреагировали на внезапно прекратившуюся переписку пленных с родственниками, проживавшими на оккупированной Германией польской территории.

Я убеждён, что среди лиц, переданных Германии, не было тех, кто находился в «спецобработке» контрразведчиков. С другой стороны, немцы были крайне заинтересованы в «акции Катынь» как в тактическом, так и в стратегическом отношении. Их явно не устраивала перспектива создания НКВД партизанских баз на оккупированной территории. Причём это было неприемлемо именно в связи с долгосрочными планами Гитлера: разделавшись с англо-французами, пойти на Восток. Но и в период военных действий на Западном фронте перспектива наличия просоветских диверсантов в собственном тылу также не сулила германским военным оптимизма. Гитлеровская разведка и политическое руководство Германии правильно оценили ход мыслей Сталина и Берии. Для первого сохранение союза с немцами было делом первостепенной важности, ради которого он мог без особых колебаний пойти на жертву в виде польских военнопленных. Для Берии же, халатность людей которого привела к расклевыванию вербовочной операции, расстрел тысяч поляков был лучшим способом замазать провал своего ведомства.

Побочные версии

Выход немцев на Сталина с желанием разобраться в деле о возможной вербовке поляков для нужд НКВД никак не документирован. Его разговоры с Берией на эту тему также не подтверждены письменными источниками. Неудивительно, что исследователи катынской темы стремятся найти мотивацию преступления по обрывочным данным в имеющихся у них документах. Н.С. Лебедева в первых строках своей главы в «Белых пятнах» задаётся вопросом: кто был инициатором расстрельных документов, Берия или Сталин? Чем они руководствовались при принятии рокового решения? Когда оно созрело?

За основу своей версии историк берёт тезис о какой-то зоологической ненависти Сталина к Польше. «Страстно желая и добиваясь ликвидации Польши как независимого государства, Сталин стремился заблаговременно расправиться с теми, кто мог воспротивиться достижению этой цели, начать борьбу за

возрождение своей страны»⁹⁰.

Безусловно, Сталин не питал никакой личной симпатии к исторически опасному для СССР соседу. Попавшие в плен польские офицеры были в основном выходцами, по тогдашней марксистской терминологии, из «эксплуататорских классов». В компартии Польши он также «разочаровался», заподозрив её лидеров в столь ненавистном ему троцкизме. Казалось бы, всё сходится, и главный мотив «катынской трагедии» очевиден.

Н.С. Лебедева не учитывает, однако, того, что Сталин, как политик, просто не мог не быть прагматиком. Понимал, что раздел Польши – это следствие временного союза с Германией, с которой, вне зависимости от намерений Гитлера, всё равно придётся воевать. Поэтому в обозримой перспективе он не мог не учитывать, что «польский вопрос» рано или поздно встанет на повестке дня. И вряд ли десятки миллионов поляков согласятся в иных, чем в 1940 г., условиях навсегда утратить свою государственность. С другой стороны, попавшие в плен офицеры, проигравшие войну с Германией, не поддержанные Англией и взятые почти голыми руками в плен Красной Армией, отнюдь не выглядели потенциально опасной для него силой. Конечно, о возрождении Польского государства они, безусловно, мечтали, но вряд ли, будучи заключёнными лагерей, смогли бы что-либо сделать в этом направлении.

Н.С. Лебедева даёт и своё толкование процессу создания расстрельного решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. По её версии, лагеря, где содержались поляки, должны были быть освобождены для приёма военнопленных финнов. Работая исключительно с документами, историк обнаружила в переписке руководства НКВД по Калининской области слова о желании высокого начальства «подготовиться к приёму финнов»⁹¹. 21 февраля 1940 г. начальник чекистских лагерей П. Супруненко доложил в Москву, что лагеря готовы принять около 25 тыс. финских военнопленных. По словам Лебедевой, «Берия намеревался освободить для финнов самый большой и хорошо

⁹⁰ Белые пятна – чёрные пятна. Указ. соч. С. 280.

⁹¹ Там же. С. 283.

обустроенный лагерь для военнопленных»⁹². Оказывается, судьбой тех финнов, кто ещё не попал в плен Красной Армии, Л.П. Берия был озабочен уже 1 декабря 1939 г., на следующий день после нападения СССР на Финляндию.

Конечно, можно понять трогательную заботу наркома НКВД о финнах, которым нужны «хорошо обустроенные» лагеря. Но зачем везти их так далеко? Ведь совсем рядом находилась Сердцевина, по словам А.С. Солженицына, тогдашнего ГУЛАГа – республика Коми. Можно было бы сэкономить на перевозке и сохранить польский контингент для каких-либо нужд НКВД. Вспомним, что никто из поляков даром чекистский хлеб не ел. Почти все они были заняты на разных дорожно-строительных и прочих работах, либо, как мы уже установили, активно «разрабатывались» чекистами.

Отметим, что Н.С. Лебедева не приводит никаких данных о размещении финнов в освободившихся лагерях. Зачем же тогда затевалась Берией и Ко вся эта история?

Н.С. Лебедева продолжает разрабатывать «финскую версию» и с другой стороны. Оказывается, польское правительство в эмиграции не только сыграло свою роль в исключении в декабре 1939 г. СССР из Лиги Наций, но и хотело включить в предполагаемый для высадки в Финляндии англо-французский десант польское воинское соединение. Правда, непонятно, каким образом поляки-военнопленные смогли бы попасть в Финляндию. Вряд ли Сталин опасался такой перспективы.

Планы участия англо-французов на стороне Финляндии действительно были, и, возможно, эмигрантское правительство Польши хотело бы найти себя в такой кампании. Но реальных шансов на это не имелось, особенно с учётом того бездействия, которое имело место у союзников после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Рассчитывать на то, что в случае с советско-финской войной всё будет иначе, выглядит неоправданной иллюзией. И это прекрасно понимал Сталин.

Однако Лебедева придерживается иной логики в своей «финско-британской» версии решения судьбы польских офицеров. По её словам, планы использования поляков в перспективе

⁹² Там же. С. 285.

против СССР «лишь укрепляли ненависть Сталина к польским офицерам. В случае возможной войны западных стран против СССР они, по его мнению, могли стать пятой колонной»⁹³. Правда, непонятно, каким образом пленные поляки могли сыграть ту же роль, что чехи в период Гражданской войны. Ведь последним помогли получить в руки оружие враги советской власти, которых в начале 1940 г. не было замечено вблизи офицерских лагерей.

Хочу напомнить читателю, что Л.Ф. Райхман также упомянул о «финском» и «британском» следе в катынской трагедии. Последний, как передал ему Берия, ссылаясь на слова Сталина, также как-то повлиял на решение о расстреле польских офицеров, хотя основным мотивом было настойчивое желание немцев проверить информацию о подготовке поляков для нелегальной работы на своей Родине. Что касается финского сюжета, то он беспокоил Сталина лишь как возможный повод для Германии отказаться от благожелательного нейтралитета в условиях пока ещё не окончившейся к середине февраля 1940 г. советско-финской войны. Именно тогда И.В. Сталин и принял решение о массовом расстреле польских офицеров. Что касается подчинённых Берии, то им уже вскоре было дано задание, не вызывая нервозности у заключённых, постепенно готовить лагерь к освобождению. Именно тогда рачительные чекисты вспомнили о директиве наркома по поводу утилизации финского пленного контингента. А. Зинченко также задаётся вопросом о целесообразности расстрела тысяч поляков: «Неужели нельзя было сохранить им жизнь, направив на трудовые работы»⁹⁴. Однако и он, ссылаясь на Л.З. Мехлиса полагает, что руководство ВКП(б) опасалось использования польских военных в рядах англо-французов – потенциальных врагов СССР. Не сбрасывает со счетов украинский автор и затаённую ненависть Сталина к Польше, разгромившей Красную Армию в 1920 г.

Ближе к реалиям относительно истинных мотивов решения Политбюро В.А. Абаринов, хотя он и выдвигает в качестве основного аргумента «немотивированность» катынских событий,

⁹³ Там же. С. 285.

⁹⁴ Зинченко А. Указ. соч. С. 356.

ибо «сталинизм иррационален»⁹⁵. Между тем в следующем абзаце Абаринов, ссылаясь на книгу В. Мастны «Путь России к холодной войне», цитирует мнение автора, согласно которому нацисты предполагали, что «русские предоставляли убежище польским офицерам со скрытой целью». При этом Абаринов не исключает, что руководство Германии знало о расстрелах весны 1940 г., хотя документально не подтверждает свой тезис.

Вновь призываю читателя перечитать рассказанное мне Райхманом, с которым Л.П. Берия поделился осенью 1941 г. неожиданной для первого новостью о приезде весной 1940 г. в Москву секретной миссии из Берлина. Её участников привели к свежим катынским могилам, дабы убедить немцев в честном выполнении СССР своих договорных с Германией обязательств. Небезынтересен факт, сообщённый автору А.М. Швейцер-Челноковой, дружившей в конце 1930-х гг. с семьёй известного разведчика А.М. Короткова. 26 марта 1940 г. она пригласила супругов Коротковых на свой день рождения. Последние только что вернулись на время из Германии. Однако пришла лишь Мария Короткова, объяснив отсутствие мужа следующим: «Александр на спецзадании. Работает с какими-то важными немцами, поэтому не обещал в ближайшее время даже появляться дома»⁹⁷. Не исключено, что один из ведущих в НКВД специалистов по Германии как раз и был тем, о ком говорил Райхману осенью 1941 г. нарком внутренних дел.

Рояль в кустах

Представляется, что Л.П. Берия рассказал Л.Ф. Райхману о немецком визите к свежим катынским могилам отнюдь неспроста. После начала войны, коренного поворота в отношениях с Великобританией, союзничества, хотя и временного, с польским эмигрантским правительством, для Берии стало ясно, что катынское дело отнюдь не окончено. Захватив Смоленск уже в августе 1941 г., немцы получили в свои руки аргументы, которые могли быть использованы в любое удобное для них время. К этому следовало заранее подготовиться, и человеком, которому, весьма вероятно, предстояло окупиться в этот новый поворот

⁹⁵ Абаринов В. Катынский лабиринт ... С. 124.

⁹⁷ Швейцер В.Я. Он знал о Катыни почти всё. Указ. соч. С. 144.

событий, был выбран Л.Ф. Райхман. Берия вообще умел мыслить на перспективу; сбрасывать со счёта то, что могло осложнить отношения с польской эмиграцией, он, конечно же, не хотел. Кстати говоря, Л.Ф. Райхман во время бесед со мной как-то обмолвился, что «наши люди в Смоленске уже в 1942 г. сообщили о какой-то возне в Катыни, связанной с трупами польских военных».

«Возня» эта началась летом 1942 г., когда (по версии, которую разделяют и Н.С. Лебедева, и В.А. Абаринов), вольнонаёмные поляки, работавшие в железнодорожных бригадах, узнали от местных жителей о могилах в Катынском лесу. Если это было так на самом деле, то, во-первых, возникает вопрос о явном чекистском проколе. Ведь всё, что нам известно о Катыни, было в своё время покрыто строжайшей тайной. К месту расстрела никого не допускали. Вряд ли кто-либо из жителей окрестных деревень хотел иметь дело с НКВД, тем более что Катынь была известна как расстрельное место для многих советских людей. Также весьма сомнительно, чтобы местные жители имели представление о польской военной форме, ибо до этого они видели лишь форму Красной Армии и вермахта. Да и вообще зачем было раскапывать могилы, вряд ли в них могло быть что-либо полезное для голодавшего местного населения.

Если вспомнить, что на этот счёт говорил мне Л.Ф. Райхман, то картина выглядит с точностью до наоборот. Коренные жители были направлены на земляные работы в место, известное немцам с весны 1940 г. Возникла вполне спланированная немцами «утечка информации». Но сразу делу не был дан ход. «Подождали» разгрома армии Паулюса под Сталинградом, и тогда взрыв мины замедленного действия произвёл ожидавшийся эффект. К сожалению, все эти обстоятельства авторы версии о «рояле в кустах» сбрасывают со счетов.

Удивительно, что и Лебедева, и Абаринов никак не прокомментировали объявленную 13 апреля 1943 г. Берлинским радио информацию о найденном захоронении 10 тыс. польских офицеров, хотя, как теперь известно, в Катыни лежало не более 4,5 тыс. тел. Между тем цифра эта сама по себе очень интересна и взята была явно не с потолка. Любопытно, что радио точно ука-

зало Козельский лагерь как место, из которого были переведены в Катынь поляки. С учётом приезда весной 1940 г. в Москву «экспертов» из абвера, дальнейших контактов вплоть до июня 1941 г. разведок Германии и СССР, а также известных встреч политических руководителей двух стран, можно с большой долей уверенности предположить, что немцам сообщили эту цифру вполне официально. Возможно, что Берия даже показал им копию «расстрельного решения» Политбюро, где как раз фигурировали цифры близкие к озвученным немцами весной 1943 г. Тем более что сам пресловутый документ как раз снимал все подозрения об истинных мотивах казни. Добавлю к сказанному, что первые шаги в немецкой акции, касавшейся Катыни, относятся к лету 1942 г., когда в Польше активизировалось сопротивление оккупантам. Может быть, берлинское начальство почитало необходимым начать вбивать клин в нестройные ряды союзников по антигитлеровской коалиции.

Два интересных факта, касавшихся катынских событий, сообщила мне моя мать, которая, как уже говорилось, была первым слушателем того, что поведал мне Л.Ф. Райхман. В обоих случаях она опиралась на рассказанное ей в своё время моим отцом – полковником Я.В. Швейцером, возглавлявшим в 1943–1946 гг. группу дознавателей в Красногорском лагере немецких военнопленных. По его словам, к нему весной 1946 г. обратился Л.Ф. Райхман, попросивший передать в его распоряжение некоторых пленных немецких офицеров, служивших с осени 1941 г. в Смоленском гарнизоне. Райхман не объяснил отцу, для чего ему нужны немцы, однако через месяц они были возвращены в Красногорск. Я полагаю, что офицеры готовились к лжесвидетельству на Нюрнбергском процессе. Впрочем, их показания оказались ненужными из-за команды сверху о свёртывании катынского обвинения против немцев. По моему мнению, в Москве опасались показаний абверовцев, имевших отношение к секретному визиту в СССР весной 1940 г., что могло быть использовано судьями – англичанами и американцами.

Второй эпизод, относившийся к нашей теме, мать также изложила мне со слов отца. Как-то к нему с инспекцией приехал его начальник Л.Ф. Баштаков, один из руководителей Главного

управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Отец сообщил ему, что немцы жалуются на плохие условия содержания в лагерях. Генерал Баштаков ответил буквально следующее: «Твоим немцам ещё повезло. Вот перед войной мы положили в ров много поляков-антисоветчиков, которые, кстати говоря, ни на что не жаловались». Вспомним, что именно тогда Баштаков был в числе трёх руководителей НКВД, которым Политбюро ВКП(б) поручило акцию по уничтожению польских военнослужащих.

В. Абаринов предваряет второе издание «Катынского лабиринта» словами, которые нельзя не процитировать: «Свидетели, если они ещё есть, уходят из жизни, умирает правда. Никакие архивные источники не возместят того, что знают эти люди. Любая деталь, запомнившаяся очевидцу, уникальна. Подробностей этих не может быть слишком много, если мы хотим знать всю правду. А вся правда – это не только кто, но и как»⁹⁸. Думается, что работа историков не должна превращаться в схватку честолюбий. В конце концов все мы заинтересованы в исторической правде, в поиске которой не может быть никакой предвзятости, никакой личной претензии на первенство, на оглашение абсолютной истины. Исходя из данного принципа, я и предложил на суд читателей то, что мне удалось узнать о неожиданных поворотах в «катынском деле».

3.3. На невидимом фронте борьбы с фашизмом*

В этом разделе я, в интересах компактного изложения материала, отступаю от хронологии всей главы, сообщая читателю также о событиях, связанных с моей семьёй 1920-х – конца 1930-х гг. В советские времена День Победы в нашем семейном кругу отмечался особенно торжественно. Собиралась родня, мужская часть которой – фронтовики, украшавшие свою грудь правительственными наградами различного достоинства. На их фоне отец и мать, хотя и не принимавшие участия в боевых действиях, также не выглядели сторонними наблюдателями. Об их

⁹⁸ Абаринов В. Катынский лабиринт ... С. 2.

* Публикуется по тексту статьи: Швейцер В.Я. На невидимом фронте борьбы с фашизмом // Современная Европа. 2020. №2. С. 214-219.

вкладе в победу над фашизмом я хочу рассказать без особых пафосных эпитетов, проиллюстрировав этот факт рядом эпизодов чекистской работы родителей в те нелёгкие для нашей страны годы. Эта работа дополняла титанические усилия, которые советский народ приложил для разгрома милитаристской машины гитлеризма. Сегодня, когда мир так же неспокоен и человеконенавистнические идеологемы подчас проникают в сознание части жителей нашей планеты, совсем нелишне вспомнить об уроках истории, забыв которые можно вновь оказаться на пороге опасного для мира развития международных событий.

Под крышей торгпредства в Берлине

В органы госбезопасности родители пришли разными путями. Отец – Яков Владимирович Швейцер, уроженец г. Екатеринослава (последовательно переименованного в Днепропетровск, а позже в Днепр), по комсомольской путевке был направлен на журналистскую работу в Дагестан. Однако журналистом он пробыл сравнительно недолго. На него обратили внимание работники местного ОГПУ, заинтересованные в пополнении своих рядов образованной молодёжью. В Дагестане отец проработал несколько лет. Выполняя оперативные задания по борьбе с местной контрреволюцией (сегодня таких людей можно назвать исламскими фундаменталистами), Я.В. Швейцер получил пулевое ранение в ногу. Следствием этого стала её ампутация и непригодность инвалида к оперативной работе.

Но органы госбезопасности отец не покинул. Пригодилось его хорошее знание немецкого языка, который он освоил, общаясь в годы Первой мировой войны с военнопленными немцами и австрийцами: в 1934 г. его перевели на службу в центральный аппарат ОГПУ – НКВД, где, с учётом прихода Гитлера к власти, начали формировать кадры для работы в Германии. Это направление развивалось на базе Центральной школы НКВД слушателем, а затем и сотрудником которой стал мой отец. Понимая, какую угрозу для СССР представляет гитлеровская Германия, чекистское руководство поставило задачу создать сеть нелегальных информаторов из числа граждан Германии, настроенных негативно по отношению к гитлеризму. Их вербовкой должны были заниматься чекисты, внедрённые в различные со-

ветские учреждения в Германии. Ключевую роль здесь играли посольство и торговое представительство СССР в Берлине. К последнему и был в 1936–1937 гг. прикомандирован Я.В. Швейцер, официально считавшийся экспертом по закупке необходимого для СССР технического оборудования. Этот статус позволял ему посещать различные предприятия Германии, где в общении с местным инженерным и техническим персоналом он мог подбирать людей, готовых информировать СССР обо всём, что было важно в интересах обеспечения безопасности нашего государства⁹⁹. В стенах торгпредства познакомились, а потом и стали супругами мои родители. До командировки в Берлин в 1934–1937 гг. моя мама более 10 лет работала в наркомате внешней торговли (НКВТ) в качестве секретаря-стенографистки, хорошо владевшей немецким языком.

Достоин упоминания один эпизод, имевший непосредственное отношение к началу её работы в торгпредстве. Наряду с другими сотрудниками ей было поручено собрать, опираясь на различные источники, материал о т.н. «путче Рёма», кровавых июньских событиях 1934 г., приведших к уничтожению Э. Рёма, возглавлявшего СА, считавшегося вторым после Гитлера человеком в нацистской иерархии. Мать подготовила небольшой аналитический обзор по заданной теме, в который она включила не только материалы прессы, но и сведения, полученные ею в процессе общения с простыми берлинцами.

Был сделан вывод, что далеко не все немцы верили в официальную версию случившегося (борьба с гомосексуализмом Рёма и его сподвижников в СА), видя в этом событии политический след¹⁰⁰. Мамин отчёт понравился не только начальству в торгпредстве и посольстве, но и получил положительную оцен-

⁹⁹ В военном билете Я.В. Швейцера он, обозначенный в период с сентября 1934 г. по июль 1936 г. как «руководитель спецдисциплин», до ноября 1937 г. был всего лишь просто «сотрудником». Его командировка в Германию была фактически засекречена.

¹⁰⁰ Интерес Сталина к «рёмовскому путчу» и всему, что с этим было связано, представляется неслучайным. Именно в 1934 г., после XVII съезда ВКП(б), когда многие делегаты не поддержали его кандидатуру на пост генсека, у него возникла идея ликвидации тех, кто отказал ему в доверии. Гитлеровский опыт решения этого вопроса был также взят на вооружение, о чём свидетельствовали «показательные процессы» 1937–1938 гг.

ку в Москве. Вскоре после возвращения из берлинской командировки она была переведена на работу в НКВД, прослужив в органах государственной безопасности вплоть до ухода на пенсию в звании майора весной 1960 г.

Война на пороге

Итак, мои родители стали не только супругами, но и сослуживцами. Правда, работали они в различных подразделениях НКВД. Отец вернулся в Центральную школу НКВД, мать попала в спецгруппу при наркомате НКГБ, собиравшую информацию визуального и оперативного характера об иностранных посольствах в Москве. Это подразделение контролировало и германское посольство. Она выполняла наблюдательные функции в формально существовавшей милицейской охране посольства. Изучив фото всех сотрудников дипломатического ведомства, мать могла сообщать начальству о перемещениях и разговорах посольских работников. Идентифицировала она стенографически и звуковую информацию, полученную от «прослушки». Впрочем, вскоре начальству стало ясно, что «милиционеры» хорошо известны германским разведчикам, составлявшим большинство штата посольства. У них имелось фотодосье на советских граждан, работавших в 1930-е гг. в Берлине. Разоблачена была и моя мать, причём с известным чувством немецкого юмора. Во время одного из дежурств к ней подошёл советник германского посольства Хильгер, задавший каверзный вопрос: «Госпожа Челнокова (фамилия первого мужа), вы, кажется, оставили свою прежнюю работу во Внешторге?». Мать сразу же сообщила начальству об этом происшествии, однако было решено, что снимать с поста опытного сотрудника нецелесообразно, и мать продолжала в милицейской форме выходить на пост у посольства Германии. Она первой сообщила в середине июня 1941 г. о том, что из трубы посольства, несмотря на жаркое время, постоянно идёт дым. Начальство вполне резонно предположило, что немцы уничтожают важные документы. Это, безусловно, было одним из сигналов скорого начала войны.

Ещё более серьёзными доказательствами обладал мой отец. Официально он являлся начальником учебной части Центральной школы НКВД, располагавшейся тогда в Кисельном пере-

улке, рядом с Трубной площадью. Однако его главная задача заключалась в анализе агентурных материалов, получаемых от завербованных нашей разведкой немецких граждан. Опыт отца пригодился и при подготовке кадров для работы в разведке. В начале войны он, в частности, проверял знание немецкого языка у самого Николая Кузнецова, прославившегося работой в немецком тылу в военные годы. В отчёте о телефонной беседе с Н.И. Кузнецовым отец отметил у него «блестящий берлинский акцент», что было явным подспорьем будущему Паулю Зиберту.

С середины 1940 – начала 1941 гг. работа отца целиком и полностью была связана с подготовкой Германии войны против СССР. Агентура давала много свидетельств того, что немцы в недалёком будущем, завершив разгром англо-французов на западе Европы, начнут широкомасштабные действия против нашей страны. Правда, до мая – июня 1941 г. эти сведения носили разрозненный характер и опирались в основном на слухи и обрывочные разговоры в военных кругах Германии о скорой войне на востоке. Однако в начале июня нелегал, работавший в ведомстве немецких железных дорог, передал по тайным каналам уникальный по важности документ. Это был план финансирования железнодорожных связей Германии с сопредельными территориями на второе полугодие 1941 г., в котором советское направление просто не присутствовало. Отец немедленно передал бесценный материал наверх, сопроводив его своим заключением, из которого следовало, что война начнётся уже в последней декаде июня 1941 г.

После передачи сведений начальству он с нетерпением ждал ответной реакции. И она последовала 14 июня, причём самым неожиданным образом. Утром того дня позвонили из наркомата и сказали, что скоро за отцом приедет машина (он с семьёй жил тогда на служебной даче в Серебряном бору) для беседы по поднятой им теме. Машина «эмка» действительно скоро приехала, но привезла отца не к парадному подъезду на Лубянке, а во внутренний двор. Встречавший его офицер попросил сдать оружие и провел его в ту часть здания Лубянки, в которой была расположена внутренняя тюрьма НКВД. В одной из комнат сидели три незнакомых ему офицера, зачитавшие отцу доку-

мент, из которого следовало, что отца задерживали за распространение ложных слухов о возможной войне с Германией¹⁰¹. Его провели в одну из камер внутренней тюрьмы, положили на стол несколько листов чистой бумаги и предложили написать признательные показания о якобы полученном им задании от британской разведки, которой он был завербован во время берлинской командировки. Также перед ним положили свежий номер «Известий», в котором советское правительство дезавуировало все слухи о возможном военном конфликте между СССР и Германией. Отцу предложили позвонить матери по внутреннему телефону и сообщить ей, что он на неопределённое время задерживается на работе. Мама, по её словам, вскоре поняла, что причина отсутствия мужа – отнюдь не текущие служебные дела.

Оставшись один на один с обрушившейся на него бедой, отец не потерял присутствия духа и мужества, письменно указав, что источниками полученной им информации являлись проверенные друзья нашей страны. Какие-либо связи с британской разведкой он категорически отрицал, сделав вывод, что в ряды НКВД приникли нацистские агенты, стремящиеся нарушить работу органов государственной безопасности. Написанное капитаном Швейцером (это звание соответствовало чину армейского подполковника) не произвело никакого впечатления на следователей, работавших по его делу. Отцу было сказано, что если к ближайшему воскресенью (22 июня) он не сознается, то расстрельный приговор ему гарантирован. В ответ он призвал следователей допросить его непосредственных начальников, которым он, в соответствии со своими служебными обязанностями, посылал регулярные рапорты о тревожной обстановке, связанной с военными приготовлениями немцев.

Отец был уверен: не напади Гитлер на СССР 22 июня, его жизнь была бы вскоре окончена. Также помог и случай. В тот воскресный день в НКВД был впервые за последнее время объявлен выходной, и следователи не явились за требуемыми при-

¹⁰¹ Весьма показателен следующий эпизод, о котором мне сообщил в своё время отец. После подписания 23 августа 1939 г. советско-германского пакта, начальство Высшей центральной школы НКВД распорядилось изъять из учебных программ всю антифашистскую литературу, явно не состыковывавшуюся с «новым курсом» в отношениях с гитлеровской Германией.

знаниями. Тем же утром в камеру, где находился Я.В. Швейцер, вошёл курировавший его работу старший майор П.В. Федотов, который сообщил о начале военных действий. Он забрал отца из тюрьмы, получив на это устное разрешение от наркома ГБ В.Н. Меркулова. Спустя несколько дней нарком распорядился перевести отца на пенсию по инвалидности, дабы закрыть это крайне неприятное, с учётом новых обстоятельств, дело. Приказ о переводе на пенсию совпал по дате с днём задержания (см. Военный билет офицера запаса советской армии. М., 1950. С. 6).

Всё для победы

Несмотря на то что Я.В. Швейцер просил оставить его в рядах сотрудников НКВД, в этом ему отказали. В качестве компромисса было предложено поехать в город Горький и контролировать отправку с военных заводов на фронт соответствующей техники. С февраля 1942 г. отца восстановили как действующего сотрудника НКВД, однако не в том управлении, в котором он трудился до задержания, а в созданном Главном управлении по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Местом службы сотрудников особого отдела стали лагеря для офицерского состава пленных – сначала в Актюбинске, а потом в Красногорске, где отец находился вплоть до конца 1948 г. Его работа по получению важных сведений от допрашиваемых офицеров вермахта и сотрудников немецких спецслужб получила высокую оценку – он был награждён орденом «Знак почёта» и двумя орденами Красной Звезды, что для офицера, не принимавшего участия в боевых действиях, было крайне редким явлением. Признанием его заслуг стало и досрочное, в 1946 г., присвоение ему звания полковника. Среди конкретных дел отца было получение информации о технических возможностях танка «Фердинанд» накануне Курской битвы, сведений о самоубийстве Гитлера от его ближайшего окружения из числа прислуги в бункере в Берлине¹⁰², а также анализ документов, изъятых при взятии Берлина из различных секретных архивов вермахта и

¹⁰² Козлов В.А. Дело «Миф». Расследование НКВД/МВД СССР обстоятельств исчезновения Гитлера // Отечественная история. 1996. №2. С. 86, 91. В этой статье отец указан как один из исполнителей заказа начальства по поиску следов самоубийства Гитлера.

германских спецслужб. Отец был в числе организаторов состоявшегося в 1946 г. судебного процесса над гитлеровцами и коллаборационистами, чинившими зверства в г. Чернигов.

Свой профессиональный вклад в победу над фашизмом внесла и моя мама. С начала войны она была направлена на полигон в Бутове, где находился пункт слежения за начавшими уже в июле 1941 г. налёты на Москву немецкими самолётами. Её задачей был радиоперехват переговоров лётчиков по поводу намеченных для бомбежки объектов. Мать рассказывала мне, что ей было очень тревожно узнавать о целях для бомбёжек в непосредственной близости от дома №5 по Каляевской улице, в который вся семья переехала вскоре после возвращения из Германии. В период войны она занималась подготовкой радистов для заброса в тыл немцев и обрабатывала различные материалы, полученные от наших разведчиков за линией фронта¹⁰³. В своей автобиографии она обозначает место своей деятельности в годы войны как Отдел 2-Ж Второго главного управления НКГБ. В начале 1943 г., когда армия Паулюса оказалась в окружении под Сталинградом, а сам генерал-фельдмаршал попал в плен, маму вызвал к себе один из руководителей органов госбезопасности В.Н. Меркулов с уже одобренным сверху указанием срочно выехать в Сталинград для участия в допросах Паулюса. Однако увидев достаточно выразительный живот, сразу отменил её командировку, сказав буквально следующее: «Вам сейчас надо думать совсем о другом, а на ваше место я найду не менее квалифицированного переводчика».

Предложение участвовать в допросах Паулюса поступило неслучайно¹⁰⁴. А.М. Швейцер-Челнокова считалась в аппарате госбезопасности одним из лучших знатоков немецкого языка. В начале 1940 г. начальником Главного управления государственной безопасности В.Н. Меркуловым ей было поручено сделать для И.В. Сталина перевод небольшого отрывка из книги Бис-

¹⁰³ Среди тех, кого готовила мать для работы в тылу врага, был Маркус Вольф – организатор системы разведывательных служб в послевоенной ГДР.

¹⁰⁴ От Л.Ф. Райхмана я узнал, что первым кандидатом, предложенным немцами на обмен Паулюса, был отнюдь не пленённый сын Сталина Я. Джугашвили, а Э. Тельман. Получив от посредников такой вариант «вождь народов» якобы сказал: «Я талантливого полководца на бездарного политика не меняю».

марка, касавшегося отношений России и Германии. В нём «железный канцлер» полагал важным элементом германской политики партнёрские, а не конфронтационные отношения с Россией, военные действия против которой представлялись Бисмарку бесперспективными. Перевод Сталину, со слов Меркулова, понравился, хотя в дальнейшем он едва ли пригодился вождю. С учётом имеющейся у меня информации, тогда, в период «медовой дружбы» с Германией, Сталин готовился если не к встрече с фюрером Третьего рейха, то, во всяком случае, к деловой переписке. А.М. Швейцер-Челнокова полагала, что глава государства сам составлял списки тех, кто мог быть полезен для допросов Паулюса, и она также была у него «на карандаше». Л.А. Безыменский, впоследствии видный журналист-международник, был награждён за допросы Паулюса орденом Красной Звезды.

ГЛАВА 4. АВСТРИЯ И ЕЁ ЛИДЕРЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

4.1. От восстановления государственности к полному суверенитету

Аншлюс, фактически свершившийся в ночь с 11 на 12 марта 1938 г., юридически подтверждённый месяц спустя на общегерманском референдуме устранил Австрию с политической карты Европы. Уступчивость Запада притязаниям Гитлера и непоследовательное сопротивление им со стороны СССР сопутствовали развитию событий в этом направлении. Однако было бы неверно свести советскую внешнюю политику к просчётам тогдашнего НКВД. Эта политика вне зависимости от того, кто её озвучивал или документально формулировал, регулировалась лично И.В. Сталиным. Целесообразно в этом случае опять вернуться к ранее сказанному (см. раздел 1.3), проследив эволюцию во взглядах «вождя народов» в годы Второй мировой войны.

Сталин и австрийский вопрос*

Отношение к аншлюсу вполне соответствовало сугубо прагматической, лишь слегка приправленной идеологией позиции в

* Публикуется по сокращённому тексту статьи: Швейцер В.Я. Австрия в геополитических планах СССР (середина 30-х – начало 40-х гг. // Современная Европа. 2018. №5. С. 142-149.

международных делах 1930–1940-х гг. К началу 1938 г. у лидера СССР сложилось твёрдое представление о необходимости считаться с реальностью приоритетного места Германии в тогдашней Европе. Им калькулировался постоянно возрастающий экономический и военный потенциал Германии, фактическое отсутствие сил сопротивления гитлеризму как внутри нацистского монстра, так и в соседних государствах. Во Франции заканчивалась эра правительства Народного фронта, в Испании явно обозначилась скорая победа франкизма. Великобритания также не выглядела убедительным оппонентом германскому фашизму. Более того, Сталин, учитывая опыт гражданской войны, опасался возможности захвата англичанами бакинской нефти и экспансии в республиках Советской Средней Азии. Рассчитывать в этих условиях на эффективность каких-либо механизмов Лиги Наций было просто наивно.

Сталин полагал, что в известном смысле аншлюс даже отвечал геополитическим интересам СССР, ибо усиление за счёт Австрии экономического, военно-промышленного и людского потенциала Германии могло ориентировать её в западном направлении. Борьба с антисоветски настроенными европейскими демократами была для фюрера не меньшим стратегическим приоритетом, чем уничтожение большевизма. Полагая, что военное столкновение англо-французов и гитлеровской Германии истощит обе стороны и создаст благоприятные условия для вполне вероятного в будущем похода Красной армии в западном направлении, Сталин следил за любыми нюансами в доктринах противоборствующих сторон. От его внимания, конечно же, не ускользнула та фраза в речи Уинстона Черчилля осенью 1940 г., в которой он упомянул Австрию первой среди стран, за независимость которой британцы намерены бороться. После 22 июня 1941 г. позиция лидера Великобритании обозначалась как просоветская, и военно-политический временный союз обеих стран уже стоял на повестке дня. Тем не менее Сталин счёл возможным вступить с У. Черчиллем в скрытую полемику о будущем Австрии, делая её предметом предстоящего торга с британцами. Это следовало из его известной речи 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании партактива Москвы, приуроченного

к очередной годовщине Октябрьской революции.

Рассуждая о природе гитлеризма, Сталин предложил своим слушателям схему «двух нацизмов». Один из них имеет империалистическое содержание и начался с захвата чужих территорий, порабощения европейских наций, к которым Сталин причислял чехов, словаков, поляков, норвежцев, датчан, голландцев, бельгийцев, французов, сербов, греков, украинцев, белорусов, прибалтов и т.д.¹⁰⁵ С нацистами-империалистами, отмечал Сталин, не может быть никакого примирения, а лишь борьба до полного их истребления. Однако нацисты стали империалистами не сразу. Сначала они были заурядным националистами, занимаясь «собираанием немецких земель» и воссоединением Рейнской области, Австрии и т.п.¹⁰⁶ Под «т.п.» следовало понимать отторжение от Чехословакии, населённой в основном немцами Судетской области. Более того, Сталин, по существу, оправдывает это «собираительство» несправедливой ситуацией, когда Германия была «разбита на куски в силу Версальского договора». Тогда гитлеровцы «могли иметь поддержку германского народа, воодушевлённого идеалом восстановления Германии»¹⁰⁷.

Сталин не только бросил камень в сторону создателей Версальской системы, которая объективно способствовала росту в Германии националистических настроений, но отметил поддержку германским народом этого «собираательства земель». Из этой схемы не выпадал и общегерманский референдум 10 апреля 1938 г., когда 99% голосовавших по всей Германии, в т.ч. Австрии, высказались за её включение в рейх. Однако главное в том, что Сталин вывел Австрию из числа государств, бывших для Гитлера «чужими территориями». Тем самым он косвенно признал правомерность аншлюса и его объективный, с точки зрения национальных интересов Германии, характер.

Логику Сталина можно понять, исходя из событий недавнего прошлого. В августе – сентябре 1939 г. он договаривался не с отвратительными ему империалистами, а с националистами, руководствовавшимися той же концепцией «собираания земель»,

¹⁰⁵ Сталин И.В. Сочинение. Т. 15. М.: Изд-во «Писатель», 1997. С. 76.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 79.

что и сам «вождь народов». Ведь он получил по договорённости с Гитлером добро на воссоединение украинцев и белорусов, близких по крови славянским гражданам СССР, после раздела неприемлемой для обеих сторон Польши.

Впрочем, уже в самом ближайшем будущем Сталин, стремясь избежать превратного толкования своих слов об объективно естественном процессе собирания немецких земель, заявил А. Идену, тогда главе МИД Великобритании, побывавшему в Москве в конце ноября 1941 г., что «Австрия должна быть отделена от Германии в виде независимого государства»¹⁰⁸. В дальнейшем никакой двусмысленности относительно аншлюса ни Сталин, ни его сподвижники в дипломатических кругах СССР не допускали. Общим знаменателем союзников стали слова «Московской декларации» от 1 декабря 1943 г. – результата конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, где было чётко сказано, что «Австрия, первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии, должна быть освобождена от германского господства»¹⁰⁹. Ближайшее будущее показало, что, перехватив инициативу у У. Черчилля в «австрийском вопросе», советские лидеры заняли важный плацдарм в предстоявшей после победы над фашизмом борьбе за геополитическое пространство в Европе, а также получили важный бонус в общественном мнении австрийцев. Теперь СССР был уже не пассивным созерцателем судьбы Австрии, как в марте 1938 г., а воссоздателем её послевоенной государственности.

Однако, и это показали коллизии вокруг подписания московской декларации, постепенно обозначались точки несовпадения взглядов этих союзников по антигитлеровской коалиции. Причём на первом этапе подготовки совместного заявления инициатива явно принадлежала британской дипломатии. СССР избрал тактику внесения поправок в проект, подготовленный МИДом Великобритании уже летом 1943 г. Ключевым вопросом, по которому стороны явно не совпали во мнениях, было предложение Черчилля об объединении некоторых стран по географическому принципу («Дунайская конфедерация»). Для Чер-

¹⁰⁸ СССР – Австрия. Указ. соч. С. 119.

¹⁰⁹ Там же. С. 15.

чилля этот план имел двойной смысл: прежде всего реализовывалась его мысль о раздроблении Германии, южная часть которой вошла бы в такую конструкцию. Однако здесь просматривался и вариант создания «санитарного кордона» вдоль западных границ СССР. Ни с тем, ни с другим СССР, конечно же, не мог согласиться. Сталин надеялся, что освобождённая от фашизма Германия в исторической перспективе оставалась бы противовесом британской гегемонии в Европе. Что касается «Дунайской конфедерации», то в Москве видели в ней препятствие к формированию в ближайшей (после победы) перспективе блока государств, близких СССР как политически, так и идеологически. События 1947–1948 гг. в странах Восточной Европы, создание к середине 1950-х гг. СЭВ и ОВД подтвердили стратегическую дальновидность такой позиции. Если Черчилль ограничивал в рамках конфедерации суверенитет соответствующих стран, косвенно обозначив главенствующую британскую роль, то Сталин выступал как сторонник сохранения государственности.

Советская дипломатия добилась исключения из британского проекта Декларации слов об «ассоциации» как формы существования освободившихся от нацизма государств. Неофициально прозвучавшая из Вашингтона идея о воссоздании в значительно урезанном виде монархии Габсбургов даже не рассматривалась. Тем не менее при внимательном прочтении Декларации прослеживается элемент компромисса союзников: «Они заявляют о том, что они желают видеть восстановленной свободную и независимую Австрию, и тем самым дать возможность самому австрийскому народу, как и другим соседним государствам, перед которыми встанут подобные же проблемы, найти ту политическую и экономическую безопасность, которая является единственной основой прочного мира»¹¹⁰.

С учётом того, что «соседние государства» – составная часть черчиллевской «Дунайской конфедерации», а слово «найти» можно трактовать как поиск альтернатив, в т.ч. и для межгосударственных союзов, то вся эта туманная фраза выглядит неким, пусть временным, но общим знаменателем позиции союзников по антигитлеровской коалиции.

¹¹⁰ Там же. С. 115.

Характер закулисного компромисса неслла в себе и последняя часть «Декларации об Австрии». «Всё же Австрии напоминают, что за участие в войне на стороне гитлеровской Германии она несёт ответственность, от которой уйти ей нельзя, и что при окончательном решении вопроса придётся взвесить и тот вклад, который она сама внесла в дело собственного освобождения»¹¹¹.

Первая половина этого абзаца в британском варианте говорила об ответственности «австрийского народа». Советские возражения, как нам представляется, носили прежде всего идеологический характер, ибо согласно марксистско-ленинским канонам народы как таковые не несут ответственность за действия своих правителей. Но в австрийском случае подразумевалось и участие в вермахте военнослужащих, призванных из Австрии, в военных действиях против прежде всего Советской Армии. Обвинять в этом весь австрийский народ было бы несправедливо. Хотя замена «народа» на «государство» также не выглядела идеально, т.к. в начале документа Австрия была обозначена как жертва гитлеровской агрессии и юридически прекратила после 15 марта 1938 г. своё существование.

Понять суть этой, на первый взгляд чисто редакционной, поправки можно при анализе второй части последнего абзаца Декларации. Поскольку союзники твёрдо решили восстановить австрийскую государственность, то новой Австрии придётся не только отвечать за соучастие в нацистской агрессии против Европы, но и внести свою лепту в собственное освобождение. Но в чём это должно было выражаться? У Австрии, в отличие, например, от ряда оккупированных Германией государств, не было «правительства в эмиграции». Не было у неё и сколь-нибудь заметных попыток создать в стране Движение сопротивления. Отдельные антигитлеровские подпольные группы имели место, однако к концу 1943 г. они были по масштабам акций несопоставимы с тем, что происходило в соседних Италии и Югославии. По-видимому, у союзников всё же был расчёт, что их Декларация как-то стимулирует подполье к более активной деятельности. Англо-американцы, со своей стороны, и Советский Союз, со своей, рассчитывали на появление политических фи-

¹¹¹ Там же. С. 15.

гур, способных в условиях «деаншлюсизации» начать формирование собственных органов власти, естественно, под контролем союзников. К тому времени уже обсуждались планы создания оккупационных зон на территории Германии. Вряд ли иной режим мог быть уготован стране, которая, с одной стороны, была жертвой гитлеризма, а с другой – несла ответственность за войну Германии против европейских народов.

Отметим, что в дальнейшем тезис о «двойственном положении» Австрии претерпел в советской трактовке известную эволюцию. Так, в период вступления советских войск на территорию Австрии Военный совет Третьего украинского фронта выпустил обращение к военнослужащим наступавших частей Красной Армии, где в духе ранее цитированных пассажей «Московской декларации» отмечалось: «Австрия – первая страна, захваченная гитлеровцами ещё в 1938 г. и превращённая фашистами в важнейший опорный пункт своего разбойничьего государства». Однако сама «Московская декларация» упоминалась без взаимосвязи «собственного вклада» Австрии в дело её освобождения. Разгром «фашистских угнетателей» признавался исключительно делом рук Красной Армии, что позволяло «австрийскому народу восстановить свою независимость и демократические свободы»¹¹². Итак, Советский Союз в период войны перехватил у Запада, прежде всего у Великобритании, инициативу в «австрийском вопросе». Успехи советских войск в 1943 г. позволили СССР отделить проблему восстановления независимой Австрии от будущего решения германского вопроса, свети на нет планы относительно «Дунайской федерации». Истощение к концу 1945 г. потенциала межсоюзнического взаимодействия не приблизило, а, скорее, отдалило на десятилетие обретение Австрией полного суверенитета. СССР стал самостоятельным и достаточно сильным игроком в сложных коллизиях становления Второй австрийской республики.

Государственный догвор и постоянный нейтралитет*

Во всемирной истории объективное и субъективное всегда

¹¹² Там же. С. 16.

* В этом разделе используется часть текстового материала книги: Швейцер В.Я. Жиряков И.Г. Бруно Крайский. Политик и время. М.: Альфа, 2001. С. 51-62.

сочетаются, дополняют либо даже определяют ход событий. Смерть Сталина в марте 1953 г. стала поворотным моментом в международной политике советского руководства. Реальность угрозы перехода холодной войны в стадию открытого вооружённого противоборства с Западом, причём неизбежно с применением атомного оружия, заставила Кремль по-иному воспринимать окружающую его действительность. Окончание корейской войны, близкий мир в Индокитае разновекторные схождения в «германском вопросе» также подвигли советских лидеров к более тщательной оценке реалий международной жизни. Эти же события оказали воздействие и на США, чьи политические лидеры по-прежнему искали выход из тупикового характера политики с позиции силы, при которой не учитывались миролюбивые чаяния европейцев, ещё не залечивших раны минувшей войны.

Подвижки намечались и в «австрийском вопросе», велись поиски эквивалента взаимоприемлемого его решения. В пост-сталинском руководстве новатором стал, как это ни парадоксально звучит, Л.П. Берия. 21 апреля 1953 г. он созвал рабочее совещание руководителей 12 Отдела, контролировавшего информацию, получаемую из разных источников о настроениях дипломатического корпуса в Москве. Участникам совещания, среди которых была и А.М. Швейцер-Челнокова (о её работе в наших органах госбезопасности я уже писал в разделе 3.3) была дана принципиально новая ориентировка в подготовке материалов для политической элиты СССР. Берия полагал, что в европейских делах намечаются перемены: не исключено объединение ФРГ и ГДР, ибо в последней люди не готовы к социализму советского образца. С титовской Югославией надо замирииться в интересах коммунистического влияния в регионах юго-востока Европы и Западных Балкан. По поводу «австрийского вопроса» было, по словам А.М. Швейцер-Челноковой, сказано предельно просто: «Австрия – и не вашим, и не нашим»¹¹³.

В беседах со мной мать оценивала «новаторство» своего бывшего начальника как обкатку, на достаточно низком уровне слушателей, тех идей, с которыми Л.П. Берия стремился застол-

¹¹³ Швейцер В.Я. Выступление на круглом столе журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. 2005. №6. С. 150.

бить для себя особое место в постсталинском руководстве СССР. Его явно тяготила очевидная для всех сопричастность к преступлениям, санкционированным «вождем народов». Облик вполне вменяемого «государственника» была нужна ему для контактов с западными лидерами, не готовыми и в постсталинский период к диалогу с бывшим шефом основной репрессивной машины СССР. «Прорывной» ход в австрийских делах был одной из домашних заготовок Берии, мотивированных оперативной информацией и по линии московских «прослушек» западных посольств, и по поступавшим из-за рубежа сигналам разведчиков-нелегалов и их коллег в советских посольствах в Европе.

Между тем вариации на тему нейтралитета возникали уже на рубеже 1940–1950-х гг. в речах первого послевоенного президента Австрии К. Реннера и сменившего его на этом посту Т. Кёрнера. Отметим, что последнему помог сформулировать идею увязывания государственного договора и нейтралитета Австрии Бруно Крайский – тогда вице-директор аппарата Кёрнера. В качестве теперь уже статс-секретаря австрийского МИДа Крайский принял участие и в Берлинском (январь – февраль 1954 г.) совещании министров иностранных дел великих держав, посвящённом «австрийскому вопросу».

Для Крайского его первое мероприятие на столь высоком уровне дало возможность непосредственно наблюдать за схваткой двух титанов тогдашней мировой дипломатии – советского Вячеслава Молотова и американского Джона Фостера Даллеса. Запомнились ему и личные встречи с этими деятелями. В частности, Молотов приватно беседовал с Леопольдом Фиглем и Б. Крайским во время приёма в советском посольстве в Восточном Берлине. На этой встрече Молотов пытался склонить австрийских представителей к согласию на сохранение и после подписания договора ограниченного воинского контингента СССР – около 5 тыс. человек – в Восточной Австрии. Фигль и Крайский однозначно отказались от этого предложения, считая, что союзники должны, наоборот, определить точный срок вывода своих войск из Австрии.

Во время приёма произошёл довольно любопытный диалог между Молотовым и Крайским. Последний, стремясь как-то

разрядить довольно напряжённую атмосферу встречи, рассказал советским коллегам, что он много читал Ленина и вообще считает себя образованным марксистом. «Если вы так много читали Ленина, то почему вы находитесь на этом месте?», – спросил Молотов. Министр иностранных дел, по-видимому, полагал, что все знатоки марксизма должны быть в рядах коммунистов. «Именно поэтому и нахожусь», – парировал с улыбкой статс-секретарь Крайский, для которого знание трудов Ленина отнюдь не было равнозначно признанию их верности.

Крайскому и Фиглю пришлось столкнуться в Берлине и с достаточно жёсткой позицией Дж. Ф. Даллеса. Последний явно намекал австрийцам, что их стране жилось бы гораздо лучше, если бы она больше ориентировалась на Соединённые Штаты. Даллес был весьма скептически настроен по поводу тенденций нейтрализации Австрии, считая военный вакуум плохим будущим для этой страны. Пришлось австрийским дипломатам объяснять государственному секретарю США, что блоковое решение австрийского вопроса разделило бы страну на манер Германии, а такой судьбы не хочет для себя подавляющее большинство австрийцев. Было также подчёркнуто, что нейтральный статус не означает ей военную незащищённость, и Австрия может быть достаточно вооружена для отражения внешней агрессии.

Отслеживая ситуацию, Крайский обращал внимание на позитивную эволюцию взглядов лидеров СССР по австрийскому вопросу. Было очевидно, что СССР, как это вытекало из речи Молотова на заседании Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г., отказался от увязки решения германской проблемы (мирный договор с ФРГ и ГДР) с заключением Государственного договора с Австрией. Главным здесь было то, что СССР хотел получить гарантию от перспектив «нового аншлюса». По мнению Молотова, от Австрии ожидали обязательства невступления в какие-либо военные союзы. После совещания в МИД Австрии Крайскому было поручено прозондировать поднятую Молотовым тему во время встречи с советским послом в Вене С.М. Кудрявцевым. Последний был приглашён на ужин в дом Крайского на Армбрустер гассе, 15. На встрече присутствовал и вице-канцлер Адольф Шерф. Во время этого мероприятия именно

Крайский предложил для Австрии модель Швейцарии, обозначенную на Венском конгрессе 1815 г. Советский посол незамедлительно передал в Москву предложение, гарантирующее участие Австрии в военных блоках. Начался заключительный, прорывной этап в решении австрийского вопроса. Его важной стадией стал визит австрийской правительственной делегации, членом которой был и Крайский, в Москву в середине апреля 1955 г. Западные державы дали согласие на этот визит австрийцев в Москву, полагая, что нейтральный вариант для Австрии будет оптимальным решением уже перезревшей проблемы.

О переговорах в Москве подробно сказано в книге о Крайском¹¹⁴. Дополню это лишь рассказом моей матери, с которой я беседовал в последние месяцы её жизни (она скончалась 26 марта 1993 г.).

Однажды её вызвали к министру МГБ И.А. Серову и тот сообщил о необходимости уделить повышенное внимание Дому приёмов иностранных гостей, расположенному в переулке Островского. Министр сказал, что на днях в Москву приезжает ответственная делегация из Австрии для проведения переговоров с советским руководством по поводу Государственного договора. На мать возлагалось обеспечение бесперебойного поступления информации обо всём, что говорили между собой члены делегации.

Несколько дней А.М. Швейцер-Челнокова находилась в центре «прослушки», так как австрийские гости обменивались мнениями либо рано утром, до начала переговоров, либо поздним вечером, по возвращении с приёмов или из Большого театра. Полученная информация немедленно передавалась наверх, причём мать получила ориентировку – какие сведения больше всего интересуют советское руководство. А интересовались прежде всего экономической информацией. Для Анастаса Микояна, который вёл экономическую часть переговоров, особенно важна была позиция австрийцев по вопросу бывшей германской собственности на территории Австрии. Редактируя оперативную информацию, мать сталкивалась с некоторыми трудностями. Например, ей не были известны такие названия, как за-

¹¹⁴ Швейцер В.Я., Жиряков И.Г. Бруно Крайский. Указ. соч. С. 59-62.

воды ФЕСТ или РАКС, часто упоминавшиеся членами делегации. Но в целом начальство осталось довольным её работой; в конце 1955 г. она была награждена медалью «За боевые заслуги». Здесь учитывалось и её участие в «прослушке» происшедшего осенью 1955 г. посещения Москвы тогдашним канцлером ФРГ К. Аденауэром.

Что касается «австрийского вопроса», то Московские переговоры резко приблизили заключение 15 мая 1955 г. Государственного договора с Австрией, подписанного помимо СССР, также США, Великобританией и Францией. 26 октября того же, исторического для Австрии, года парламент страны принял Закон о постоянном нейтралитете, который и по сей день не утратил своего значения как важный фактор сохранения взаимоприемлемой мирной ситуации в центре Европы. Для Австрии же осенью 1955 г. наиболее существенным было обретение ей суверенитета, прекращение длившегося более десяти лет присутствия на её территории иностранных вооружённых сил.

4.2. Австрийские оценки международной разрядки*

Май 1955 г. стал важным рубежом в истории Австрии, полностью и целиком обретшей свой суверенитет. В последующие десятилетия она смогла внести важный вклад в дело разрядки международной напряжённости. Этот вклад можно с полным основанием персонифицировать с личностью уже упомянутого Бруно Крайского – политика европейского и международного масштаба. Такая характеристика подтверждается не только более чем 20-летним пребыванием Крайского на высших государственных постах Австрийской республики (министр иностранных дел 1959–1966 гг., канцлер Австрии в 1970–1983 гг.), но и его активным участием в делах, имевших большое значение для международных отношений середины 50-х – начала 80-х годов прошлого века.

Начальной фазой разрядки, и это общепризнанно, стало подписание Государственного договора. Наивысшим, на наш взгляд, результатом этого процесса явился Московский договор авгу-

* Используется часть текста статьи: Швейцер В.Я. СССР-Австрия: на вехах мировой политики // Современная Европа. 2014. №2. С. 125-130.

ста 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Между этими важнейшими документами «эры разрядки» лежала череда событий как способствовавших достижению великими державами консенсуса, так и делавших его маловероятным. Речи, статьи, интервью Крайского конца 1950 – начала 1960-х гг. свидетельствуют, что этот политик прекрасно разбирался в сущности и мотивах, побудивших СССР перейти от конфронтационной риторики к призывам искать мирный путь решения острых международных проблем. Пользуясь переводами основных документов КПСС того периода, речей Н.С. Хрущёва, а также аналитическими записками, поступавшими из посольства Австрии в Москве, Крайский дал вполне объективную оценку той концепции «мирного сосуществования», которая являлась идеологической базой разрядки по московским лекалам.

Он считал, что Советский Союз, измученный войной с Германией и её последствиями, а также гонкой вооружений времён холодной войны, не мог более существовать в таком режиме. Материальные факторы также влияли на умонастроения советских людей. С другой стороны, Хрущёв видел в подъёме советской экономики важнейший стимул идеологического воздействия на мир, полагая, что успехи СССР будут способствовать продвижению на Запад коммунистической идеологии. По логике Крайского, Хрущёв, понимая, что в условиях примерного равновесия в ядерных и иных вооружениях война не приведёт к победе коммунизма на мировой арене, стремился добиться старых целей иными средствами.

Собственную альтернативу идеологическим пассажам Хрущёва Крайский формулировал следующим образом. Конечно, общественные системы должны сосуществовать, желательно без постоянного спора по мировоззренческим вопросам. Однако коль скоро русские бросили этот вызов Западу, то дело чести свободного мира – доказать преимущества демократического строя и социальной рыночной экономики. В целом же, считал Крайский, и этот тезис проходит красной нитью через все его откровения рубежа 1950–1960-х гг., «сосуществование является альтернативной несуществованию. Оно хуже прочно-

го и гарантированного мира, но лучше, чем любая форма военной конфронтации»¹¹⁵.

Важнейшим элементом мирного сосуществования государств с различным общественным устройством Крайский считал достижение конкретных договорённостей в процессе военной разрядки. Своё видение этого процесса, прежде всего общие принципы, он, тогда ещё статс-секретарь в Ведомстве федерального канцлера, изложил в интервью бельгийской «Пёпель» 9 мая 1958 г. По Крайскому, заинтересованные стороны, прежде всего СССР и США, должны официально отказаться от политики с позиции силы, работать над созданием системы взаимной безопасности, поддерживать баланс своих вооружённых потенциалов, достичь договорённостей в сфере ядерного и конвенционального оружия, разработать действенную систему контроля над состоянием своих военных потенциалов. Чрезвычайно важен и последний по счёту, но отнюдь не второстепенный пункт «программы Крайского» – необходимость скорейшего проведения совещания лидеров «сверхдержав».

В 1976 г. в речи, посвящённой 200-летию США, ретроспективно оценивая успехи и неудачи политики разрядки, Крайский сделал своего рода «анатомический срез» темы личных контактов лидеров сверхдержав. «Политика разрядки начинается отнюдь не тогда, когда стороны раскланиваются друг перед другом, говоря взаимные любезности. Она может и должна начинаться с того, что друг другу ясно говорится о решимости отстаивать свои позиции, о непоколебимости в защите друзей, о том, что политика “холодной войны” даёт ничтожные шансы на успех. Только в том случае, если стороны убедятся в безальтернативности такой методологии, можно уже говорить о начале политики разрядки»¹¹⁶.

В этой речи, как, впрочем, и в большинстве других выступлений конца 1950-х – середины 1970-х гг. красной нитью прослеживается основной тезис концепции Крайского – гарантией от возникновения войны будет равновесие в области вооруже-

¹¹⁵ Kreisky B. Aspekte des demokratischen Sozialismus. Munchen: List Verlag, 1974. С. 37.

¹¹⁶ Kreisky B. Reden, Bd. 2. Wien, 1981 S. 615.

ний с постоянной тенденцией минимизации ядерных и обычных видов оружия. Крайский полагал, что основным форумом решения этих проблем должны быть переговоры лидеров СССР и США. В то же время уже на рубеже 1950–1960-х гг. Крайский всё активнее высказывался за начало переговорного процесса между НАТО и Организацией Варшавского договора, поддерживая инициативы по военной разрядке в Европе, исходившие от отдельных представителей противостоящих сторон.

В связи с этим нельзя не упомянуть его оценку «плана Рапацкого», выдвинутого в октябре 1957 г. тогдашним министром иностранных дел Польши. По словам Крайского, этот план можно рассматривать как своего рода программу-минимум, заслуживающую «серьёзной и деловой дискуссии». Со своей стороны, он предложил расширить круг обозначенных в плане стран – ГДР, ФРГ, Польши и Чехословакии – тремя европейскими нейтралами – Австрией, Швецией и Швейцарией. Отметим, что внешнеполитический стиль Крайского вообще отличался определённым креативом. Например, по свежим следам Карибского кризиса осени 1962 г. он предложил пойти дальше достигнутой лидерами СССР и США договорённости об устранении баллистических ракет с территории соответственно Кубы и Турции. По его мнению, разрядка в конкретном случае даёт шанс начать серьёзный разговор о ликвидации всех военных баз на чужих территориях.

Следует отметить, что инициативы Крайского не встретили тогда ожидавшейся им поддержки лидеров сверхдержав. При этом если руководство США считало их неким «забеганием вперёд», отрывом от реальной ситуации, то советская дипломатия, как это вытекало из рекомендаций, направленных в конце 1950 – начале 1960-х гг. им посольству СССР в Вене, узрела в предложениях Крайского некий подвох, торпедирование мирных инициатив Востока и подыгрывание позиции США. В таком же духе оценивались откровения Крайского по поводу «плана Рапацкого», его идея ликвидации всех военных баз, а также позиция по вопросу о широком международном контроле над ядерными испытаниями. Относительно последней темы в справке, посланной в МИД посольством СССР в Вене (декабрь 1962 г.),

говорилось без обиняков: «посредническая роль Австрии носит односторонний характер и рассчитана в целом на поддержку позиции США и их союзников»¹¹⁷.

Было бы, однако, неверно полагать, что линия на отказ от услуг Крайского являлась неким абсолютным принципом тогдашней советской дипломатии. Как говорится, нет правил без исключений! И таким исключением стала посредническая роль Крайского рубежа 1958–1959 гг. в попытке установления контактов между Н.С. Хрущёвым и правящим бургомистром Западного Берлина Вилли Брандтом. Отметим, что Крайский принципиально считал напряжённую ситуацию вокруг Западного Берлина не столько сугубо германской проблемой, но и фактором, торпедирующим разрядку как таковую. Поэтому он весьма позитивно отреагировал на просьбу В. Брандта о содействии прямым контактам с Н.С. Хрущёвым. Крайский передал эту просьбу послу СССР в Вене С.Г. Лапину. Вскоре был получен ответ, что Хрущёв готов пойти на контакт с Брандтом. Однако встреча не состоялась из-за недоговорённости о её месте. Хрущёв предлагал либо Восточный Берлин, либо Лейпциг, на что Брандт не мог согласиться, опасаясь негативной реакции руководства ФРГ. Тем не менее посредничество Крайского в деле решения «берлинского вопроса» было замечено Москвой. Свидетельством этому стала передача в руки Крайского для В. Брандта советских предложений по Западному Берлину. Это произошло в июле 1960 г. во время визита в Вену министра иностранных дел СССР А.А. Громыко.

Предметом особых забот Крайского была в конце 1950-х – начале 1960-х гг. проблема использования во благо разрядки тех возможностей, которые предоставлял Австрии её нейтральный статус. В сочетании с выгодным географическим положением страны как центра Европы и Вены как общепризнанной культурной столицы Старого Света Австрия, по мнению Крайского, могла и должна была стать страной-посредником в процессе ослабления международной напряжённости. И сделать это можно было с помощью миролюбивых инициатив нейтрального государства, а также превращения австрийской столицы в

¹¹⁷ Архив внешней политики: Описание 46. №21, папка 232. С. 23.

место нахождения важных институтов Организации Объединённых Наций. Однако обратим внимание на ту щепетильность, которую проявил Б. Крайский в вопросе о возможном переводе в Вену из Нью-Йорка штаб-квартиры ООН.

Как известно, тема «отлучения» Нью-Йорка от штаб-квартиры ООН возникла в начале 1960-х гг., когда Советскому Союзу показалось, что США оказывают негативное воздействие на ход ооновских дискуссий и деятельность чиновников этой организации. С учётом того, что Австрия прежде всего устами самого Крайского, тогда министра иностранных дел, неоднократно заявляла о готовности разместить в Вене ряд подразделений ООН, советское руководство решило прощупать почву в направлении переноса сюда штаб-квартиры ООН. Во время своего визита в Вену в июле 1962 г. А.А. Громыко, беседуя с Крайским, решил как бы между прочим выяснить позицию Австрии. Согласно записи, сделанной в МИД СССР, Громыко сказал буквально следующее: «Если бы ваше правительство предложило бы ООН разместить свою штаб-квартиру в Вене, то мы поддержали бы это предложение»¹¹⁸. Крайский ответил, что решать этот вопрос можно лишь в Совете Безопасности ООН при предварительном согласии на этот вариант не только СССР, но и США. Только при такой последовательности Австрия могла бы рекомендовать свою столицу как место для новой штаб-квартиры ООН.

Крайский явно не хотел дать хоть малейший повод для использования Австрии в качестве разменной монеты в отношениях сверхдержав. Точно так же он во время встречи с Громыко в июле 1960 г. не согласился со скептицизмом последнего относительно заключения Австрией и США торгового договора, который, по мнению главы советской дипломатии, может как-то повредить австрийскому нейтралитету. Б. Крайский не видел какой-либо связи между сферой международной торговли и нейтральным статусом Австрии. Возможно, он вспомнил о безответственном заявлении осенью 1956 г. госсекретаря США Дж. Ф. Даллеса об «аморальности» австрийского нейтралитета в период венгерских событий, широко растиражированное советской печатью. Отметим и то, что данный эпизод хотя оставил

¹¹⁸ Архив внешней политики: Описание 46, папка 231. С. 9.

на некоторое время неприятный осадок в американо-австрийских отношениях, однако в дальнейшем был дезавуирован администрацией Джона Ф. Кеннеди. Так, 3 июня 1961 г. вне рамок советско-американского саммита в Вене новый госсекретарь США Дин Раск во время встречи с Б. Крайским особо подчеркнул отказ администрации Кеннеди от того пренебрежительного отношения к европейским нейтралам, которое имело место при президентстве Дуайта Эйзенхауэра.

Для австрийского правительства, членом которого являлся Б. Крайский, данная констатация имела особое значение. В этот период Советский Союз, со своей стороны, пытался расставить определённые акценты в теме толкования не только буквы, но и духа австрийского нейтралитета. В советской концепции разрядки темы политической, военной и экономической консолидации Западной Европы выглядели как шаги, дестабилизирующие ситуацию в Старом Свете. Европейская интеграция представлялась Кремлю как экономическая поддержка военного блока НАТО. И хотя ставшее очевидным в начале 1960-х гг. существование двух разных по функциям объединений не было секретом для советских руководителей, они не ослабляли усилий для блокирования этого естественным образом развивающегося процесса.

Австрия была выбрана в качестве объекта критики со стороны Кремля не только потому, что СССР позиционировал себя в качестве гаранта нейтралитета Австрии, но и в связи с не всегда чёткими дефинициями этого статуса самими австрийскими политиками.

Некоторую неопределённость в данном вопросе порождали и высказывания самого Б. Крайского. Так, 4 мая 1960 г. в докладе на собрании «Цюрихского общества народного хозяйства» он трактовал нейтралитет преимущественно как неучастие в военных союзах, которое не исключает иных форм европейского сотрудничества. Правда, в других выступлениях, относящихся к 1960–1961 гг., он развивал идею об общеевропейском экономическом пространстве, куда могут быть включены и ЕЭС, и ЕАСТ, и СЭВ. В своём толковании темы «нейтралитет и европейская интеграция» Крайский иногда ссылался на поясняющие заме-

чания к Конституционному Закону о нейтралитете, в которых Австрия самоизолировалась лишь от международных организаций военного характера. Советскую сторону явно настораживало и высказанное Крайским в беседе с послом В.И. Авиловым (16 октября 1962 г.), соображение, что «австрийский нейтралитет – это конкретная политика в конкретных условиях»¹¹⁹.

Более определён был Крайский в своих оценках складывавшихся тогда в Европе экономических группировок – ЕЭС и ЕАСТ. Если последняя характеризовалась им как чисто экономическая организация, то Общий рынок виделся блоком с определённым идейно-политическим профилем. Последнее обстоятельство делает ЕЭС неприемлемым для Австрии. Кроме того, Крайский ссылался на московский меморандум (апрель 1955 г.), в котором Австрия брала за образец нейтралитет Швейцарии, исключивший для альпийского соседа присоединение к ЕЭС. Кроме того, ст. 4 Государственного договора обязала Австрию не вступать в политические и экономические объединения, где присутствует Германия.

Все эти высказывания Крайского, безусловно, были известны советской стороне, равно как и весьма сдержанная в вопросах интеграции позиция его Социалистической партии, в которой, в отличие от коалиционного партнёра СПА – Народной партии, не было сильных группировок, заинтересованных во вступлении в Общий рынок. Однако поскольку СССР не был уверен в том, что члены ЕАСТ в обозримом будущем не войдут тем или иным способом в ЕЭС, то в ход была пущена тяжёлая артиллерия. Напомним достаточно бестактное по форме, хотя и не столь однозначное по содержанию, высказывание Н.С. Хрущёва во время его визита в Австрию в июне – июле 1960 г. По мнению лидера СССР, если нейтралитет Австрии будет нарушен, то СССР не станет сидеть, сложа руки. Моментально последовал ответ Федерального правительства, составленный при активном участии Крайского. Согласно этому документу, Австрия самостоятельно определяет степень угрозы своему нейтралитету и принимает меры для его защиты. Здесь же очень кстати содержалась ссылка на Московский меморандум в той его

¹¹⁹ Архив внешней политики: Описание 46. папка 231. С. 28.

части, где австрийская сторона приветствовала гарантию неприкосновенности своей территории только совместно всеми четырьмя великими державами. Также предлагалось решить все спорные вопросы в рамках ООН.

Крайскому ещё как минимум дважды пришлось предостеречь советскую сторону от нападков на возможное нарушение Австрией своего нейтралитета. Случилось это в декабре 1961 г. Сначала Крайский резко отреагировал на статью в «Правде», где муслировался известный тезис Москвы о «холодном аншлюсе». Выступая в Хельсинки, он вновь подчеркнул, что только австрийское правительство может давать толкование своему нейтральному курсу. Другой повод для Крайского дал Н.С. Хрущёв, посчитавший, что размещение ракетных баз на севере Италии якобы угрожает нейтралитету страны. На это Крайский ответил, что как ракеты в Италии, так и военные спутники СССР, пролетающие над Австрией, являются оборонительными мероприятиями иностранных государств, и это не ведёт к нарушению австрийского нейтралитета.

Итак, в перипетиях инициированной Москвой разрядки Крайский показал своё умение учитывать разновекторные тенденции мировой политики. Тем самым он укрепил международный авторитет Австрии, а также собственное реноме как политика европейского и международного масштаба. Это, безусловно, способствовало его дальнейшей политической карьере и как канцлера Австрии 1970–1983 гг., и как одного из лидеров в то время влиятельного Социалистического Интернационала.

4.3. Бруно Крайский: теоретик и практик «нового курса»*

Будучи критиком многих аспектов внешней и внутренней политики Москвы, отрицая коммунистическое истолкование марксизма, Бруно Крайский не считал идеологические противоречия препятствием для контактов с советским руководством по широкому кругу международных проблем. Речи, интервью, статьи и материалы книжного формата свидетельствовали о его

* Использован с сокращениями и дополнениями текст статьи: Швейцер В.Я. Бруно Крайский и Советский Союз // Современная Европа. 2021. №1. С. 169-179.

постоянном интересе к внутренним центробежным процессам в советском обществе конца 1960-х – середины 1970-х гг. Одной из наиболее болезненных тем, волновавших Крайского, было советское диссидентство. Никак не преувеличивая роль и место диссидентов в СССР, он считал их надводной частью «айсберга неповиновения», который после смерти И.В. Сталина всё более обнажался в коммунистическом лагере. Если в странах Восточной Европы сопротивление коммунистическим режимам было исторически объяснимо предшествующим, хотя и очень непродолжительным периодом буржуазно-демократических свобод, то в СССР оппозиция формировалась исключительно среди узкого слоя интеллигентов, из которых Крайский особенно выделял академика А.Д. Сахарова. Меморандум Сахарова, ставший известным на Западе в середине 1960-х гг., побудил Крайского обратить внимание на положение дел в СССР, хотя тогда основной интерес лидеров европейской социал-демократии был связан с «пражской весной» и её подавлением в конце лета 1968 г. В последующем тема советских диссидентов приобрела для Крайского ещё большее значение, ибо в СССР появилась вторая равнозначная по влиянию на советскую интеллигенцию фигура – А.И. Солженицын. 3 сентября 1973 г. в докладе на очередном Альпбахском форуме, посвящённом взаимосвязи политики и науки в современном индустриальном обществе, он упомянул Сахарова как человека, ведущего борьбу за свободу, взаимотерпимость и равноправие. Десять дней спустя, выступая перед участниками венской сессии «Международной амнистии», он заявил, что Сахаров должен иметь право публично выступать со своими соображениями. В те сентябрьские дни, когда мир оплакивал трагическую гибель демократически избранного народом Чили президента Сальвадора Альенде, Крайский подчёркивал, что демократы не должны допустить, чтобы репрессии обрушились на Сахарова и его соратников. Тем самым он как бы иллюстрировал на практике необходимость борьбы за права человека в любой точке земного шара. Комментируя публичную поддержку Сахарова и Солженицына, по отношению к которым федеральный канцлер также выказывал свои симпатии, «Зюддойче цайтунг» писала: «Сахаров и Солженицын могут быть спа-

сены от большой опасности, если на Западе найдётся ещё пара Крайских... Крайский пробил брешь в стене безразличия, которой Запад окружил борцов за права человека в СССР»¹²⁰.

Информация о поддержке, оказанной ему Крайским, дошла и до опального академика. Начиная с середины семидесятых, Сахаров пересылает Крайскому различными способами несколько писем, в которых просит заступиться за известных ему советских диссидентов. Автору этих строк удалось найти в Архиве Крайского в Вене копию письма Сахарова от 6 марта 1977 г. В нём, в частности, говорилось: «Глубокоуважаемый господин Канцлер! Крайне обеспокоенный судьбой членов советской группы содействия Хельсинки, я строго доверительно обращаюсь к Вам. Я прошу Вас использовать личные контакты и дипломатические каналы, чтобы спасти их от расправы...». Речь шла о Гинзбурге, Орлове, Руденко и Тихом. Сахаров просил Крайского воздействовать на советские власти, добиться освобождения диссидентов и их эмиграции на Запад. Сахаров был убеждён в возможностях австрийского канцлера, когда писал ему: «...Ваше авторитетное содействие может решающим образом повлиять на всех, от кого зависит участь этих и не только этих узников совести».

Письмо попало к Крайскому окольным путём: советник по культуре посольства Австрии в Москве д-р Йоханнес Мартэ получил его от жены первого секретаря американского посольства, которой оно было передано, по-видимому, от имени Сахарова.

Следующий свой меморандум академик Сахаров передал в посольство лично. Об этом случае Крайский рассказал на партийном совете Социалистической партии Австрии (СПА) в октябре того же 1977 г.: «На прошлой неделе перед посольством Австрии в Москве остановился автомобиль с водителем за рулём, и из него вышел лауреат Нобелевской премии профессор Сахаров. Он передал посольству от себя лично и от своих друзей меморандум, адресованный участникам белградской встречи...»¹²¹. Крайский привёл этот пример отнюдь не для того, чтобы лишний раз показать значимость своей персоны в деле защи-

¹²⁰ Süddeutsche Zeitung, 08.09.1973.

¹²¹ Kreisky B. Reden. Wien, 1981. S. 695.

ты советских диссидентов. Этот случай он использовал для иллюстрации того, какое влияние уже оказывает Запад на судьбы диссидентов. «Возможно ли это было во времена Сталина или даже Хрущёва?», – задал членам СПА риторический вопрос Крайский. Что же сделал федеральный канцлер в ответ на просьбы Сахарова и его коллег по диссидентскому движению? Во-первых, он направил все переданные ему материалы австрийским представителям на Белградской конференции, которые, в свою очередь, ознакомили с ними участников этого форума. Во-вторых, он написал несколько писем А.Н. Косыгину. Так, в письме от 12 августа 1977 г. он просил его содействовать выезду в Израиль учёных: киевлянина В. Чудновского и москвича А. Щаранского. Последний был к тому времени бездоказательно обвинён в шпионаже в пользу США. Наконец, проблему советских диссидентов он затронул во время личной встречи с Косыгиным в Москве в феврале 1978 г. В дальнейшем Крайский неоднократно обращался и лично, и через министра иностранных дел В. Пару к высшему советскому руководству, призывая его быть благосклонным к инакомыслящим, исходя из гуманных соображений в духе «третьей корзины» Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

Беспокоила его и судьба самого Сахарова. Так, в феврале 1977 г. В. Брандт переслал ему письмо писателя-диссидента Льва Копелева, в котором тот просил Крайского заступиться за Сахарова. После высылки последнего в январе 1980 г. в город Горький Крайский неоднократно пытался воздействовать на советское руководство, чтобы вернуть академика – Нобелевского лауреата – в Москву. Последнее письмо с подобной просьбой он отправил Ю.В. Андропову в мае 1983 г., прося дать Сахарову возможность эмигрировать. Чего же добился Крайский своими обращениями? Думается, его голос в ряду других защитников униженных и оскорблённых сыграл определённую роль. Упомянутые диссиденты смогли тем или иным способом выехать за рубеж, а Сахаров – вернуться в Москву, правда, уже при Горбачёве.

Случай этот не был уникальным для Крайского. Путь на Запад через Вену пролегал для многих гонимых из СССР, которым федеральный канцлер оказывал личное содействие. В этом,

пожалуй, наилучшим образом раскрывались его качества не только политика-гуманиста, но и человека, способного принять лично к сердцу горести иммигрантов вне зависимости от степени их известности на Западе. Все они были для него объектом заботы и сострадания. Заключительный акт СБСЕ давал ему возможность делать это открыто, не рискуя быть обвинённым в мифическом «вмешательстве во внутренние дела» чужого государства.

Впрочем, этих обвинений Крайский всё же не избежал. В одних случаях упреки во «вмешательстве» звучали как бы косвенно, однако с учётом того, что федеральный канцлер был ближайшим собеседником советских лидеров, намёк был весьма прозрачен. Показательна, в частности, речь А.Н. Косыгина на обеде, данном в честь гостя из Австрии во время его февральского (1978 г.) визита в Москву. Советский премьер, говоря о важности выполнения Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству, произнёс: «Тот, кто хотел бы использовать хельсинкские договорённости в корыстных целях, для вмешательства в чужие дела, наносит ущерб большому и важному делу, которое было начато общеевропейским совещанием»¹²². «Тот», к которому была обращена эта тирада, никак не отреагировал, ибо Крайскому было гораздо важнее донести до Косыгина информацию о нарушении прав человека в СССР, чем обмениваться с ним острыми репликами.

В 1970-х – начале 1980-х гг. на страницах советской печати из-под пера авторов разного ранга появлялись прямые обвинения в адрес Крайского. Складывалась весьма парадоксальная ситуация. Крайский существовал как бы в двух лицах. Одно принадлежало весьма уважаемому политику, многие действия которого в международных делах, совпадавшие с позицией СССР, одобрялись в самых лестных выражениях. Сошлёмся хотя бы на Н.А. Тихонова, сменившего Косыгина на посту председателя Совета министров СССР, который во время своего визита в Вену (апрель 1981 г.) следующим образом охарактеризовал роль и место Австрии и главы её правительства в процессе разрядки: «Вместе с другими европейскими государствами нейтральная

¹²² СССР – Австрия. Указ. соч., 1980. С. 135-136.

Австрия внесла достойный вклад в становление политики разрядки и немало делает для того, чтобы отстоять её сегодня. Мы воздаём должное той роли, которую в этом отношении играет федеральный канцлер Бруно Крайский». По-видимому, в условиях, когда необходимо было искать в Европе политиков, готовых противостоять антисоветскому курсу новой американской администрации, московские власти смогли закрыть глаза на позицию канцлера в отношении диссидентов.

Разрядка: в Хельсинки через Вену

При всей важности для Крайского темы защиты прав человека, в которую органически вписывалась проблема советских диссидентов, разрядка представлялась ему многослойным, многоуровневым процессом, где органически переплетались сюжеты как чисто европейского, так и более широкого международного уровня. В частности, когда шла подготовка к состоявшейся летом 1975 г. в Хельсинки финальной части общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству, Крайский считал, что его решения не должны обойти темы ближневосточного мирного урегулирования и прекращения войны в Индокитае. Наряду со встречами на высшем уровне руководителей СССР и США, с началом переговоров по ограничению вооружений и вооружённых сил в Европе, подготовка к предстоящему Совещанию вызывала у него в целом оптимистические ожидания.

В июле 1974 г., сразу после встречи в Москве с советским руководством, Крайский дал обширное интервью по затронутым на переговорах проблемам газете «Известия». Отмечая важность своих контактов с американскими и советскими политиками, он констатировал: «Я воспользовался этими и другими встречами, чтобы вновь поддержать идею скорейшего завершения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне...».

Крайский считал, что «Совещание должно закончиться принятием прежде всего генеральной декларации, в которой были бы сформулированы условия, необходимые для поддержания и укрепления европейского мира. Среди этих условий немаловажное место имеет отказ от применения силы или угрозы её при-

менения, закрепление нерушимости европейских границ»¹²³. Отметим, что в своём выступлении на церемонии подписания Заключительного акта СБСЕ, характеризуя этот документ как «кодекс доброй воли государств», Крайский был достаточно осторожен в оценках перспектив его основных положений: «Каким бы ёмким и хорошим ни был для нас этот документ, всё будет зависеть от того содержания, которым мы наполним его на практике»¹²⁴. Ближайшее будущее подтвердило обоснованность предостережения Федерального канцлера Австрии относительно чрезмерного оптимизма по теме реализации записанного в Заключительном акте СБСЕ.

Разрядка середины 1970-х гг. предполагала, по мнению Крайского, реальные шаги в сфере уменьшения военной угрозы, суть которых заключалась в прекращении гонки вооружений. Здесь Крайский видел главных субъектов этого процесса – СССР и США – в качестве ключевых фигур создания системы равновесия в военной сфере. Равновесие, по его словам, нельзя ограничить лишь конвенциональным оружием и потенциалами войск противостоящих блоков. Прежде всего речь должна идти о стратегических вооружениях, главное среди которых – ядерное оружие, способное стереть с лица нашей планеты всё живое. Логика Крайского предполагала следующее видение политики США и СССР в этом вопросе. Советский Союз значительно слабее США в экономическом отношении; для него сокращение военных расходов более необходимо, их рост с экономической точки зрения нелогичен. Для Вашингтона, наоборот, рост в послевоенный период военного производства содействовал экономическому процветанию. Казалось бы, рассуждал Крайский, СССР в большей степени должен быть заинтересован в разоружении, однако СССР не доверяет США и Западной Европе, опасаясь, что американцы могут попытаться изменить общественный строй в странах «социалистического содружества». Запад, со своей стороны, также – и не без оснований – подозревает СССР в экспансионизме. Следовательно, делал вывод Крайский, «существует не только равновесие страха, но и равновесие недоверия».

¹²³ Известия, 20.07.1974.

¹²⁴ Правда, 01.08.1975.

Как его преодолеть? Без прогресса на двух- и многосторонних переговорах, полагал Федеральный канцлер, дело не сдвинется с мёртвой точки. После Хельсинки диссонанс между уже достигнутым в политической разрядке и топтанием на месте в вопросах военной разрядки стал ещё более заметен. Об этом он достаточно откровенно говорил в любых аудиториях. «Причины того, что проходящие в Вене переговоры о сокращении вооружённых сил и вооружений не продвигаются вперёд, заключаются также и в том, что пока не удалось добиться единства точек зрения относительно мер по сохранению равновесия», – с горечью констатировал он в марте 1976 г., выступая перед делегатами XXIII съезда австрийских социалистов. «Однако, – не теряя надежды Крайский, – возможно, что в ближайшие месяцы это единство будет достигнуто»¹²⁵.

Стагнацию практических результатов на венских переговорах между НАТО и ОВД, и женевских – между СССР и США, канцлер считал следствием многих причин, в том числе и боязни обеих сторон в отношении обмена объективной информацией о военных потенциалах и новейших разработках в этой области. Делясь своими размышлениями на сей счёт с делегатами партийного съезда Социалистической партии Австрии, он полагал, что «вряд ли кто-нибудь заинтересован в том, чтобы держать в секрете новые, невыдуманные виды оружия. Фактор безопасности состоит в том, что сверхдержавы проинформированы о способности уничтожить друг друга». В этой ситуации, отмечал Крайский, не важно, кто сделает первый шаг навстречу партнёру по переговорам, важно, чтобы этот шаг был сделан.

Не ограничивая себя лишь ролью наблюдателя и комментатора процесса переговоров, Крайский оказался радушным хозяином встречи Л.И. Брежнева и Дж. Картера, состоявшейся в Вене в июне 1979 г., где лидеры СССР и США поставили свои подписи под договором ОСВ-2. Несколько дней спустя австрийский канцлер, выступая с правительственным заявлением перед сессией Национального совета (парламента), дал такую оценку как подписанию нового советско-американского соглашения, так и самой встрече лидеров сверхдержав: «Неопрровержимым

¹²⁵ Kreisky B. Reden. Op. cit. S. 568.

фактом величайшего значения является то, что два политических деятеля крупнейших государств мира... провели почти четыре дня в нашей столице для того, чтобы обсудить проблемы мира и международного сотрудничества». Крайский назвал эту встречу «величайшим из исторических событий», имевших место в столице Австрии после Венского конгресса 1815 г.»¹²⁶.

Однако это событие стало не началом новой фазы политики разрядки, на что надеялся Крайский и большинство других политиков Запада, а последним лучом надежды перед новым этапом резкого ухудшения международной обстановки, в которой обе сверхдержавы вели себя так, как будто угроза ядерного конфликта уже принадлежала истории. Ввод советских войск в Афганистан, взаимная гонка вооружений наряду с проявлением политики с позиции силы, начатой президентом США Р. Рейганом, – всё это не давало Крайскому основания для оптимизма. Хотя он пытался поддерживать любые мирные инициативы даже в том зачаточном состоянии, в каком они преподносились главами сверхдержав, было ясно, что его опасения, высказанные в день подписания Заключительного акта 1975 г., оправдываются. Разрядка утрачивала то реальное содержание, которое она должна была иметь.

Крайне негативным с точки зрения взаимоотношений великих держав и малоэффективным с практической точки зрения являлся новый антисоветский курс Рейгана. Разговор с СССР с силовой позиции бесперспективен, считал Федеральный канцлер Австрии. Выступая перед делегатами XXVII съезда социалистов (октябрь 1982 г.), он назвал наивным мнение американских политиков, будто бы Москву и её союзников в Восточной Европе можно поставить на колени, не продавая им новейшее технологическое оборудование. Советский Союз выстоял в более жестоких схватках – в битве с Гитлером, когда тот был уже у стен Москвы и Ленинграда. Победив в «величайшей войне всех времён», он, конечно же, не будет повержен и в результате экономического бойкота. Однако в результате подобных шагов, считал Крайский, мир станет ещё более ненадёжным, ибо наступит чудовищное обострение международной напряжён-

¹²⁶ Там же. S. 819.

сти и новый виток холодной войны¹²⁷.

В речи на съезде СПА 1982 г. Крайский также затронул тему, которую он раньше избегал. Помня о вкладе США в победу над гитлеризмом, о спасительном для его страны в конце 1940-х гг. «плане Маршалла», он крайне неохотно шёл на критический тон в отношении Вашингтона. «Соединённым Штатам хорошо известно, что в лице Австрии они имеют лояльного, глубоко преданного им друга, ибо мы хорошо помним, что сделали для нас США и американский народ. Однако дружба не означает, что мы будем всегда соглашаться со всё́м, что там говорят». Делегаты съезда поняли этот прозрачный намёк. Ведь именно осенью 1982 г. США попытались оказать нажим на Австрию, чтобы она отказалась от поставок в СССР и другие страны Восточной Европы технологий, которые, по утверждению американцев, имели стратегическое значение. Крайский был возмущён этим посягательством на суверенные права своего государства.

Федеральный канцлер полагал, что в тревожной обстановке того периода социал-демократические правительства должны содействовать возобновлению диалога между СССР и США по вопросам разоружения. Этой задаче, считал он, мог бы содействовать и Социалистический интернационал. Крайский активно поддержал усилия в этом направлении, предпринятые В. Брандтом, посетившим Москву в июне 1981 г. для встречи с Л.И. Брежневым. С другой стороны, Крайский был уверен в том, что социал-демократы должны гасить в общественности рост антиамериканских настроений. В этой связи он весьма скептически рассматривал европейское движение за мир, видя в нём сильный элемент антиамериканизма, усиленно стимулируемый коммунистическими партиями. Его особенно тревожила информация о скрытой поддержке Москвой некоторых антивоенных движений в Европе. В то же время он понимал, что в обстановке, когда американцы заявили о возможности размещения в Европе, учитывая аналогичные действия СССР, ракет средней дальности, трудно избежать массовых акций протеста. Да и сам он крайне встревожено встретил весть о размещении первых ракет осенью 1983 г. Свидетельством настроений Крайского стало

¹²⁷ Arbeiter Zeitung, №12, 04.10.1982.

письмо, направленное им Р. Рейгану. В нём Крайский как вице-президент Социнтерна призвал президента США серьёзно обдумать последствия такого шага. Он указывал, что эти действия дадут новые аргументы антиамериканским настроениям молодёжи Старого Света, составляющей ядро движения за мир. В послании подчёркивалось и другое обстоятельство: новый виток гонки ядерных вооружений может привести к кризису всей системы европейской безопасности.

Перестройка с позиций австрийского социал-демократа

Перемены в СССР и других странах Восточной Европы пришли на последний этап политической биографии Бруно Крайского. В 1983 г. он навсегда оставил стезю государственного деятеля, а спустя несколько лет по состоянию здоровья перестал быть активным участником европейского социал-демократического движения. Однако вплоть до своей кончины 29 июля 1990 г. Крайский постоянно держал руку на пульсе международных событий. Конечно же, ему были крайне интересны процессы, начинавшиеся в Советском Союзе. Об этом свидетельствовали его высказывания как на страницах западной прессы, так и в публикациях в СМИ стран Восточной Европы и СССР.

Перестройку Крайский, как и большинство других политических деятелей Запада, почувствовал прежде всего по тем переменам, которые произошли во внешнеполитическом курсе Кремля. Слишком велики были проблемы, которые с середины 1970-х гг. сложились между Востоком и Западом в сфере международных отношений. Крайский отмечал, что новый генсек Горбачёв, в отличие от своих предшественников, не склонен подчинять внешнюю политику идеологическим догмам. Крайский уловил в речах и выступлениях Горбачёва, которые, по его собственным словам, он читал «очень внимательно», прослеживающуюся взаимосвязь решения международных и внутренних проблем СССР. Честолюбивые задачи, заявленные новым руководством КПСС, можно было выполнить лишь «в том случае, если Советский Союз будет избавлен от гигантского финансового бремени, порождённого гонкой вооружений. В реформаторских концепциях и начинаниях периода перестройки Крайский обнаружил ту же тенденцию, которую он сам стре-

мился реализовать в Австрии в годы однопартийного правления социал-демократов. «Реформы, стабилизирующие систему, приобретают иное качество, когда их количество возрастает», – писал он во втором томе своих мемуаров. Крайский отдавал себе отчёт в том, что судьбы перестройки ещё неясны, а в Кремле продолжается борьба двух тенденций, ибо противники реформаторского курса – представители старой номенклатуры – без радости встретили новации середины 1980-х гг. Крайский не исключал поэтому попятных процессов в постбрежневском СССР, однако считал, что Запад во всех случаях должен внимательно следить за развитием событий, чтобы потом «не винить себя в том, что на крупные перемены не было вовремя обращено должного внимания»¹²⁸.

Крайский считал важным донесение до граждан стран социалистического лагеря собственных взглядов по проблематике взаимоотношений основных сил международного рабочего движения. В годы перестройки советские читатели смогли лучше уяснить позицию Крайского по этой тематике, чему, безусловно, способствовала гласность, позволившая читателям в СССР узнать мнение австрийского государственного деятеля из первых рук. Неумолимый ход времени не позволил Крайскому увидеть своими глазами крах СССР и самой перестройки, в которой Горбачёв и его сподвижники оказались не готовы найти оптимальный вариант перехода от старого к новому.

Весьма показательное опубликованное в еженедельнике «Московские новости» (18 октября 1987 г.) предисловие Крайского к вышедшей в Вене книге Михаила Горбачёва «Чего я действительно хочу. Ответы на вопросы планеты». В нём бывший канцлер, в частности, прямо указал на ту функциональную роль, которую играет социал-демократия в современном мире: «Давнего простого деления на левых и правых больше не существует, многие старые истины и идеологии вот-вот исчезнут. Тем не менее демократический социализм именно тогда вновь обретёт свою роль, когда его последователи осознают, что должны действовать в качестве третьей силы между консерватиз-

¹²⁸ Kreisky B. Vorwort. In: Michail Gorbatschow. Was ich wirklich will. Wien, 1987 S. 13.

мом и коммунизмом». Как же быть с проблемой взаимоотношений коммунистов и социал-демократов, которая волновала часть читательской аудитории в СССР, воспитанной в духе догм? Крайский ответил и на этот вопрос, который задал ему в сентябре 1988 г. корреспондент «Литературной газеты». По словам старого социал-демократа, «речь может идти лишь о такой базе для сплочения, когда общим лозунгам было бы отдано предпочтение перед разногласиями». По мнению Крайского, главные из них: борьба за мир, защита права на труд, ликвидация безработицы, чистота окружающей среды, солидарность с Третьим миром. Он вполне определённо указал, что видит выход «не в формальных объединениях “старых” и “новых” левых, а в единстве в деле защиты общечеловеческих ценностей».

Крайский попытался объяснить советским читателям своё понимание той системы, в которой они жили. На вопрос другого интервьюера из СССР – корреспондента еженедельника «Эхо планеты» (сентябрь 1989 г.) о том, как сегодня обстоит дело с почти вековым спором коммунистов и социал-демократов, Крайский ответил достаточно откровенно: «Идеи коммунизма потеряли сегодня свою притягательную силу, которую они имели среди широких слоёв рабочего движения и некоторой части интеллигенции после Октябрьской революции и победы над фашизмом. Преступления сталинского режима, попрание прав человека и нерешённость экономических проблем подорвали веру в правильность идей коммунизма как модели будущего устройства общества».

Бросалась в глаза та определённая эволюция в оценках, вернее, в педалировании тех или иных сторон проблемы сотрудничества коммунистов и социал-демократов, которая наблюдалась в трёх вышеприведённых отрывках из высказываний Крайского. Он постоянно соотносил свои слова с той реальной ситуацией, которая менялась у него на глазах. При этом он не считал зазорным признаваться в том, что не всегда может уловить особенность тех подспудных перемен, которые происходили в коммунистическом обществе в конце 1980-х гг. и которые привели в конечном итоге к появлению в восточноевропейских странах режимов нового политического качества. В своём последнем

интервью, которое Крайский, и это достаточно символично, дал социал-демократическому журналу «Цукунфт» (№5, 1990), он признался, что не понял причин столь быстрого краха коммунизма в Восточной Европе. Это обстоятельство окажет, по его мнению, решающее воздействие на проблематику взаимоотношений сил в более широком контексте. «Сегодня можно с полным основанием говорить об окончательном крахе коммунизма, и в этой связи ставить вопрос о новом единстве рабочего движения». Уходивший из жизни политик не мог дать какую-либо определённую оценку этому процессу, столкнувшись с множеством ранее не просчитанных ситуаций. Сам он олицетворял прагматический, а не чисто идеологизированный подход к решениям широкого круга международных проблем.

Крайский постоянно искал любую возможность для своего миротворчества, используя при этом даже нестандартные для дипломатии приёмы. Так, в начале 1981 г. он через посла Австрии в СССР Геральда Хинтерэггера проинформировал советскую сторону о своём желании стать посредником в сложившейся тогда в «ракетном вопросе» ситуации. Для этого посол пригласил на домашний ужин группу советских учёных-обществоведов (в т.ч. и автора этих строк), среди которых был профессор А.А. Галкин, состоявший в дружеских отношениях с зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС А.С. Черняевым. В ходе неофициальной беседы с советскими учёными Хинтерэггер информировал их о позиции Крайского. По мнению автора книги, информация Крайского попала через Черняева к необходимым экс-канцлеру адресатам. Об этом косвенно свидетельствовало более позитивное, чем раньше, освещение в советской прессе деятельности Крайского. К сожалению, в конечном итоге его посредничество оказалось советской стороне ненужным.

4.4. Миротворческие инициативы для Ближнего Востока*

Бруно Крайский относился к той категории политиков, для которых сугубо национальные интересы органически сочетались с насущной потребностью миротворчества в более широ-

* Публикуется по тексту авторской статьи «Ближневосточная сага миротворца» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №1. С. 126-133.

ком глобальном контексте. Предыдущая глава подтверждает этот вывод автора. Предлагаемый вниманию читателя материал связан с активным поиском бывшим канцлером Австрии путей восстановления мира на Ближнем Востоке.

Позиции Б. Крайского по ближневосточной проблеме формировались в процессе его деятельности на различных государственных постах. Тройственная агрессия против Египта осенью 1956 г, утвердила его во мнении, что Израиль стремится укрепить свои позиции исключительно силовыми методами. В 1960-е гг. Крайский, статс-секретарь МИД Австрии, смог уяснить суть арабо-израильского конфликта; его партнёрами по переговорам были некоторые лидеры арабского мира и прежде всего президент Египта Г.-А. Насер. Тогда же он вполне определённо сформулировал собственную позицию в отношении ближневосточного конфликта: путь к достижению мира лежит исключительно через переговоры, а военного решения этот конфликт не имеет. Ведь за спинами соперничающих сторон стоят великие державы – США и СССР, которые не допустят полного поражения своих стратегических союзников. Постепенно сложилась и другая концепция: данный конфликт является проблемой «третьего мира» только с географической точки зрения, а по целому ряду обстоятельств – как экономических, так и политических, – затрагивает интересы Европы. Исходя из этого, Крайский выступал за обсуждение ближневосточной проблемы в качестве отдельного вопроса на состоявшемся в Хельсинки в 1975 г. Общоевропейском совещании по безопасности и сотрудничеству.

Между израильтянами и палестинцами

Крайский всё более убеждался в том, что после шестидневной войны 1967 г. Запад в целом, а Социнтерн – в частности должны более тщательно отслеживать ситуацию и в арабском лагере. Для развития диалога с политическими течениями арабского мира Крайский, являвшийся хозяином встречи лидеров Социнтерна, состоявшейся в Вене в 1968 г., внёс предложение о создании при СИ своего рода промежуточной организации для партий Ближнего Востока. Однако к нему не прислушались, формально ссылаясь на то, что в Египте и Сирии нет системы плюралистической демократии. Его доводы по поводу того, что

в арабском мире хотя нет западной системы демократии, но зато есть нужная Западу нефть, тогда никого не убедили.

Война «Йом кипура» в 1973 г. внесла существенные коррективы в позицию Запада по вопросу ближневосточного мирного урегулирования. Во-первых, стало ясно, что Израиль в военном отношении не так неуязвим, как прежде. Во-вторых, его новые захваты арабских земель явно выходили за рамки «границ безопасности». Наконец, в-третьих, хотя, по существу, это был главный итог войны, арабские страны – добытчики нефти, проявив солидарность с теми, кто с оружием в руках защищал свои интересы, смогли использовать свой самый сильный аргумент – нефть.

Отслеживая события напряжённой для Запада и мира осени 1973 г., Крайский убедился, что в вопросе о перспективах мира на Ближнем Востоке намечаются известные расхождения во мнениях между США и странами – участницами Европейского экономического сообщества, причём расхождения в весьма существенном вопросе, который в последующие годы стал ключевой проблемой ближневосточного мирного урегулирования. Если США и в новой ситуации отказывали палестинцам в праве на родину, не желали никакого диалога с представителями этого народа, то Общий рынок в своём Заявлении по Ближнему Востоку, обнародованном в ноябре 1973 г., расставил акценты совсем в иной, чем прежде, плоскости. В Заявлении не только был осуждён захват новых арабских земель и выдвигалось требование о возвращении отторгнутых от соседей Израиля в 1967 г. территорий, но и содержалась принципиально новая позиция. Было декларировано право всех стран и народов (а не только Израиля) жить в мире и безопасных границах и особенно подчеркивалось такое же право за арабским народом Палестины.

Спустя 5 дней после принятия ЕЭС своего Заявления в Лондоне состоялось специальное совещание руководства Социнтерна. В своей речи Крайский подчеркнул необходимость самостоятельных усилий этой организации в поиске несиловых путей решения этого кризиса. На Совещании зашла речь о создании Исследовательской группы СИ для посещения враждующих государств.

Признание Социнтерном важности начала контактов со всеми вовлечёнными в конфликт сторонами посредством учреждённой Исследовательской группы явилось главным результатом лондонской встречи. Кандидатура Крайского как зачинателя этого диалога и руководителя миссии также почти ни у кого не вызвала сомнения. В её состав по решению Совета Социнтерна были включены представители соответствующих партий из ФРГ, Швеции, Великобритании, Франции, Нидерландов, Японии и Италии.

Начало работы миссии Крайского не сулило ей быстрых результатов. В первом пункте поездки – Египте – возникли сложности уже на начальном этапе переговоров. Президент Египта А. Садат напомнил Крайскому и его соратникам о произраильской позиции Социнтерна в войне 1956 г. Арабский лидер упрекнул социал-демократов и за поддержку Франции в алжирской войне. При этом Садат был отнюдь не против контактов с социал-демократами Европы по ближневосточной проблеме. Он рекомендовал Крайскому встретиться в Каире с лидером Организации освобождения Палестины (ООП) Я. Арафатом. Однако беседа с палестинцем поначалу не настраивала на мажорный лад. Собеседник Крайского утверждал, что Израиль, как главный гонитель его народа, должен быть лишён своей государственности. В целом для Крайского становилось всё более очевидным, что именно палестинская проблема является камнем преткновения конфликта на Ближнем Востоке. Переехав из Египта в Сирию, делегация смогла убедиться в том, что мир в этом регионе невозможен и без решения проблемы тех беженцев, которые были изгнаны Израилем с Голанских высот и проживали после этого в лагерях под открытым небом.

Последней остановкой Исследовательской группы был Израиль. Члены израильского правительства с большим скептицизмом восприняли те шаги в направлении мира, которые предлагали президенты Египта и Сирии. Израиль, по мнению Крайского, ещё не готов сесть за стол переговоров с арабами, не воспринимает их позицию всерьёз. И всё же тот факт, что Крайского начали слушать, давал ему известную надежду на прогресс в будущем. Исследовательская группа ещё дважды (в феврале 1975

г. и в марте 1976 г.) посещала арабские страны, причём Крайскому и его коллегам удалось установить контакты почти со всеми лидерами Ближнего Востока. Состоялся обмен мнениями с такими лидерами этого региона, как король Хасан (Марокко), президенты Бургиба (Тунис), Бумедьен (Алжир), ливиец полковник Каддафи, монархические особы из Саудовской Аравии, Кувейта, арабских эмиратов из стран Персидского залива. Эти беседы позволили лучше уяснить то общее и особенное по ближневосточной проблеме, что необходимо было учесть Социнтерну в выработке собственных предложений по данному вопросу.

В начале 1977 г. Крайский, согласовав с остальными членами Исследовательской группы основные положения отчётного доклада о проделанной работе, представил его Социалистическому интернационалу. В докладе отмечалось: главным условием достижения мира в регионе является возвращение Израиля в границы 1967 г., все народы имеют право жить в стабильных государственных границах, а палестинская проблема может быть решена лишь при условии обеспечения суверенных прав палестинцев.

Другое важное положение доклада касалось признания де-факто Организации освобождения Палестины. Социал-демократы призывались отказаться от предубеждений в отношении ООП, признать в ней именно ту политическую силу, без которой невозможно решать проблемы этого региона. В докладе делалась попытка наметить пути сближения между правящими партиями Арабского Востока и Партией труда Израиля; посредником в этом деле мог бы быть, по мнению миссии Крайского, Социалистический интернационал¹²⁹.

Составляя доклад Исследовательской группы, Крайский опирался не только на собственные наблюдения, вынесенные из трёх поездок в зону конфликта и в прилегающие к ней государства. Он постоянно держал в уме многочисленные усилия других видных международных политиков (например, челночную дипломатию Киссинджера), а также важные решения, принятые при содействии ООН. Ведь уже в конце декабря 1973 г. в Женеве начала работу Международная конференция по Ближ-

¹²⁹ Kreisky B. Das Nahost Problem. Wien, 1985. S. 11.

нему Востоку, вскоре произошло разъединение войск Египта и Израиля на Синае. XXIX сессия Генассамблеи ООН приняла резолюцию, в которой за палестинским народом признавалось право на самоопределение, национальную независимость и суверенитет. С 1974 г. ООП получила статус постоянного наблюдателя при ООН. Ретроспективно оценивая своё миротворчество как поиск золотой середины интересов различных вовлечённых в конфликт сторон, Крайский подчёркивал: «Переговоры Социалистического интернационала на Ближнем Востоке не всегда велись в унисон с заинтересованными силами, но они никогда не велись без их ведома»¹³⁰.

Социинтерн и тайны Кэмп-Дэвида

Активная деятельность Крайского во время поездок на Ближний Восток сделала его в этом регионе весьма популярной личностью. Многие арабские лидеры и прежде всего президент Египта А. Садат увидели в нём человека, искренне заинтересованного в ликвидации завалов, вызванных перманентными арабо-израильскими войнами. Со своей стороны, сам Крайский не только лучше понял позицию арабской стороны, но и смог укрепить личные связи со многими деятелями арабского мира. Постепенно он утвердился во мнении, что личные контакты между лидерами сторон, вовлечённых в конфликт, могут дать нужный импульс для решения важных аспектов ближневосточного конфликта и вывода его из тупика. Главным действующим лицом с арабской стороны он считал А. Садата.

1977 г. внёс новые штрихи в процесс развития событий на Ближнем Востоке. В мае в Израиле после парламентских выборов от руля управления государством впервые за 30 лет была отстранена Партия труда, и к власти пришёл возглавляемый Менахемом Бегинным блок «Ликуд». В июне новое заявление принял Общий рынок, в нём в более конкретной, чем прежде, форме была отмечена необходимость предоставления палестинцам «права на отечество» как основное условие решения конфликта. В октябре того же года СССР и США подписали совместное заявление по Ближнему Востоку; наиболее существенным положением в этом документе стало признание важности

¹³⁰ Kreisky B. Reden Bd. II Wien, 1981. S. 882.

возобновления работы Женевской мирной конференции. Но самое главное событие произошло в ноябре, когда президент Садат предпринял исторический визит в Тель-Авив, ставший началом процесса мирного урегулирования, завершившегося полтора года спустя в Кэмп-Дэвиде.

Крайский не только внимательно следил за ходом событий. Располагая доверительной информацией, прежде всего со стороны египетского лидера, он был искренне заинтересован в том, чтобы в конфликте на Ближнем Востоке началась разрядка. Он готов был, используя личные контакты, содействовать облегчению ситуации. В этой связи важное значение имело посещение им Каира в начале мая 1977 г. Причём поездка в Египет не была заранее запланирована. О желании Садата встретиться он узнал лишь в Дамаске, где беседовал, правда, по этим же делам, с президентом Асадом и лидером ООП Арафатом. Получив телеграмму от Садата, Крайский незамедлительно вылетел в Каир.

Отрабатывая арабский сюжет, Крайский не отказался и от контактов с противоположной стороной конфликта. В феврале того же года он присутствовал в составе делегации Социнтерна на съезде Партии труда Израиля (ПТИ), которой СИ считал своим долгом оказать моральную поддержку в период предвыборной компании. Помимо Крайского в состав делегации входили президент Социнтерна В. Брандт и его заместители – Улоф Пальме и Йооп ден Ойл. В речи на съезде Крайский призвал своих слушателей учитывать изменения, происходящие в мире, считаться с тем, что народ Палестины имеет такие же гуманитарные права, как и народ Израиля. В частных беседах с израильскими социал-демократами Крайский убеждал их, что известные подвиги происходят и в кругах палестинского руководства, некоторые деятели ООП готовы признать право Израиля на государственный суверенитет. Этот вывод Крайский сделал после состоявшейся у него в конце января 1977 г. встречи с видным деятелем ООП Исам Сартауи, жизнь которого трагически оборвалась во время работы XVI конгресса Социнтерна, проходившего в апреле 1983 г. в португальском курортном городке Албуфейра.

Усилия Крайского в следующем 1978 г. были сконцентри-

рованы на организации разного рода встреч, прежде всего под эгидой Социнтерна. 12 февраля в Вене состоялась конференция Социнтерна по Ближнему Востоку. Она была задумана как средство поддержки разнообразных мирных инициатив: и женевского форума, и тех встреч, которые начались у Садата с новыми властями в Тель-Авиве. Крайский понимал, сколь хрупок лёд, на который вступил Садат. Ситуация в Израиле могла в любой момент измениться, и возможно, именно новому лидеру ПТИ Шимону Пересу предстояло стать следующим партнёром президента Египта по переговорному процессу. За день до открытия Венского форума, 11 февраля 1978 г., Перес и Садат встретились с глазу на глаз в Зальцбурге. Вечером того же дня лидер Партии труда провёл беседу с генеральным секретарём Арабского социалистического союза Египта Ф. Мохиэтдином.

Крайский мог быть доволен. Наконец-то сбывалась его мечта о начале контактов между лидерами арабских стран и Израиля, патронаж над которыми брал на себя Социнтерн. Но для развития успеха необходимо было добиться каких-то результатов на венской встрече. Это оказалось нелёгким делом, т.к. мнения участников конференции во многом не совпадали. Камнем преткновения стал опять-таки палестинский вопрос, ибо Перес категорически отказался признать ООП законным представителем народа Палестины. Противоположной точки зрения придерживались многие участники форума. Эти социал-демократы без всякого энтузиазма восприняли план Переса, предлагавшего создать иордано-палестинское государство.

Итак, казалось бы, первый блин вышел комом. Но Крайский не унывал, прекрасно понимая, что многое будет зависеть от темпа развития контактов с заинтересованными сторонами. Поэтому в начале июля того же года Крайский вместе с Брандтом пригласили А. Садата и Ш. Переса в Вену, где вновь состоялись обстоятельные беседы. Крайский, конечно же, очень хотел, чтобы в результате этой встречи был бы принят какой-либо совместный документ. Однако ни египтянин, ни израильтянин не выразили желания официально закрепить свои позиции. Тогда Крайский и Брандт решили ограничиться собственным заявлением, в котором была отражена их точка зрения, в доста-

точной степени учитывавшая сложность создавшейся ситуации. Прежде всего, лидеры Социнтерна призвали Египет и Израиль продолжить переговоры, доведя их до заключения мирного соглашения. Израиль призывали отвести свои войска «до безопасных границ», Брандт и Крайский сознательно не акцентировали вопрос о полном выводе израильских войск со всех оккупированных ими арабских земель, понимая, сколь тонкой материей является эта проблема. Также весьма деликатно был преподнесён палестинский вопрос. Не было обращено внимание на ООП, говорилось лишь о представителях народа Палестины в деле решения палестинской проблемы во всех её аспектах. Осторожные лидеры Социнтерна не хотели усложнять ситуацию фиксацией проблемы прав палестинцев на самоопределение.

Крайский имел полное право считать заключение в феврале 1979 г. кэмп-дэвидских соглашений и своим личным успехом, ведь он сделал всё для того, чтобы внушить противоборствующим сторонам, а также их посреднику – США важность хотя бы минимального прогресса, хотя бы малых шагов в направлении мирного урегулирования. Этому способствовали и его личные усилия, и деятельность руководимой им Исследовательской группы.

Сам Крайский, хотя и рассматривал мирный договор между Египтом и Израилем как очевидный прорыв в урегулировании ближневосточного конфликта, видел в этом соглашении лишь первый шаг в необходимом направлении. Утвердившись в мысли о необходимости решения палестинской проблемы, он, как и в прошлые годы, сделал упор на личные контакты с теми, от кого зависел конечный результат. Важнейшим партнёром Крайского должен был стать Я. Арафат. При этом вице-президент Социнтерна вполне отдавал себе отчёт в том, что в идейном отношении лидер ООП весьма далёк от социал-демократических представлений, являясь выразителем интересов палестинской буржуазии. Однако эти интересы во многом совпадали с той позицией, которую занимали относительно конфликта в регионе сам Крайский и многие его коллеги по Социнтерну, и прежде всего его старый друг В. Брандт. Именно этим обстоятельством можно в первую очередь объяснить то, что Крайский вместе с

Брандтом встретился 7-8 июля 1979 г. в Вене с Я. Арафатом. Причём в отличие от «встречи четырёх» (Крайский, Брандт, Садат, Перес), сторонам удалось зафиксировать в совместном заявлении ряд позиций, представлявших её участникам ключевыми. Прежде всего, палестинский вопрос был объявлен «центральной проблемой» ближневосточного конфликта и от её урегулирования зависели, так полагала тройка, перспективы дальнейшего умиротворения. Из заявления также следовало, что именно ООП является законным представителем палестинского народа, а его лидер, Арафат, партнёром на всех переговорах.

Крайский понимал, что Запад должен искать собственные подходы к тем политическим течениям арабского мира, которые традиционно ориентировались на СССР. В данном случае речь шла об ООП, руководство которой во главе с Арафатом представлялось ему умеренным крылом палестинцев. Он видел, что после Кэмп-Дэвида именно позиция ООП во многом будет определять ход ближневосточных событий. Эту организацию и её лидера надо принимать всерьёз. И если в середине 1970-х гг. он не был готов поставить перед своей партией и правительством Австрии вопрос об учреждении в Вене представительства ООП, то после Кэмп-Дэвида и особенно после приёма в столице Австрии Я. Арафата потребность в таком шаге стала очевидной. В марте 1980 г. Австрия стала первой среди стран Западной Европы, признавшей ООП и предоставившей ей возможность создать в Вене своё бюро.

Не форсируя вопрос о вступлении ООП в Социнтерн, Крайский тем не менее полагал, что роль наблюдателя при социал-демократическом форуме эта организация должна получить. После долгих дискуссий в рядах СИ, прежде всего с представителями Партии труда Израиля, Крайскому и другим сторонникам налаживания тесных контактов с ООП удалось добиться приглашения представителя палестинцев И. Сартауи на XVI конгресс СИ. Его убийство в гостинице, где проходил конгресс, глубоко потрясло Крайского. Он отчётливо осознавал, что террористы выполняют волю тех экстремистских сил арабского мира, кто не заинтересован в стабильном и прочном мире на Ближнем Востоке. Объектом их террора мог быть и сам Край-

ский: угрозы в его адрес звучали постоянно. Крайского потрясла трагическая гибель А. Садата, политика, ставшего ему в последние годы постоянным партнёром, а в ряде вопросов и единомышленником. Крайский был просто подавлен, узнав о трагедии, произошедшей во время военного парада в Каире в октябре 1981 г.

Начало 1980-х гг. не вызвало у Крайского особого оптимизма по поводу темпов решения ближневосточного конфликта. Неуступчивость правительства Бегина по палестинской проблеме не была неожиданностью для канцлера. Прискорбнее было то, что в этом вопросе практически совпадали позиции блока «Ликуд» и руководства Партии труда. С другой стороны, в Израиле постепенно набирало силу движение «Мир – сегодня», да и вторая социал-демократическая партия этой страны – Объединённая рабочая партия – готова была признать ближневосточные реалии, сесть за стол переговоров с теми, кто не отказывал Израилу в праве на существование. Известные подвиги намечались и в арабском мире, о чём, в частности, свидетельствовал «план Фахда».

Определённый прогресс отмечал Крайский и в позиции Запада. Если «план Рейгана», обнародованный осенью 1982 г., предлагал для палестинцев лишь ограниченную автономию (хотя и это, по Крайскому, было явным прогрессом), то совместная инициатива лидеров стран Общего рынка – Шмидта, Жискара д'Эстена и Каррингтона пошла дальше. Руководители Запада готовы были признать право палестинцев на государственность. По мнению Крайского, задача состояла в том, чтобы сбалансировать позицию США и ЕЭС, сделать её достаточно гибкой для привлечения к переговорному процессу как палестинцев, так и израильтян. По его мнению, это тем более необходимо, ибо арабские страны, приняв в конце 1982 г. Декларацию Феса, нашли наконец-то собственное решение палестинской проблемы, единодушно высказавшись за создание независимого палестинского государства. Крайский считал, что общий знаменатель между предложениями Запада, с одной стороны, и арабских государств – с другой, может быть найден. «Позиции, на основе которых можно было бы вести переговоры, лежат где-то посе-

редине», – отмечал он в интервью «Форвертс» (октябрь 1982 г.).

Крайский считал, что он уже выполнил собственную миссию, сделав посредством личных контактов все заинтересованные стороны более информированными и толерантными в вопросах ближневосточного круга урегулирования. Однако только после трагических событий, связанных с вторжением израильской армии в Южный Ливан в июне 1982 г. и последовавшей за этим осадой Бейрута, он принял окончательное решение лично не участвовать в процессе урегулирования ближневосточного конфликта. Вот как он аргументировал это решение в статье в еженедельнике «Штерн», написанной по свежим следам ливанской трагедии:

«Я отказываюсь в будущем играть роль посредника, к чему я так долго стремился, отказываюсь от наведения мостов между палестинцами и израильтянами. Ведь мои позиции уже не лежат где-то посередине. Я стал пристрастным, а именно: я на стороне преследуемых и угнетённых; это соответствует моим социалистическим убеждениям»¹³¹. И действительно, с кем мог искать Крайский сбалансированный подход после бейрутской трагедии? С Бегиним, правительство которого он охарактеризовал как «полуфашистское»? С Партией труда, которая, по существу, поддержала эту операцию, хотя буквально накануне вторжения клялась устами своего лидера Ш. Переса, что не согласна с широкомасштабной акцией в Ливане. Кстати, именно Крайский поднял вскоре после этих событий вопрос об исключении Партии труда Израиля из Социалистического интернационала.

Однако Брандт и другие лидеры СИ считали этот шаг чрезмерным. С другой стороны, Социнтерн, по словам Крайского, «ещё не высказал своего мнения» об операции Израиля в Ливане. По его логике, «совершено ужаснейшее преступление, и тот, кто хранит при этом молчание, становится его соучастником». Крайский считал явно недостаточным заявление по поводу ливанских событий, сделанное Брандтом. Его настойчивые требования о выражении более серьёзного протеста от имени всего Социнтерна были отклонены на том основании, что для этого не было собрано необходимого кворума. В результате взаимоотно-

¹³¹ Kreisky B. Politik braucht Vision. Königstein, 1982. S. 211.

шения между Крайским и Брандтом обострились; канцлер Австрии отказался от руководства новой миссией СИ, которую возглавил лидер португальских социалистов Мариу Соареш. Но встречи возглавляемой им группы с различными политическими силами Ближнего Востока не дали каких-либо ощутимых результатов. Не так-то легко было найти замену Крайскому, чьи личные качества, прежде всего умение слушать партнёров и ненавязчиво объяснять им собственную позицию, сделали его в 1970-е гг. «великим коммуникатором» диалога на Ближнем Востоке.

Прошедшие после описываемых событий десятилетия свидетельствуют о значительных переменах как в содержательной стороне ближневосточного конфликта, так и в составе его участников. Можно утверждать, что после Крайского в рядах европейской социал-демократии не нашлось продолжателей миротворческого курса. На его родине – в Австрии – этот недостаток в какой-то мере компенсировала беспартийная Карин Кнайсель, занимавшая непродолжительное время пост главы МИД. Профессиональная ориентация как эксперта по Ближнему Востоку способствовала её соучастию в важном прорывном проекте последних лет – установлению дипломатических отношений между Израилем и рядом стран Персидского залива. Скорее всего, именно наработки времён Б. Крайского и его метод объективной оценки ситуации, поиска компромиссных решений сыграли здесь определённую позитивную роль.

4.5. Неспокойный мир начала XXI в. глазами женщины-дипломата*

Читать мемуары дипломата европейского масштаба всегда интересно и поучительно. В них присутствует не только авторское видение событий вчерашнего дня, но и оценки текущих дел, а также гипотетический взгляд на перспективы как Старого Света, так и мира в целом. Именно с этих позиций логично рассматривать книгу Б. Ферреро-Вальднер¹³², которая в течение

* Публикуется по тексту авторской рецензии «Размышляя о Европе и мире» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018ю №1. С. 276-279.

¹³² Ferrero Waldner, Benita. Benita. Wo ein Wille, da ein Weg. Erfahrungen einer

полутора десятилетий находилась в эпицентре континентальных и мировых проблем: и как австрийский дипломат (государственный секретарь МИД Австрии, министр иностранных дел), и как международный чиновник высокого ранга (шеф протокола при Генсеке ООН Б. Бутрос-Гали, председатель ОБСЕ (2000 г.)), комиссар ЕС по внешним связям и политике добрососедства (2004–2009 гг.); в 2009–2010 г. являлась комиссаром ЕС по вопросам торговли). Если добавить к этому, что на выборах президента Австрии в 2004 г. ей не хватило совсем немного голосов для победы над ставшим тогда президентом Хайнцем Фишером, то перед нами автор, в компетентности которого не может быть никаких сомнений.

Знакомясь с мемуарами, обращаешь внимание на особенности авторского стиля. С одной стороны, это подробный рассказ о перипетиях её жизненного пути, далеко не простой дипломатической и политической карьеры. С другой стороны, автор приобщает читателя к наиболее важным сюжетам международной политики конца XX – начала XXI в. Мы узнаём от первого лица о неоднозначной ситуации, в которую попала Австрия после того, как в 2000 г. ЕС ввёл против неё санкции. Это было связано с образованием в феврале того года «малой коалиции» Австрийской народной партии (АНП) и националистической Австрийской партии свободы (АПС), возглавлявшейся тогда неизвестным Йоргом Хайдером. В следующих главах книги читатели вместе с автором путешествуют по странам Средиземноморья и Ближнего Востока, узнают о её дипломатических контактах с лидерами Алжира, Египта, Ливии, Ирака.

Оценки Б. Ферреро-Вальднер относительно позиции Запада в целом и США в частности выглядят достаточно категорично. Она упрекает как американскую дипломатию, так и европейцев в поспешных действиях, приведших к устранению в Ливии и Ираке тогдашних лидеров этих стран М. Каддафи и С. Хуссейна. «Каддафи был диктатор, однако он контролировал страну и был готов к сотрудничеству с Западом»¹³⁴. Сегодня же, в послекаддафиевский период мы имеем в Ливии расколотовое, абсолют-

Europaerin und Kosmopolitin. Wien, Köln, Weimar: Bohlau Verlag, 2017. 420 S.

¹³⁴ Benita. Op. cit. S. 240.

но нестабильное государство, через которое десятки тысяч беженцев стремятся попасть в Европу, тем самым создавая ей серьёзнейшие и пока что малоразрешимые проблемы. Относительно С. Хуссейна автор считает, что его отстранение от власти можно было бы осуществить не через кровопролитие, а посредством его эмиграции в Россию, о чём велись тайные переговоры. Не до конца был использован и механизм ООН, особенно Совета Безопасности. Не на высоте оказался и ЕС, оказывавший недостаточное воздействие на американскую администрацию. В результате массированные бомбардировки Ирака привели не столько к решению проблемы, сколько к её продолжению в неясных до сего дня новых обстоятельствах. Во всяком случае, возникновение ИГИЛ¹³⁵ на обломках саддамовского Ирака нельзя считать простым совпадением.

Б. Ферреро-Вальднер полагает, что и поныне ближневосточный конфликт далёк от своего разрешения. Вина за это лежит как на американцах, ибо концепции Д. Трампа скорее конфронтационные, нежели миролюбивые, так и на европейцах. «Проблема заключается в том, что Европа не говорит на одном языке. Одни члены ЕС следуют в фарватере израильско-американской линии, другие вырабатывают особый арабо-европейский курс»¹³⁶. В целом же Ближнему Востоку нужны новые европейские инициативы. Надо чётко осознавать, что Ближний Восток – это прежде всего дело Европы, а отнюдь не США, границы которых весьма удалены от зоны конфликта.

Будучи европейским дипломатом, Б. Ферреро-Вальднер постоянно держит руку на пульсе политики Старого Света. Она с горечью констатирует, что в своём нынешнем виде Европейский союз не только не является образцом гармоничного объединения для других континентов, но и в самой Европе выглядит весьма неубедительно. Начиная с 2008 г., ЕС вступил на скользкий путь перманентных кризисов. И финансовый кризис, и последовавший экономический спад переросли в кризис доверия к политике и институтам ЕС. Европейцам угрожает и миграционный кризис, дополненный проблемой беженцев. Абсолютно неяс-

¹³⁵ Запрещено на территории России.

¹³⁶ Benita. Op cit. S. 180.

ны последствия брекзита, угрозы терроризма, натиск тоталитарных идеологий и абсолютная неопределённость трансатлантических взаимоотношений. Можно сказать, полагает автор, что нынешний ЕС занимает наиболее слабую позицию с момента своего основания. «Однако европейцы в одиночку не смогут изменить эту ситуацию»¹³⁷.

Разбирая по деталям положение дел, Б. Ферреро-Вальднер особо останавливается на проблеме брекзита. Его наиболее негативной стороной она считает не только разрыв традиционных связей между Великобританией и остальной Европой, но и появление «вируса выхода из ЕС», который может заразить те страны, которые в той или иной степени недовольны положением дел в Евросоюзе. И неслучайно в Нидерландах говорят о возможности «некзита», а во Франции – «фрекзита». Сегодня всё отдано на волю избирателей; очередные выборы и референдумы могут в корне изменить общеевропейскую ситуацию. Автор считает, что в переоценке нуждается традиционная ось «Берлин – Париж», а ныне всё громче о себе заявляют и другие страны ЕС – как южноевропейские, так и восточноевропейские члены Союза. Она полагает, что брекзит не принесёт Великобритании никакой выгоды, ни экономической, ни политической, а в перспективе и поставит под сомнение само существование Соединённого Королевства, которое может потерять Шотландию и Северную Ирландию. Центробежные тенденции могут перейти и на континент, о чём сигнализирует нам Каталония.

По мнению Б. Ферреро-Вальднер, сегодняшние лидеры ЕС ведут поиск выхода из кризисных ситуаций в правильном направлении. Очевидно, что без структурной реформы Евросоюза не обойтись, причём происходить она должна в направлении расширения схемы принятия решений – от центра на места. Члены ЕС должны взять на себя больше ответственности не только за тактические, определяемые конкретной ситуацией решения, но и за выработку общей стратегической линии Евросоюза. Автор полагает, что Союз должен превратиться в Федерацию европейских государств, в которой будут, безусловно, и страны-лидеры (не менее девяти более экономически и соци-

¹³⁷ Benita. Op cit. S. 323.

ально развитых государств), и те, кому следует помогать в достижении сходных экономико-политических результатов.

По её мнению, в перестройке нуждаются и европейские институты власти – Еврокомиссия и Европарламент. Последний, как это принято в большинстве демократических государств, должен состоять из верхней и нижней палат с определёнными функциями. Все члены Еврокомиссии, включая её президента, обязаны также проходить через процедуру выборов, ибо нынешняя система назначений даёт очевидные сбои – некоторые еврокомиссары не пользуются весомым авторитетом в своих странах. Автор твёрдо убеждена в том, что без наличия постоянных внешних союзников организации будет чрезвычайно сложно преодолеть очевидный для всех кризис. Рассчитывать на США при нынешней администрации Д. Трампа чрезвычайно сложно, прежде всего потому, что с её курсом не согласны другие ветви власти в самих Соединённых Штатах. Многие политики США сегодня, особенно будучи в оппозиции, отдают должное европейским ценностям. Что касается самого Д. Трампа, то на его протекционистскую и националистическую концепцию необходим «совместный европейский ответ»¹³⁸. Европейцам следует понять, что при всех общих интересах Запада им не стоит автоматически следовать курсу вашингтонской администрации.

По мнению Б. Ферреро-Вальднер, в борьбе с такими внешними агрессивными противниками как ИГИЛ «необходимо искать новые формы сотрудничества с Россией»¹³⁹. Это сотрудничество, безусловно, имеет свои особенности, так как у обеих сторон разные ценностные ориентиры, разные исторические предпосылки к поиску оптимальных путей преодоления опасных международных ситуаций. В этом автор убедилась во время своих встреч с В.В. Путиным. Первая состоялась в апреле 2000 г., когда Б. Ферреро-Вальднер занимала пост председателя ОБСЕ. Главной темой бесед была война в Чечне, и Путин был прежде всего озабочен вопросом сохранения целостности России и пресечением исламского терроризма. Б. Ферреро-Вальднер, признавая правомерность такой постановки вопроса, хоте-

¹³⁸ Benita. Op. cit. S. 331.

¹³⁹ Ibid.

ла бы видеть также большее внимание российской стороны к гуманитарной стороне конфликта, к защите прав человека, страдающего от вооружённого противоборства. Во время той встречи была поднята и важная проблема взаимоотношений Евросоюза и России. Путин считал, что в ближайшей перспективе надо дать шанс «развитию Европы до Урала», а в перспективе «создать общеконтинентальный рынок от Лиссабона до Владивостока»¹⁴⁰. Вообще в начале 2000-х гг. у ЕС складывались с Россией вполне благоприятные взаимоотношения. Это подтвердилось и во время визита Путина в Австрию в феврале 2001 г. по приглашению тогдашнего канцлера Вольфганга Шюсселя. Участником переговоров была и Б. Ферреро-Вальднер в качестве министра иностранных дел Австрии. Она отмечает, что непринуждённости переговоров безусловно способствовал отличный немецкий язык президента России. Во время той встречи была затронута доктрина общей экономической зоны ЕС и России. Говорили и о НАТО в Европе. Путин подчеркнул, что не сомневается в приверженности Австрии её нейтральному статусу. С другой стороны, он был явно не в восторге от включения в блок новых восточноевропейских государств, считая, что НАТО и без того полностью гарантирует свою безопасность.

Б. Ферреро-Вальднер полагает, что при всей своей личной симпатии к президенту России, она не могла согласиться с жёстким противостоянием русских планам ассоциации с ЕС бывших советских республик, прежде всего Украины. Однако она признаёт, что и со стороны Евросоюза не всё было идеально просчитано, а украинские политики вели себя во многих случаях весьма импульсивно, явно забегая далеко вперёд в своём стремлении войти в Евросоюз. Всё еще больше усложнилось в 2015 г., когда ЕС ввёл санкции против России за то, что автор называет «аннексией Крыма». И хотя она выступала в тот период с позиций «голубя», полагая, что диалог нельзя прекращать ни при каких обстоятельствах, большинство в руководстве ЕС придерживается более жёсткого курса в отношении России. В целом же автор считает, что после 2014 г. ошибки допускались обеими сторонами. Сегодня, полагает она, и Крым, и Абхазия,

¹⁴⁰ Benita. Op. cit. S. 247.

и Южная Осетия находятся в состоянии «замороженного конфликта». Без учёта этого обстоятельства выстраивать новые отношения с Россией будет чрезвычайно сложно. Россия считает всё бывшее советское пространство сферой своего влияния и вряд ли в обозримом будущем она откажется от этой доминанты своей внешней политики. Как и многие другие европейские дипломаты, Б. Ферреро-Вальднер сожалеет об отсутствии прогресса в деле реализации Минских соглашений, ибо без этого трудно говорить о восстановлении климата доверия между ЕС и Россией. Её вывод также неоригинален: «пошаговый отказ от санкций при позитивных мерах с российской стороны может привести к истинной разрядке»¹⁴¹. В качестве дорожной карты этого процесса автор видит отказ Украины от членства в НАТО, признание ей автономного статуса Донецкой и Луганской областей. Всё это будет способствовать разрядке в отношениях Украины и России, сделает возможной реализацию Минских соглашений.

Мемуары Б. Ферреро-Вальднер ещё раз подтверждают вполне тривиальную мысль о том, что оценивать международные дела с позиций реализма гораздо легче, чем добиваться успеха в этом деле, находясь на соответствующих государственных и международных постах. С другой стороны, вряд ли можно предъявлять претензии в неэффективности такой линии женщины-дипломату маленького нейтрального европейского государства, являвшейся скорее сподвижником, чем ключевым игроком на арене международных событий начала XXI в. Надо надеяться, что европейский читатель книги Б. Ферреро-Вальднер сделает один наиболее существенный вывод: дорога к благополучию непростая и неблизкая, но осилить её можно лишь шаг за шагом приближаясь к реально достижимому результату.

Эта рецензия была опубликована более пяти лет назад и многое сказанное о книге Б. Ферреро-Вальднер не выглядит актуальным. Релевантной же представляется миротворческая позиция видного европейского дипломата, те принципы, которые и в нынешней трагической для Европы ситуации могли бы дать хотя бы минимальный шанс на поиск невоенных форм защиты

¹⁴¹ Ibid. S. 255.

национальных интересов основных участников конфликта, в который, увы, оказались втянуты почти все современные акторы мировой политики.

ГЛАВА 5. СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Во введении я уже дал оценку личному восприятию достаточно противоречивых процессов на партийно-политическом пространстве России. Предлагаю читателю две ранее опубликованные главы из коллективных монографий серии «Старый Свет – новые времена» с небольшой авторской правкой. Отдаю себе отчёт о незавершенности процесса становления российской партийно-политической системы. Некоторые из моих прежних выводов нуждаются в уточнении или как минимум переформулировании. С другой стороны, научные исследования продолжающегося исторического процесса всегда предполагают такой алгоритм творчества автора.

5.1. Партии во властных структурах постсоветской России*

На исходе 80-х гг. XX в. в России обозначились перспективы эволюции общественно-политического развития от авторитарного к демократическому строю. Становление многопартийной системы на практически не освоенном пути неизбежно столкнулось с трудностями как объективного, так и субъективного свойства. Развитие этого противоречивого процесса даёт возможность оценить его первые результаты, а также обстоятельства различного рода, сопутствовавшие или же затруднявшие выход на новые рубежи политической истории России.

Политический плюрализм поздней перестройки

Переход от моно- к многопартийности как организационному выражению разномыслия в широких общественных кругах начался уже на последней фазе существования СССР. Именно тогда обнаружилось, что политический авангард, каким являлась

* По тексту: Глава 14. Эволюция партийно-политической системы // Россия в многообразии цивилизаций. М.: Весь мир, 2011. С. 342-351 (с авторскими сокращениями и дополнениями).

КПСС, оказался неспособным переварить тот вал проблем, который обрушился на Советский Союз в 1980-е гг. Кризисные явления во всех областях жизни советского общества, казавшиеся ещё недавно преуспевающим, исподволь подтачивали веру масс в руководящую роль КПСС, заставляя партию постоянно перестраиваться на марше. Смена трёх генсеков (с ноября 1982 г. по март 1985 г.) совпала с тремя основными тенденциями в тогдашнем партийном руководстве: реформаторско-силовой (Ю.В. Андропов), консервативно-охранительной (К.У. Черненко) и демократически-реформаторской (М.С. Горбачёв).

Появление Б. Ельцина на политической арене лишь чисто внешне казалось рождением героя-одиночки. На самом деле его борьба с консерваторами из Политбюро отражала недовольство широких слоёв коммунистов низшего и среднего звена всем тем, что получило название «застойные явления», которые отнюдь не исчезли в одночасье с приходом к власти «перестройщиков». С другой стороны, существование консервативной группировки Лигачёва – Полозкова также не было только проявлением персональных амбиций оппозиционной Горбачёву провинциальной номенклатуры.

Наряду с явной эрозией в рядах КПСС наметился ещё один пласт протопартийной деятельности. В крупных промышленных центрах России в рамках неформальных общественно-дискуссионных клубов всё более проявляла себя активность нечленов КПСС, прежде всего из рядов творческой и научно-технической интеллигенции. Именно они впервые поставили проблему формирования политических объединений западного типа: социал-демократических, либерально-консервативных, национально и религиозно ориентированных.

1989–1991 гг. стали периодом бурной партийно-политической активности. Новая система выборов в Верховный Совет СССР, а также выборы в высший законодательный орган РСФСР поставили на повестку дня возможность выдвижения кандидатов, не только не связанных с КПСС, но и в отдельных случаях, выступающих в качестве политических оппонентов курсу компартии. И межрегиональная депутатская группа Съезда народных депутатов СССР, и возникшая в процессе выборов

в Верховный Совет РСФСР организация «Демократическая Россия», в ряды которой влились многие выходцы из неформальных объединений, могли стать прототипом параллельной КПСС (в масштабе как России, так и СССР) мощной политической силы, способной конкурировать с ней в борьбе за власть.

В марте 1990 г. III Съезд народных депутатов СССР создал условия для легитимизации многопартийной системы, изменив редакцию ст. 6 Конституции СССР и упразднив тем самым политическую монополию КПСС на власть. Принципиальное значение имела и новая редакция ст. 51 Конституции, в которой декларировалось право советских граждан на создание партийных структур. В октябре того же года был принят закон «Об общественных объединениях», заложивший основы правового регулирования деятельности политических партий. Была зафиксирована возможность участия партий в деятельности органов законодательной и исполнительной власти. С 1 января 1991 г. закон вступил в силу, что дало толчок к формализации многопартийной системы.

Последний год существования СССР не привёл к становлению в России единой политической партии для тех, кто называл себя демократами. Уход из жизни в декабре 1989 г. А. Сахарова как морального лидера новых сил и фактический отказ Б. Ельцина от руководства «Демократической Россией» свели последнюю лишь к конгломерату всё более амбициозных лидеров мелких движений.

Б. Ельцин полагал, что пришёл к власти в России (вначале как председатель ВС РСФСР, а затем, после выборов 12 июня 1991 г., как президент РФ) в качестве некоего общенационального лидера, а не как представитель оппозировавших КПСС кругов. Характерно, что, объявив с трибуны XIX партконференции КПСС в июле 1990 г. о своём выходе из компартии, он мотивировал этот шаг не столько несогласием с курсом её руководства, сколько своими новыми надпартийными функциями в качестве председателя Верховного совета РСФСР.

Одним из своих первых указов (1 июля 1991 г.) президент РСФСР запретил любую политическую деятельность в учреждениях и на предприятиях. Таким образом, нарождавшееся пре-

жде всего в трудовых коллективах под маркой «Демократической России» объединение тех, кто готов был стать членами новой партии, было пресечено на корню.

Явно не способствовал укоренению в России многопартийности и такой силовой шаг Ельцина, как приостановка после путча ГКЧП в августе 1991 г. деятельности КПСС и последующее судебное разбирательство. Создавался прецедент для подобного рода действий против любых политических противников. Те, кто готов был на волне невиданной политической активности масс включиться в партстроительство, должны были задуматься над своей возможной судьбой. С другой стороны, в новых условиях президент РФ и его разношёрстное окружение в одночасье превратились в государственную элиту высшего ранга. Для такого превращения не понадобились ни партийная победа на выборах, ни даже активность партий, представленных отдельными деятелями из окружения Ельцина.

Сформированное осенью 1991 г. правительство Е.Т. Гайдара также состояло в своём большинстве не из партийных лидеров, а из чиновников, близких к президенту. В результате Россия вступила в 1992 г. (первый год её существования как независимого государства) со структурами законодательной и исполнительной власти, сформированными на излёте прежней общественно-политической и социально-экономической системы.

Хаотичная многопартийность 1990-х гг.

Экономические и политические потрясения России 1992–1993 гг. не создали в стране благодатной почвы для партийной деятельности. С одной стороны, многие депутаты Верховного Совета РФ стремились, используя своё должностное положение, вербовать сторонников прежде всего в тех округах, от которых были избраны. Создавались партии, в названии которых причудливо сочетались слова «демократия, социализм, народ» и обязательно – «Россия». Но партии эти, как вскоре стало ясно, были подобны карточным домикам, не выдерживая даже умеренного ветра политической борьбы. По существу же, аппарат этих т.н. партий состоял в основном из помощников депутатов, т.е. тех, кто, в свою очередь, сам рассчитывал в обозримом будущем занять «тёплое место» в системе законодательной власти с даль-

ним прицелом на карьеру в системе власти исполнительной.

Череди постоянных конфликтов Б. Ельцина и его окружения с всё более фрагментировавшимся Верховным Советом РФ, депутаты которого, несмотря на изначально заявленные, подчас полярные идейно-политические позиции, неуклонно сдвигались к жёстко оппозиционной борьбе с властью предрержащими, отдаляла и ослабляла процесс формирования в России нормальной по европейским меркам партийно-политической системы. Президент РФ всё очевиднее ощущал на себе враждебное отношение большинства представленных в ВС РФ партий. Это укрепляло у него стойкую неприязнь к партиям как таковым, к их участию во властных структурах России в центре и на местах.

Получив в апреле 1993 г. на референдуме поддержку большинства голосовавших, Ельцин окончательно уверовал в то, что парламент должен стать декоративным приложением к институтам исполнительной власти. В этом мнении президента и его окружение укрепляло то, что лагерь демократической ориентации, который в своё время поддерживал Ельцина, находился в плачевном состоянии: происходившие в нём «разборки» катастрофически подрывали престиж демократов в обществе. Ещё более существенный удар по этому престижу был нанесён экономическим хаосом начала 1990-х гг., который ассоциировался у значительной части прежнего ельцинского электората с понятием «демократы».

«Жаркая осень» 1993 г., завершившаяся разгоном и расстрелом Верховного Совета, стала существенным рубежом в процессе создания в России многопартийной системы. В течение нескольких месяцев власть провела выборы в новый парламент – Государственную Думу, наскоро составила и добилась принятия путём референдума, совпавшего по срокам с парламентскими выборами, новой Конституции России. Последняя явно умаляла роль органов законодательной власти, непомерно усиливая власть исполнительную, прежде всего президентскую.

Государственная Дума, ощущая свою изначальную неполноценность, уже в свою первую легислатуру 1993–1995 гг. попыталась, приняв Закон об общественных объединениях, как-то регламентировать деятельность участников политического процес-

са. Напомним, что в тексте Конституции 1993 г. субъекты российской политики были обозначены лишь контурно. В законе, вступившем в силу в мае 1995 г., было введено нормативное понятие «политическое общественное объединение», устанавливались параметры регистрации этих объединений, обозначались условия такой регистрации в качестве субъектов политической жизни. Определённые ограничения накладывались и на реальных участников политического процесса. Им запрещалось получать финансовую помощь из-за рубежа, хотя возможность участия в международных партийных объединениях не отрицалась.

Отметим, что упомянутый выше Закон никаким образом не регламентировал финансирование объединений внутри России. Это впоследствии создало немало проблем для деятельности целого ряда политических партий. В Законе также не было чётко зафиксировано различие между понятиями «политическое общественное объединение» и «политическая партия». Последнее обстоятельство способствовало переводу партийного строительства в русло чисто электорального, ограниченного очередными выборами, формирования персональных блоков с целью получения их лидерами заветных думских кресел. Блоки, а их число превышало количество партий, как правило, делали упор не на идейно-политическую сущность представляемого ими движения, а на личную популярность лидеров, которые профессионально подчас были далеки от политической сферы.

Выборы в Государственную Думу 1993, 1995 и 1999 гг. показали определённые, вполне осязаемые тенденции электорального поведения избирателей. Часть из них, порядка 20-25%, твёрдо стояла на позициях поддержки КПРФ, которая представлялась им не только защитницей явно ущемлявшихся властью экономических и социальных прав малоимущих слоёв населения, но и наследницей КПСС, с которой связывались надежды на частичную реанимацию советской союзной системы.

Резкий электоральный рывок ЛДПР на выборах 1993 г. (22,9%) сменился ощутимым спадом поддержки партии В.В. Жириновского в 1995 (11,2%) и 1999 (6%) гг. Являясь вначале выразителем запроса части электората на национал-патриотизм, она, по мере оформления других политических защитников по-

добных позиций, вынуждена была потесниться. В целом партии подобного толка набирали порядка 20% голосов избирателей. С учётом электората некоторых малых «антиельцинских» партий протестный, прокоммунистический и национал-патриотический избирательный корпус составил на выборах 1990-х гг. не менее половины всех избирателей.

В сложившихся условиях власть, понимая, что партии не только играют особую роль на парламентских, региональных и местных выборах, но и во многом определяют предпочтения избирателей на выборах президента, попыталась создать российский вариант «партии власти». Поскольку сам Ельцин поставил себя изначально над партиями, её лидером должен был стать кто-либо из его ближайшего окружения. Однако ни С.А. Филатову, ни А.Н. Яковлеву не удалось сформировать такую структуру между выборами 1993 и 1995 гг. Не удалось создать партию поддержки президентского курса, именующую себя левой, и председателю Государственной Думы И.П. Рыбкину. Более надёжным с точки зрения электоральной перспективы выглядело выдвижение на роль лидера «партии власти» премьер-министра В.С. Черномырдина. Но и созданная им партия «Наш дом – Россия» получила в 1995 г. всего лишь 10% голосов, а на следующих выборах 1999 г. даже не преодолела 5%-ный барьер – условие для попадания в Думу.

Удручающая картина сложилась в это время в стане тех, кого можно было условно отнести к лагерю «критически солидарных» с властью. Опиравшиеся на поддержку части сформировавшегося российского олигархата и сохранившие верность принципам демократии и рыночной экономики такие деятели, как Е.Т. Гайдар, Г.А. Явлинский, И.М. Хакамада, Б.Е. Немцов, С.М. Шахрай и др., не смогли найти взаимоприемлемую, консенсусную основу для формирования единой партии. Это во многом объяснялось не только их ориентацией на различные электоральные прослойки, главным образом в крупных промышленных центрах, но и непомерными личными амбициями, стремлением оттеснить от руководящих функций в будущей партии своих соратников-соперников из идейно родственной политической силы.

Поиск нового варианта «партии власти» был связан с неизбежной подготовкой к смене высшего должностного лица. Первоначально на этот пост предполагался Е. Примаков как наиболее приемлемая по своим взглядам фигура не только для московской и Санкт-Петербургской элит, но и для части провинциального истеблишмента. Под будущего президента был создан блок «Отечество – вся Россия» (ОВР). Однако ближайшее окружение Ельцина и он сам полагали, что бывший премьер-министр не будет в новом качестве лоялен президенту и его семье.

С подачи людей, близких президенту, прежде всего из Санкт-Петербургского окружения, последним председателем правительства «ельцинской эры» был назначен В.В. Путин, ставший в первые месяцы 2000 г. и.о. президента РФ. Электоральную поддержку ему должен был оказать блок «Единство», делавший упор на успешность проведённой Путиным антитеррористической операции в Чечне и на некоторые меры по преодолению последствий дефолта августа 1998 г. Результаты выборов 19 декабря 1999 г. выявили новую электоральную тенденцию. Избиратель активно (23,3%) поддержал новичка – «Единство», причём во многом этот результат был достигнут за счёт эффективного вхождения во власть В.В. Путина. Менее впечатляюще выглядел другой претендент на роль «партии власти» – примаковско-лужковское «Отечество – вся Россия» (13,3%). На позициях, близких к 25%, осталась КПРФ. Невнятно выглядели результаты «Яблока» (около 6%) и «Союза правых сил» (8,5%) (СПС).

Хаотичная многопартийность 1990-х гг. воспринималась значительной частью политической элиты России как следствие множества нерешённых проблем. Тем самым новый президент России и его ближайшее окружение объективно были поставлены перед необходимостью решить вопрос адекватности всей системы законодательно-исполнительной власти, в т.ч. определения роли и места российского партийного сообщества.

Партии в пирамиде власти начала XXI в.

На первый взгляд могло показаться, что 8-летний срок пребывания В.В. Путина на посту президента привёл к радикальным переменам в партийно-политической системе России. На

самом деле новый глава высшей исполнительной власти лишь придал ускорение тем тенденциям, которые начали формироваться при его предшественнике. Неустойчивость внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации 1990-х гг. при невнятном и склонном к колебаниям внешнеполитическом курсе тормозила и без того вялотекущий характер партийного строительства в России. Известная стабилизация её хозяйственного развития в «эру Путина», улучшившая социально экономическое положение зажиточной части населения, определённым образом облегчившая жизнь среднего класса и сохранившая «порог выживаемости» для малообеспеченных категорий граждан России, как и некоторые другие обстоятельства, позволили власти реформировать политическую систему без особых помех со стороны оппозиции разного толка.

Складывавшаяся при Б. Ельцине пирамида власти, которую венчал сам президент, реализуемая его администрацией и правительством при запрограммированном в большинстве случаев согласии законодательного органа, была в «эру Путина» «отточена» до предела. Тщательный подбор руководящих кадров, опиравшийся на полузабытое с брежневских времён землячество, на личные дружеские связи, профессиональную корпоративность с добавлением возникших после России 1991 г. олигархических скреп, позволил предельно усовершенствовать властную вертикаль.

Партийная составляющая, прежде всего в думском исполнении, не могла в первый срок полномочий Путина стать помехой его новациям. Во второе же четырёхлетие она постепенно превратилась, хотя и не в главную, но всё же существенную опору исполнительной власти.

При Ельцине партии делились на те, которые поддерживали власть либо частично солидаризировались с ней, и те, которые составляли реальную оппозицию. Последующие же годы характеризовались безусловной гегемонией сподвижников режима, сопровождаемых «оппозицией её величества». Роль последней послушно выполняла КПРФ, которая, дорожа благосклонностью власти, не решалась всерьёз вынести её критику за пределы здания на Охотном ряду. ЛДПР усилиями её лидера за-

няла апробированную в 1990-е гг. демократами позицию «критической солидарности» с властью. Пропрезидентское большинство было представлено, прежде всего, «Единой Россией» (ЕР), включившей в себя канувшие в лету «Единство» и ОВР.

Что касается таких критиков власти, как СПС и «Яблоко», то выборы 1999, 2003 и 2007 гг. показали стабильное снижение их влияния в электоральном корпусе России. СПС, ранее опиравшийся на средний класс с небольшим добавлением части олигархата, постепенно утрачивал доверие последних, которые (особенно предприниматели в центре и на местах) предпочли иметь дело с новой «партией власти». Постоянные колебания «Яблока» между интересами интеллигенции «в стоптанных ботинках» и состоятельным бизнес-сообществом также не способствовали сохранению им хотя бы части влияния на потенциально оппозиционные слои населения. Тема правозащиты как традиционный конёк «яблочников», после окончания военных действий в Чечне в глазах избирателей постепенно утрачивала свою актуальность.

Кроме того, власть умело «отщипывала» от СПС и «Яблока» тех, кто готов был сотрудничать с правящим режимом. Венцом этих усилий стало формирование, правда, уже при президенте Д.А. Медведеве, ручной партии «Правое дело», где главную роль получили конформисты из почившего в бозе СПС. Выборы в Государственную Думу 2003–2007 гг., при всех сомнениях в абсолютной точности подсчёта голосов, показали, что в условиях стабилизации социально-экономического внутри и внешнеполитического положения избиратель предпочёл отдать голос тем, кто находился у власти или был ею поддержан. Широко растиражированная солидарность президента Путина с «Единой Россией», заявлявшей о себе как о партии эффективных управленцев, в сочетании с её практически полной идентификацией с властью на местах, позволила «единороссам» получить в Государственной думе вначале относительное, а затем и абсолютное большинство.

Родившийся в недрах президентской администрации проект создания партии – дублёра ЕР был успешно реализован в виде «Справедливой России», во главе которой встал лояльный пре-

зиденту представитель клана петербургских политиков председатель Совета Федерации С.М. Миронов. Ряды «Справедливой России» пополнили бывшие национал-патриоты из «Родины», экс-коммунисты из «Партии пенсионеров» и собственно мироновцы из невятно ориентированной «Партии жизни». Возникший таким образом гибрид стал претендовать на роль российского варианта социал-демократии. В этом ему была оказана поддержка Социнтерном и некоторыми европейскими реформистскими кругами.

Сомнительные с точки зрения приверженности власти кандидаты и даже целые партии были поставлены в неравные условия при организации предвыборных митингов и шествий, а в ряде случаев даже отстранялись от электорального процесса. Суды любого уровня в абсолютном большинстве случаев выносили решения не в их пользу.

5.2. Законодательная база партийной системы нового века*

Ограничительная и даже запретительная практика в отношении партий, не присягнувших на лояльность власти, опиралась на принятый в 2002 г. Государственной думой и впоследствии неоднократно корректировавшийся Закон о политических партиях. Вопреки демократическим нормам этот документ фиксировал минимальную численность партии (в середине второго 10-летия XXI в. она составляла 45 тыс. членов), а также необходимость наличия низовых парторганизаций более чем в половине субъектов РФ. Пристрастные проверки соответствия этим критериям позволили власти констатировать юридическую нелегитимность тех, кто хотя бы потенциально мог составить конкуренцию благонадёжным участникам политического процесса.

Под предлогом борьбы с сепаратизмом Закон о политических партиях исключал возможность создания региональных партий, которые теоретически могли бы составить конкуренцию федеральным партиям в органах местной власти. Вопреки общепринятой политической практике партии не могли созда-

* Опубликовано: В.Я. Швейцер. Гл. 26. Трансформация партийно-политических систем Европы, раздел «Партии, выборы и власть на постсоветском пространстве» // «Большая Европа. Идеи, реальность, перспектива». М.: «Весь мир», 2014. С. 558-561 (с сокращениями и дополнениями).

ваться на конфессиональных либо профессиональных основах. Не разрешалась партийная деятельность на производстве и по месту учёбы.

Президентские выборы 2008 г., приведшие к появлению в российской иерархии двух фактически равнозначных по властным полномочиям фигур – В.В. Путина и Д.А. Медведева, позволили несколько ослабить жёсткие рамки «суперпрезидентской республики». Если президент, в данном случае Д.А. Медведев, несмотря на формально звучащие предложения со стороны «Единой России», сохранял имидж внепартийного человека, то В.В. Путин взял на вооружение вариант «полупартийности». Он согласился стать председателем ЕР, не становясь при этом членом партии. Эта не имеющая аналога в политической практике ситуация объясняется как желанием иметь политическую поддержку для возможного возвращения на высший государственный пост, так и опасениями идентифицировать себя с партией, функционеры которой, прежде всего на региональном и местном уровнях, могут стать фигурантами громких коррупционных скандалов.

Таким образом, налицо была своеобразная политико-управленческая декоративность. Полностью отмежеваться от партийно-политической системы власть не хотела, ибо рассчитывала, что лояльные ей партии в случае резкого ухудшения социально-экономической обстановки станут страховочной «подушкой безопасности», направляющей недовольство масс в русло парламентской активности «избранников народа». Эта стратегия могла, по мнению властей, сработать не только в центре, но и в регионах, где ответ перед населением будут держать местные лидеры «партии власти». Для придания видимости участия партий в формировании власти на местах теперь им позволено, при победе на местных выборах, предлагать президенту кандидатов на губернаторские кресла.

Рассматривая возможные сценарии реакции «партии власти» на стихийное недовольство низов, нельзя было сбрасывать со счётов и вариант не просчитанного тогда руководством дробления «Единой России» и «Справедливой России» на более мелкие политические образования. Олигархический триумvirат –

государственные чиновники, хозяйственники (как частного, так и государственного сектора) и силовики – вряд ли смог в критической ситуации полностью согласовать свои позиции. На крутых поворотах кризиса вероятно выпадение из эшелонов власти тех или иных сегодняшних единомышленников, которые попытались предложить населению России собственные пути выхода из кризисной ситуации. Однако такое развитие могло бы вызвать крах так тщательно выстроенной вертикали власти. Поэтому политическая элита постаралась найти компромиссное решение, реформирующее эту вертикаль.

Выборы в органы власти различных уровней, прошедшие во втором десятилетии XXI в. в Российской Федерации и в ряде бывших советских республик, показали как сходство, так и различие не только по итогам, но и по ситуации, сложившейся до и после них.

При всех недостатках, имевших место на выборах в Госдуму России, их результаты подтвердили лидерство, хотя уже и не столь очевидное, партии «Единая Россия». Тем не менее на повестке дня по-прежнему стояла задача реформирования политической системы России с целью её демократизации.

Прослеживалась необходимость переформулирования, а в ряде случаев и пересмотра важных положений Конституции РФ и Закона о политических партиях. Без этих новаций трудно было говорить о существовании в России реальной партийно-политической системы. Главным критерием последней, и об этом свидетельствовал опыт Европы, является полная интеграция партий в структуру законодательной и исполнительной власти. Именно политические партии, выражающие интересы различных слоёв и групп населения, а не «вертикали власти», являются несущими опорами демократического строя.

Текст нынешней Конституции в разделах, посвящённых формированию органов законодательной и исполнительной власти, содержал ряд противоречий. Так, из ст. 3 (п. 2 и 3) вытекало, что результаты референдумов и свободных выборов являются «выражением власти народа». Органы государственной власти и органы местного самоуправления формируются по итогам свободных выборов. Правда, в таком случае непонятно, почему

президент, избранный волей народа, лишь согласует с Государственной думой (см. ст. 83а), также избранной всенародным голосованием, кандидатуру председателя Правительства РФ. Выходит, что голос, отданный президенту, имеет больший вес, чем голоса за народных избранников. Однако в тексте Конституции нет указаний на приоритетность президентских выборов.

То обстоятельство, что президент является гарантом Конституции, определяет основные направления внутренней и внешней политики, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, делает его лишь первым среди равных в властной иерархии. Это вытекает и из ст. 11 (п. 1), где в одной строке обозначены и президент, и Федеральное собрание, и правительство РФ, и судебная власть.

Возможные вариации законотворчества

В связи с изложенным была логична формулировка: «Президент РФ назначает председателя правительства РФ, опираясь на итоги выборов в Госдуму РФ». Данное положение не следует понимать таким образом, что президент обязан отдать мандат на формирование правительства лидеру победившей партии. Подобный вариант возможен лишь в том случае, если соответствующая партия получает более 50% голосов. Опыт многих стран показывает, что редко какая-либо партия обладает абсолютным большинством. В этом случае президент, как гарант функционирования ветвей власти, имеет право, после соответствующих консультаций с лидерами основных парламентских фракций, назначить премьером лидера той партии, которая сможет сформировать коалицию с устойчивым большинством в Госдуме.

Ключевым элементом партийно-политической системы России является сама партия. В Закон о политических партиях было внесено достаточно существенных поправок. Можно согласиться с цифрой в 500 членов политической партии, необходимых для её регистрации. Однако регистрация – не самоцель для политического образования. Поэтому целесообразно было установить численный критерий членства для партий, желающих участвовать в парламентских выборах. Здесь, думается, планка могла быть повышена до 10 тыс. членов, исходя при этом из ок-

руглённой цифры в 100 млн граждан России, имеющих право голоса. Что касается выборов в региональные и местные органы власти, то здесь можно было сохранить планку в 500 человек. Для тех же, кто хочет выступать от имени региональных движений или местных инициативных групп, фиксировалась планка в 100 человек для их регистрации. Нельзя, однако, было исключить наличие корыстных мотивов у тех, кто стремился провести в различные органы власти своих представителей. Поэтому следовало тщательно продумать механизм противодействия различного рода фальсификациям. В Уголовный кодекс логично было внесение статей, карающих за подкуп с целью стимулирования к вступлению в партию. Сам процесс регистрации членов партии для её участия в выборах должен быть индивидуальным, по месту жительства и при предъявлении не только членского билета партии, но и паспорта. В этом случае можно было избежать «многочленства» в партиях.

Закон о политических партиях необходимо было освободить от многих абсурдных по своей сути ограничений. Например, практически нигде нет запрета на партийную деятельность на производстве, в учебных и общеобразовательных учреждениях. С другой стороны, вполне оправдана позиция, зафиксированная в ст. 13 (п. 5) Конституции Российской Федерации, где указаны ограничения на создание партий, проповедующих «насильственное изменение основ конституционного строя», «нарушение целостности Российской Федерации», «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Однако Закон о политических партиях в его нынешней редакции по существу искажает данное положение, ибо в этом документе запрещено создание партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности. Если бы в современной Европе власти руководствовались подобной доминантой, то там не осталось бы аграрных или рабочих партий, партий, представляющих интересы национальных меньшинств, а также конфессионально ориентированных партий. Между тем партии подобного рода распространены повсеместно и не угрожают основам конституционного строя соответствующих государств.

Противоречивые тенденции

В целом формирование партийно-политической системы в России должно идти по пути творческого, а не догматического использования европейского опыта, с учётом той реальной ситуации, в которой находится наша страна в начале третьего десятилетия XXI в.

Выборы в парламенты России и некоторых бывших советских республик дают основание вновь высказать суждения о возможности перехода от авторитарной власти к мозаичной демократической альтернативе. Хотя тридцать с небольшим лет – срок по историческим меркам ничтожный, тем не менее он позволяет сделать предварительные выводы.

С одной стороны, прогресс в направлении той формы демократии, которая утвердилась на европейском пространстве, очевиден. Система назначений сверху донизу сменилась частичным переходом к избирательным механизмам, пусть далеко не отлаженным. С другой стороны, борьба нового со старым не близка к завершению, поскольку постоянно предпринимаются попытки вписать в новые демократические формы власти старое, лишь несколько обновлённое авторитарное содержание.

Этот внутренне противоречивый, а оттого и конфликтный сюжет постсоветской политической жизни вполне объективен, ибо люди, участвующие в этом процессе, в большинстве своём родились и сформировались в СССР.

Бытовавшие на исходе советской системы надежды на позитивный пример Запада не оправдались. К тому же и западные, казалось бы, отлаженные механизмы властной демократии работают с перебоями. В результате причудливая смесь советского менталитета и системы взглядов, созданной с помощью современных информационных технологий, даёт тот результат, который прослеживается при анализе итогов постсоветских парламентских выборов.

Вместе с тем бывшие советские граждане – это не абстрактный народ, а жители весьма различающихся этнических, лингвистических, а отчасти и конфессиональных зон. Украина исторически делится на Восточную, Западную, Центральную части и совершенно особый Юго-Восток. Грузию представляют стра-

ной одного народа лишь те, кто знает о ней понаслышке. На самом деле понятие «грузин» характеризует скорее гражданство, чем этнос. Этнически значительно компактнее армяне. Однако бóльшая их часть проживает вне пределов Республики Армения. Белоруссия как государственное образование сложилась в советское время. Для неё характерно сложное переплетение православной и католической культур, ибо её западная часть исторически тесно связана с Литвой и Польшей. Особый случай бывшей Молдавской ССР, которая уже более 30 лет расколота на основную часть – Молдову, ориентированную на вхождение в Евросоюз, и Приднестровье, находящееся в зоне влияния России.

Политические круги ряда постсоветских стран пытаются внедрить в массовое сознание новый, этнически окрашенный, национально-государственный менталитет.

Соглашаясь с тем, что хаотичная многопартийность на постсоветском пространстве является отчасти следствием сложной истории соответствующих государств, что сегодня Запад даёт по ряду параметров образец, скорее, деградации, чем эволюционного развития партийной системы, отметим всё же главную (на взгляд автора) причину неразвитости партийного компонента в большинстве постсоветских стран. Она заключается в сугубо личных, прежде всего материальных, интересах политической элиты, интересах краткосрочных, без какой-либо осязаемой перспективы. Между тем партийная система может функционировать лишь в случае органического сочетания личных и общественных интересов, при максимальной прозрачности внутрипартийных процессов, визуально доступных не только для функционеров, но и для всех граждан.

ГЛАВА 6. ЛЮДИ И ВЛАСТЬ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭПОХ

6.1. Европейцы в России (Одиссея рода Маттерн)

Нарушая хронологическую последовательность излагаемого в книге материала, автор решил продолжить её главой, тематически относящейся к событиям начала XIX – середины XX вв. Конечно, она уступает описанному ранее, но и обойтись без неё также вряд ли целесообразно. В главе показано, основываясь на

документах из семейного архива, влияние важных исторических событий прошлого на судьбы предков автора и его жены Юлии. Событий не просто в жанре семейной хроники, но и связанных с ней поворотов истории дореволюционной России и её последующего советского периода.

От Мюлуза до Москвы*

В апреле 1916 г. в московских газетах появились материалы, связанные с 35-летием служебной деятельности известного мирового судьи, действительного статского советника Эмиля Эмильевича Маттерна. Эти статьи и заметки позволяют начать биографическое исследование далеко не ординарного московского рода, корни которого, впрочем, лежат много западнее нашей столицы, в Эльзасе. Напомним, что в течение веков эта область регулярно переходила из рук в руки то Франции, то Германии. И жители Эльзаса были, в зависимости от обстоятельств, то «онемеченными французами», то «офранцузенными немцами». Отметим, что даже фамилия героев нашего рассказа – Маттерн – произносится по-немецки с ударением на «а», а по-французски – с ударением на «е».

Вначале предоставим слово неизвестному нам автору биографии юбиляра некоему «В.В.», чей материал и открывает повествование. Он пишет: «Э.Э. Маттерн, москвич, но родился французским подданным, отец его (Э.Ф. Маттерн – В.Ш.) тоже москвич, но был родом из Эльзаса, тогда ещё составлявшего одно целое с Францией. Там, в Эльзасе, фамилия Маттерн очень популярна и по-сейчас (так в тексте – В.Ш.). В их роду был со стороны отца один Маттерн, которого церковь, при Константине Великом, причислила к лику святых, и который почитается патроном Эльзаса» (В.В.). Подтверждением этого может быть панно в Кафедральном соборе св. Михаила в Страсбурге, на ко-

* Материал с небольшой авторской правкой по: Швейцер В.Я. Западная христианская традиция в культуре и в повседневной жизни: лютеранская семья в истории России XIX–XX вв. (на примере семьи Маттерн) // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №3. С. 126-131. В отличие от стандартного для предыдущих глав постраничного указания источников, здесь научный аппарат располагается в конце главы, учитывая специфический характер материалов из семейного архива семьи Маттерн. Потекстовые ссылки на эти источники даются в скобках после соответствующих текстовых материалов.

тором изображён апостол Пётр, оживляющий посохом упомянутого Маттерна.

Из других источников, найденных в архиве семьи Маттерн, выяснилось, что родовым гнездом этих людей был город Мюльуз, который на некоторых картах обозначен на немецкий лад – Мюльхаузен. Здесь, скорее всего, познакомились, а позже, в начале XIX в., стали супругами Филипп Маттерн и Анна-Мария Файдельз.

Обстоятельства, при которых эльзасский род Маттерн-Файдельз попал в Россию, достаточно банальны. После прихода к власти Наполеона Бонапарта многие дворянские семьи Франции потянулись за рубеж. Тем более это касалось эльзасцев-лютеран, которые у новых властей вызывали раздражение и своей немецкостью, и евангелическим благочестием, и политической ориентацией на прежнюю королевскую ветвь Бурбонов. Для Маттернов по материнской линии было ещё одно отягчающее обстоятельство: Анна-Мария приходилась дальней родственницей знаменитому наполеоновскому маршалу Мортье, и родня явно не одобрила её брак с лютеранином Ф. Маттерном и их отъезд в Россию. Как пишет «В.В.», Анна-Мария родила свою дочь Юлию в конце 1812 г. в Москве, в подвале дома Варгиных, где пряталась от солдат, подчинявшихся Мортье, ставшего в месяцы нашествия наполеоновским губернатором Москвы, и там «разрешилась от бремени» (В.В.). Брат Юлии Эмиль Филиппович, родившийся в Москве в 1816 г., стал довольно известной фигурой в сообществе московских банкиров. Опять-таки, ссылаясь на В.В., отметим, что Э.Ф. Маттерн «принимал участие в большом банковском деле Ценкер и К. и много лет состоял гласным московской городской Думы». Но обрусению эльзасцев Маттернов препятствовало одно обстоятельство. Вплоть до 1870 г., когда после франко-прусской войны Эльзас был захвачен Германией, Маттерны, как говорилось ранее, считались французскими подданными. Это несколько осложняло их интеграцию в московскую духовную и коммерческую среду. Только после перехода в российское подданство и сам Э.Ф. Маттерн, и его четверо детей – Эмиль, Эдуард, Евгений и Георгий – стали полноправными россиянами, хотя и сохранили свою изначаль-

ную принадлежность к евангелическо-лютеранской конфессии. Их бабушка Анна-Мария сохранила своё французское подданство и скончалась в Москве в 1878 г. в возрасте 84 лет.

Светское и духовное

Документы из архива семьи Маттерн свидетельствуют о тесной связи Э.Ф. Маттерна и его супруги Елизаветы Егоровны (урождённой Штекер) с евангелическо-лютеранской общиной Москвы. Они, как и их дети, были усердными прихожанами церкви св. Петра и Павла в Старосадском переулке. К слову, непонятна позиция нынешней российской власти, почему-то не причисляющей протестантизм к традиционным религиям России. В качестве «традиционных религий» неформально, как правило, политики и общественные деятели причисляют православие, ислам, иудаизм, буддизм. На эти же религии сделан акцент в преамбуле Закона о свободе совести. У данной ветви христианства никак не меньше на это прав, чем, например, у буддистов. В 1878 г. супругам был торжественно вручён памятный адрес в связи с их серебряной свадьбой. В нём, в частности, было сказано: «Глубокоуважаемый дорогой друг и сотрудник! Церковный совет общины св. Петра и Павла передаёт Вам сердечные поздравления с юбилеем. Вы постоянно вносите большой вклад в работу общины, где все мы трудимся в обстановке совместной радости от нашего общего труда. Вы помогаете нам и словом, и делом, руководствуясь божественными идеями» (Поздравительный адрес 1878. 21 Juni. Silberhochzeitfeier). Другой документ, также поздравительный адрес, был связан с 25-летним юбилеем Э.Ф. Маттерна как члена церковного совета церкви св. Петра и Павла (1859–1884). Эта памятная дата была отмечена следующими словами: «Глубокоуважаемый господин! В день этого значительного события Вашей жизни мы сердечно приветствуем Вас как члена Совета старейшин церкви и его вице-председателя, отдающего все свои силы во благо деяний нашего Бога. Ваши пожертвования и прочая поддержка помогают многим бедным и страдающим обрести уверенность в жизни». Отметим, что Э.Ф. Маттерн был ещё членом благотворительного общества при московской городской больнице, о чём свидетельствует отчёт этого общества за 1888 г. (Письмо: 21). Он также был, как это

вытекает из соответствующих документов архива Маттернов, попечителем фабричного училища Цинделя, хлопотал за некоторых преподавателей этого общеобразовательного заведения.

Благотворительность и сострадание были характерной чертой всей семьи Маттерн. Об этом, в частности, свидетельствуют два документа, адресованных супруге Э.Ф. Маттерна Елизавете Егоровне. В первом из них – Свидетельстве о знаке Красного Креста – дословно сказано следующее: «Главное управление Общества попечения о раненых и больных воинах удостоверяет, что согласно постановлению от 10 июля 1879 г. Высочайше установленный 13 марта 1879 г. знак Красного Креста выдан Елизавете Егоровне Маттерн». Из других документов следует, что в госпиталях, которые опекала Е.Е. Маттерн, находились раненные солдаты и офицеры русско-турецкой войны 1877–1878 гг. О благотворительной деятельности Е.Е. Маттерн свидетельствует и письмо от председателя распорядительного комитета Общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детях. В нём Е.Е. Маттерн просят, как это было в «прошлые годы, помочь проведению общественного базара для бедных и сирот». Отмечается, что именно Е.Е. Маттерн была достойным организатором такого благодеяния (письмо от 31.01.1888). О благотворительности Э.Ф. Маттерна пишет в повести «Юность» Л.Н. Толстой. Великий писатель указывает на студенческую столовую, открытую Э.Ф., которую студенты любили иногда посещать. В другом месте повести он указывает на барона З., с которым его герой ходил «закусить к Матерну» (Толстой Л.Н. Сочинения. Ч. 1. М., 1880. С. 422, 432).

Другие документы и артефакты также свидетельствуют о видном месте, которое занимали супруги Маттерн в тогдашнем московском обществе. Сам Э.Ф. был почётным консулом Перу, купцом первой гильдии, вёл свои торговые дела не только в Москве, но и в Нижнем Новгороде, и, как уже говорилось, был гласным Московской Думы. Похороны Э.Ф. Маттерна в 1889 г. стали событием городского масштаба. В частности, в них принял участие тогдашний генерал-губернатор Москвы князь Долгоруков. Его визитка «Генерал-адъютант князь Долгоруков, член Государственного Совета, московский генерал-губернатор» так-

же имеется в семейном архиве.

Дом на Рождественском бульваре

Среди визиток, сохранившихся в архиве семьи Маттерн, обращает на себя внимание скромный квадрат картона «Сергей Владимирович Алексеев». Это своего рода символ интересов и профессиональных, и житейских, которые тесно связывали семью Маттерн с московской жизнью. Ведь С.В. Алексеев – один из видных московских купцов – был, как известно, отцом К.С. Станиславского (Алексеева). И знаком он был с семьёй Маттерн не только по купеческим интересам, но прежде всего в связи с участием сына Э.Ф. Маттерна – Эмиля – в театральной жизни Москвы.

Опять предоставим слово «В.В.», отмечавшего различные грани талантов семьи Маттерн. В своём очерке автор упоминает дом на Рождественском бульваре, 14, который с 60-х гг. XIX в. принадлежал Маттернам. Заметим, что вплоть до последнего времени вензель «ЭМ» венчал это сооружение. «В.В.» пишет об этом доме следующее: «В доме Маттернов на Рождественском бульваре был небольшой, но постоянный и прекрасно оборудованный театр с довольно большой сценой и зрительным залом. В своё время этот дом считался одним из самых популярных в Москве. В нём часто устраивались литературные вечера и концерты, потому что семья Маттерн охотно уступала свою сцену и зрительный зал для безвозмездного пользования благотворительным обществам разного рода. В силу этого семья Маттерн всегда поддерживала тесную связь с артистическим и художественным миром... Во время частных спектаклей в домашнем театре играла преимущественно молодёжь. Но это был не любительский дилетантизм, а искусство...» (В.В.).

В доме Маттернов имелась прекрасная библиотека, и её также могли использовать не только хозяева дома и их родственники, но и более широкий круг читателей. Дом на Рождественском бульваре являлся и своеобразной картинной галереей, всего коллекция насчитывала более 300 картин. Стены здесь были увешаны полотнами как известных российских и иностранных художников, так и начинающих живописцев. Семья Маттерн для поощрения последних покупала у них картины с единст-

венной целью – материально поддержать молодые дарования.

Неудивительно, что в обстановке человеколюбия, искренней благотворительности, поклонения искусству воспитывались и дети Маттернов. Религиозный дух лютеран-евангелистов, которым были пронизаны все поступки родителей, безусловно способствовал формированию у детей соответствующих жизненных принципов. Среди детей Э.Ф. Маттерна (все они, как и их родители, покоятся в семейном захоронении на Введенском (б. Немецком) кладбище) особую известность приобрёл уже упоминавшийся Эмиль Эмильевич Маттерн. Отметим, что его жизненный путь (1854–1938 гг.) связал две, казалось бы, несовместимые эпохи – закат имперской России и становление советского государства.

Карьера мирового судьи

Если открыть какие-либо справочники об известных москвичах начала XX в., то информация об Э.Э. Маттерне в основном будет касаться его деятельности как мирового судьи, через руки которого прошло множество, говоря современным языком, резонансных дел. Правда, на юридическую стезю Э.Э. Маттерн пришёл не сразу. Вначале он по собственной инициативе поступил на математическое отделение МГУ, но вскоре решил продолжить учёбу в Институте путей сообщения (рукопись 17). Учёбе помешала русско-турецкая война и призыв в качестве офицера-кавалериста на действительную воинскую службу. Однако уже в конце 1870-х гг. демобилизовался и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Получив диплом юриста, Э.Э. Маттерн вернулся в родную Москву и в течение 35 лет служил идеалом права в качестве мирового судьи. В 1881–1916 гг. он постоянно избирался на эту престижную в те времена должность и был последовательно мировым судьёй всех округов центра Москвы. По юридической стезе – правда, как адвокат – пошёл и другой сын Э.Ф. Маттерна, Евгений. Последний в начале XX в. даже попытался стать одним из лидеров московской организации Союза октябристов, но его политической карьере мешали явно антисемитские взгляды, абсолютно нехарактерные для других Маттернов («Голос Москвы», 1912 г.). Вплоть до революции октября 1917 г.

присяжным поверенным был и другой Маттерн – Эдуард.

В воспоминаниях современников отмечается, что Э.Э. Маттерн постоянно отстаивал интересы закона, не шёл ни на какие сделки с совестью. Среди московских юристов он первым обратил внимание на детскую преступность и выдвинул идею «ювенальных судов», которая была поддержана в городской Думе. Он также считал необходимым привлекать учащихся гимназий к обсуждению интересующих их проблем и получил в этом вопросе поддержку других мировых судей (Доклад №126 Мосгоруправы). Эмиль Эмильевич постоянно работал над вопросами народного просвещения, считал необходимым создание начальных школ для детей из, как бы сегодня сказали, неблагополучных семей. Маттерн руководствовался в своих поступках не только буквой закона и христианской моралью, но и простой человеческой добротой.

Вот показательный пример. В мае 1916 г. он обратился в Совет дома призрения им. братьев Боевых. Дома призрения были тогда главным инструментом в системе социального обеспечения. Маттерн ходатайствовал за «безземельных крестьян» супругов Петровых, которых необходимо было поместить в Дом призрения, ибо у них не было никаких средств для самостоятельного существования (Прошение Э.Э. Маттерна от 4 мая 1916 г.). Показательно, что именно простых крестьян он выбрал в качестве свидетелей составленного им духовного завещания. Из этого документа следовало, что мировой судья был далеко не бедным человеком – владельцем ряда домов на Краснопрудной улице (фамильный дом на Рождественском бульваре, о котором ранее шла речь, был продан в 1910 г., а на полученные средства братья Эмиль, Эдуард и Евгений смогли приобрести собственное жильё). Кстати, одной из сторон, указанных в завещании, была супруга Эмиля, Юлия Петровна Бирсгалс, происходившая из известного рода прибалтийских дворян (латышей). Завершая эту тему, отметим, что Э.Э. Маттерн пережил всех своих братьев, а Ю.П. Маттерн, прабабушка моей жены Юлии, умерла в 1942 г. Последней носительницей фамилии Маттерн была его дочь Елизавета Эмильевна, скончавшаяся в 1973 г.

В работе мирового судьи Э.Э. Маттерна была и ещё одна,

внешне малозаметная сторона профессиональной деятельности. К нему постоянно обращались актёры многих московских театров, а также художники с различными ходатайствами, касавшимися их профессиональной деятельности, имущественных споров с владельцами театров и картинных галерей. Во многих случаях Маттерну удавалось добиться от присяжных поверенных в судах Москвы решений в пользу служащих Мельпомены (рукопись биографии Э.Э. Маттерна).

В свете рампы двух эпох

Карьера Маттерна на поприще мирового судьи окончилась с упразднением этой юридической категории после Октябрьской революции 1917 г. Неизвестный автор в рукописной биографии Э.Э. так описывает этот значительный эпизод в жизни нашего героя: «Революционный переворот застал его в должности судьи Лубянского участка. Судьям, под давлением новых властей, пришлось прекратить свою работу» (рукописная запись 1918 г.). Однако неоспоримый авторитет Э.Э. Маттерна как кристально честного человека, борца за справедливость и милосердие дал ему своеобразный «карт-бланш» и у новых властей. Об этом вполне наглядно свидетельствует документ (удостоверение), выданный Э.Э. народным комиссариатом социального обеспечения 26 октября 1918 г. Из него следует, что Маттерн после революционных событий 1917 г. был назначен и.о. инспектора Ревизионно-Инспекторского управления по продовольственным делам, которому поручалось «произвести ревизию продовольственного дела в Отделе Социального Обеспечения г. Москвы, в детских домах и богадельнях, подведомственных НКСО» (РСФСР, НКСО, 26.X.1918 г.).

Молодая советская власть использовала и другое направление его бывшей профессиональной деятельности. В начале 1920-х гг. он по просьбе Моссовета стал одним из организаторов борьбы с детской беспризорностью, обращая особое внимание на содержание малолетних преступников в тюрьмах. Он требовал для них создания человеческих условий в камерах, обращал внимание на антисанитарию и категорически возражал против совмещения в одних камерах малолеток и матёрых уголовников, прекрасно представляя, к каким последствиям при-

ведёт это «сожитительство».

Неоспоримо и его активное участие в театральной жизни Москвы. Театр всегда был второй (а может быть и первой) любовью этого замечательного человека. В 1921 г. он был принят в профсоюз работников издательств, что в период гонения на всех «бывших», а действительный статский советник Э.Э. Маттерн таковым и являлся, было событием крайне редким. Причём в профбилете в графе «профессия» чётко указано «переводчик, драматург» (членский билет Э. Маттерна). Впоследствии он был принят и в Союз советских писателей (секция драматургов). В архиве Маттерна имеются его статьи, посвящённые, в частности, творчеству А.Н. Островского.

Однако вернёмся к истокам его увлечения театром. В 1916 г. в период торжеств в связи с 35-летием юридической деятельности он поделился с читателями ориентированного на культурную часть московской общественности журнала «Рампа и жизнь» (03.04.1916, №14. С. 5) следующими воспоминаниями: «Ещё студентом я начал увлекаться театром. В качестве любителя я выступал во многих спектаклях, устраиваемых в Благородном собрании, Славянском базаре и т.п. Увлечение театром помогло мне быстро завести знакомство со многими артистами Малого театра. Вскоре я начал переводить сначала одноактные, а затем и большие драматические произведения... Невзирая на то, что служба мирового судьи отнимала у меня массу времени... я, тем не менее, не бросал работать для театра, следя за всеми выдающимися произведениями Запада, продолжал делать для театра переводы... Всего я перевёл более 150 пьес А. Доде, М. Меттерлинка, Г. Гауптмана, Г. Ибсена, А. Дюма. Переведённые мною лично или в соавторстве пьесы шли как в Малом театре, так и во МХАТе» («Рампа и жизнь». 1916. №14. С. 5-6). Некоторые из указанных пьес до сих пор идут в ведущих театрах России. Отметим, что на обложке этого журнала с материалами о Маттерне был помещён и портрет Эмиля Эмильевича со словами «К 35-летию судебной, литературной и общественной деятельности». Говоря о Маттерне как о человеке, настоящем русском интеллигенте и большом знатоке театральной жизни, нельзя не привести стихи основателя цирковой династии Дуровых – Ана-

толия Леонидовича, которые он адресовал Маттерну, даря ему свою книгу «В жизни и на арене» (Воронеж, 1914, в 3-х частях). «В досуг минут моих свободных, я вник в тождественность идей. Всегда смирял я зло животных, а Вы смиряли зло людей». Весьма показателен и отзыв о Маттерне великого Станиславского (в 1928 г.), с которым он был близко знаком ещё с 80-х гг. XIX в.: «Я знаю Маттерна с самых юных лет, знаю как человека, который неустанно и разносторонне работал в течение всей своей жизни, продолжает работать и сейчас, несмотря на его преклонный возраст... Пьесы в его переводах, написанные всегда литературным языком, ставились на сцене “Общества искусства и литературы” и затем и на сцене МХАТ» (Советская культура).

Процитированные слова классика отечественного театра были включены в некролог в связи с кончиной Э.Э. Маттерна (16.09.1938 г.), последовавшей спустя полтора месяца после ухода из жизни самого К.С. Станиславского. От себя замечу, что для редакторов «Советской культуры» было весьма рискованно откликнуться некрологом такого содержания на смерть человека, не только никогда не состоявшего в партии большевиков, но и являвшегося представителем буржуазной и религиозной среды иностранного происхождения. Именно гуманизм и человеколюбие в сочетании с высоким профессионализмом были характерными чертами всех представителей рода Маттерн, чья деятельность на разных этапах непростой истории нашей Родины сделали их частью, и весьма достойной, исторического наследия России. История семьи Маттерн подтверждает важный вклад европейцев в экономику, культуру и общественную жизнь России.

6.2. Между царизмом и большевизмом

Стиль изложения последней главы монографии отличается от предыдущего материала чисто научного характера. Это связано как с особенностями ситуаций, описываемых на базе семейного архива автора, так и по чисто нарративным сюжетам предлагаемого материала. Близкие родственные отношения с людьми, жизнь которых соприкоснулась с событиями прошедшего XX в., позволяют рассматривать историю в мемуарном

стиле. Тем самым предоставляется возможность знакомить читателей с малоизвестными сторонами жизни важных фигур отечественной истории, относящимися к периоду от начала династии Романовых и вплоть до конца советской власти.

Казацкий род Черкасовских

12 октября 1941 г. мама позвонила с работы – она служила (как уже упоминалось) в одном из подразделений НКВД – НКГБ – и срочно велела бабушке собрать необходимые вещи для скорейшего отъезда в эвакуацию. Слухи о быстром наступлении немцев на Москву распространялись по городу уже в течение нескольких дней, однако никакого официального приказа властями издано не было. Много позже мама рассказала мне, что нарком Л.П. Берия, собрав руководство органов госбезопасности, рекомендовал подготовить семьи служивших в его ведомстве к эвакуации в удалённые от фронта районы СССР. Бабушка собрала на скорую руку свои и Игоря – мамино сына от первого брака – вещи, взяв с собой и сумочку с тем, что ей было дорого. Отнюдь не какие-нибудь фамильные драгоценности – у неё их никогда не было – а документы, связанные с её родом Черкасовских и её мужем морским офицером Михаилом Николаевичем Протопоповым, умершим в Новороссийске за 20 лет до описываемых событий. Паника, охватившая тогда Москву, сделала своё дело. В суматохе, связанной с посадкой в поезд, отходивший в г. Чкалов (Оренбург), бабушка свою сумочку потеряла. А в ней находились не просто важные семейные документы, а письменные источники, имевшие определённое значение, как минимум, для нашей семьи.

Мне, как историку, очень хотелось бы взглянуть на дарственную грамоту, полученную моим предком Григорием Черкасовским из рук царя Михаила Романова в возведении коего на престол он участвовал. К счастью, моя мама видела этот документ и смогла – уже в конце жизни – пересказать его содержание. Написано было примерно следующее:

«Сим дарствую Григорию из Черкасов деревни, что около Старой Рузы – Щапово, Шихово и Чепасово – за усердие во службе государевой во ипатьевском моем вхождении на престол, и жалую дворянство».

Порывшись в исторических произведениях, я узнал, что такие грамоты получили на поместном соборе в Ипатьевском монастыре делегаты из различных мест России, возведшие в 1613 г. династию Романовых на российский престол. Одним из них был и мой предок Григорий, представлявший запорожское казачество. Черкасы, по принятой тогда терминологии, были запорожскими казаками. Следовательно, и фамилия – Черкасовский – была производной от того социального слоя, к которому он принадлежал. Интересно, что я больше нигде эту фамилию не встречал. Гораздо более распространённой фамилия Черкасовский, но это уже от города Черкассы, который также находится по течению Днепра. Так что корни материнского рода – украинские, хотя тогда этнос имел второстепенное значение, ибо основным индикатором являлась религиозная конфессия, в данном случае – православная.

Возможно, что в утраченном в период эвакуации семейном архиве имелись бумаги, которые могли бы рассказать о том, что делали Черкасовские в последующие 200-250 лет. Могут лишь предположить, что дворянство, полученное от Михаила Романова, гарантировало определённое социальное положение. Во всяком случае, следующий из известных нам Черкасовских был врачом, работавшим и, скорее всего, жившим в начале XIX в. арбатском районе Москвы. Моя мама со слов бабушки говорила, что он одно время был домашним лекарем в доме А.И. Герцена. Узнав об этом я не поленился и разыскал в первом издании трудов Герцена (1925 г.) письмо, которое он послал своей жене в 1840 г.: «Опять заболел наш сын Саша. Постараюсь найти хороших лекарей-немцев, а то наш домашний лекарь Ч. ничего не понимает в детских болезнях». Речь идёт, скорее всего, о Д. Черкасовском, во врачебных способностях которого усомнился великий русский демократ.

С писателями свела судьба и сына «неудачливого педиатра» – Ивана Черкасовского, который успешно учился в элитной по тем временам первой московской гимназии (на Волхонке), о чём свидетельствует книга в старинном переплёте, коричневого цвета, подаренная ему начальством гимназии в 1854 г., занимающая почётное место в моей библиотеке. По окончании гимна-

зии он сдал экзамен и поступил на лекарское (медицинское) отделение Московского Университета, которое окончил в 1862 г. Диплом, как и книга сохранились среди прочих семейных документов.

По окончании университета Иван Черкасовский получил место врача в Старой Рузе и фактически переехал из Москвы в область. Там он свёл знакомство с учительницей сельской школы Авдотьей Беляковой. Жили они в Чепасово, где имели унаследованный от предков Ивана собственный дом. В нём, по-видимому, и родилась 4 июля 1872 г. моя бабушка, Надежда Ивановна. Вскоре её мать умерла, отец более не женился, зато сделал довольно успешную карьеру по административной линии.

К началу 80-х гг. XIX в. он был начальником медицинской части трёх уездов: Старой Рузы, Истры и Звенигорода. Работал много, за что и был в почёте у начальства, с которым у него сложились, как теперь говорят, неформальные отношения, основанные на общей страсти – охоте. Прадед был отличным охотником. Я держал в своих руках большую серебряную медаль 1871 г., которой он был награждён за охотничьи достижения. На ней был изображён медведь с дубиной в лапах. К сожалению, впоследствии эта семейная ценность была утеряна.

Однако вернёмся к врачебной деятельности И.Д. Черкасовского. В его дневнике – также, увы, утраченном в период паники осени 1941 г. – была весьма интересная запись, продолжающая тему «Черкасовские и писатели». Мама, читавшая тот дневник, почти дословно пересказала мне текст, написанный рукой прадеда в 1884 г.

«Кажется, теперь смогу пойти в отпуск и заняться любимой охотой. Наконец-то к нам в звенигородскую больницу прислали врача Ч. Говорят, он хороший литератор, но врач – никакой!». Вот такую критическую оценку дал мой прадед А.П. Чехову, который по окончании Университета был направлен в Звенигород. Скорее всего, мой прадед заблуждался, ибо в дальнейшем о медицинских качествах Чехова все говорили только самое лучшее.

И.Д. Черкасовский умер в конце 80-х гг. XIX в. во время одной из эпидемий, свирепствовавших тогда в России. Его мечтой

было устроить любимую дочь Надежду в петербургский Институт благородных Девиц. Однако к моменту окончания Первой Московской женской гимназии она осталась круглой сиротой. Никаких связей, способствовавших бы устройству дальнейшей жизни, у неё не было. Тем не менее Надежда твёрдо решила исполнить желание отца: собралась и поехала в Петербург, записавшись там на приём к попечительнице Института, супруге императора Александра III Марии Фёдоровне. Вместе с прошением о приёме Н.И. Черкасовская показала ей грамоту, полученную её предком Григорием в 1613 г. от Михаила Романова. Этот документ решил исход дела. Девица Черкасовская получила не только место в Институте, но и именную стипендию от императрицы, а также сумму в 3000 рублей, которая являлась приданным, дабы будущую невесту не рассматривали как второсортную. Замечу, что бабушка всегда почитала свою благодетельницу, ежегодно посылая ей поздравительные открытки ко дню Ангела, и императрица отвечала своей протееже. Более того, урождённая принцесса датская Дагмар подарила моей бабушке медальон со своим портретом, который она носила до конца своих дней.

Протопоповы: нюансы семейной жизни

Можно сказать, что императрица – к тому времени уже вдовствующая – косвенным образом поспособствовала браку моей бабушки с одиноким морским офицером Михаилом Николаевичем Протопоповым, известным специалистом по фортификации. На фото, которое имеется в семейном архиве, на его капитанском мундире виден значок выпускника Николаевского мореходного училища.

В конце XIX в. для девушек из Института благородных девиц устраивались балы, на которых они могли познакомиться с будущими спутниками жизни. На одном из таких балов Надежда и свела знакомство с Михаилом Протопоповым, имевшим собственный дом в Ораниенбауме. Будущий супруг был старше её на 14 лет и, по-видимому, тяготился одиночеством. Бабушка была миловидна и имела тогда достойную репутацию. Институт давал своим выпускницам общегуманитарное образование – хорошее знание языков, музыки и искусства, а также навыки

домоводства. Сразу замечу, что бабушка смогла заложить в своей дочери – моей маме – интерес к немецкому языку. Меня она также, уже в конце своей жизни, приобщила к его основам. Моего брата Игоря она попыталась усадить за фортепьяно; ничего путного из этого не вышло, так как у него попросту не было музыкального слуха. Ещё бабушка хорошо готовила, что потом полностью передалось моей маме.

Однако супружеская жизнь с Михаилом Николаевичем не задалась, чему виной был его непосредственный начальник – адмирал Макаров.

Здесь небольшое отступление. На поминках моей мамы в апреле 1993 г. её ближайшая подруга и коллега по работе в органах госбезопасности Е.Н. Акимушкина, отозвав меня в сторону, открыла мне «страшную тайну». Находясь вместе с бабушкой в эвакуации, она узнала от неё, что её дочь, на самом деле, дочь адмирала С.О. Макарова. Елена Николаевна полагала, что речь идёт о моей маме. Но адмирал, погибший 1904 г. на крейсере «Петропавловск», никак не мог стать отцом мамы, родившейся на 2 года позже. А бабушка не солгала – ведь у неё была ещё одна дочь, Валерия, родившаяся в 1896 г., когда дед служил вместе с Макаровым в Кронштадте. Сравнив фото тётки с портретом адмирала, я, к своему удивлению, действительно обнаружил большое сходство. Полагаю, что Михаил Николаевич каким-то образом узнал о роковой измене жены. Не исключено, что и в дальнейшем бабушка проявляла некоторую ветренность; у неё были поклонники, причём из разных сословий: и сосед по Старой Рузе – известный пианист Пасынков, и приказчик из Елисейевского магазина в Москве и многие другие.

Начало русско-японской войны ещё больше усложнило супружескую жизнь бабушки. Муж вместе со своим начальником адмиралом Макаровым отбыл на Тихоокеанский флот, а бабушка решила вернуться в Москву и снять комнаты в Большом Новопесковском переулке, у домовладельца Оборина.

Там и родилась в 1906 г. дочь Алла – моя мама. Её появление на свет всё же связано косвенно с адмиралом С.О. Макаровым, фактически спасшим жизнь капитану второго ранга Протопопову, послав его за несколько минут до подрыва на япон-

ской мины с заданием в другую часть корабля. Деда выбросило за борт, где его и подобрала морьяки «Петропавловска». Пролетав несколько месяцев с воспалением лёгких в госпитале, он был отправлен в Петербург. Получив отпуск, он навестил в Москве свою жену, и через положенные девять месяцев появилась на свет моя мама.

Однако рождение дочери не привязало Михаила к семье. Через некоторое время он вернулся на работу в Петербург, в военно-морское министерство, откуда и был переведён по достижении 55 лет на пенсию. С новой работой – управляющего гостиницей «Астория» – ему посодействовал двоюродный брат, министр внутренних дел А.И. Протопопов, которому благоволил Г.Е. Распутин. Дед регулярно высылал семье в Москву деньги, позволявшие как-то сводить концы с концами. Содействовали этому и проценты с тех самых трёх тысяч, которые Надежда Ивановна получила в своё время от императрицы. Эти деньги канули в Лету с Октябрьской революцией, упразднившей все вклады в банках царского периода.

Тогда бабушка вспомнила о том, что её муж (развод они не оформляли) как военспец получил при новой власти место замначальника Новороссийского порта. До этого он, примкнувший сразу после революции к большевикам, работал в военной цензуре молодой Красной Армии. О новой работе бывшего мужа она узнала от его сослуживца-морьяка, захавшего к бабушке проездом через Москву из Петрограда в Новороссийск. А поскольку в это время продовольственные карточки для семей военнослужущих Красной Армии хорошо обеспечивались, у бабушки возникла идея отправить свою дочь (в 14 лет!) через всю Россию к отцу для получения соответствующих документов. Поездка состоялась, хотя, встретив дочь Аллу в Новороссийске, дед в сердцах произнёс: «Я всегда знал, что твоя мать дура, но чтоб до такой степени...». Справки мама доставила в Москву (они хранятся в домашнем архиве), семья встала на довольствие в наркомате армии и флота. Вскоре стало ясно, что бабушка поистине обладала предвидением. В конце 1921 г. проездом в Москве оказался ещё один сослуживец деда и сообщил, что военмор Протопопов умер от испанки (вид гриппа). Единственной вещью,

привезённой из Новороссийска, оказался кортик бывшего капитана второго ранга, который я храню как семейную реликвию.

Смерть М.Н. Протопопова ещё больше усложнила положение Надежды Ивановны и дочерей. Валерия своим браком с внуком водочного короля Михаилом Смирновым создала новую проблему: её, беременную, муж, страдавший алкоголизмом, выгнал из родового дома Смирновых на Пятницкой. Вскоре родился сын Миша. Надо было кормить ещё один рот. Бабушку, как представительницу «нетрудового класса», не брали на квалифицированную работу. Частично средства к существованию она добывала, сдавая внаём комнаты. Ввиду постоянной нехватки денег в семье моя мама оказалась вынуждена в 14 лет начать трудовой путь. Освоив машинопись, она, зная неплохо немецкий язык, поступила на работу в наркомат внешней торговли.

Анкетные критерии советской власти

С работой в наркомате внешней торговли было связано и первое серьёзное разочарование моей мамы в особенностях новой власти, которой была готова честно служить. В начале 1924 г. она, как и многие молодые люди той поры захотела вступить в ряды комсомола (т.н. «ленинский» призыв, связанный со смертью 21 января 1924 г. В.И. Ленина). На общем собрании сотрудников своего отдела кто-то спросил о социальном происхождении отца. Мама честно сказала, что он в царское время служил на флоте, то есть, будучи капитаном второго ранга, был в чине надворного, либо коллежского советника. На основании этого факта собрание отказало ей в приёме в комсомол, ибо тогда (вплоть до 1940 г.) действовала установка о приёме в партию и её молодёжное крыло лишь лиц рабоче-крестьянского происхождения. Ссылка на службу отца в 1918–1921 гг. у большевиков не имела для тогдашних партийцев никакого значения.

Анкетная тема могла бы резко изменить «личную жизнь» моего отца Я.В. Швейцера. Как упомянуто в гл. 2, отец в конце 1920-х гг. служил в системе ОГПУ Дагестана и был ранен в боестолкновении с местными контрреволюционерами, став после ампутации ноги инвалидом. Беда никогда не приходит одна. В то время, когда он находился в госпитале, в партийную организацию ОГПУ Дагестана пришло письмо, из которого следовало,

что Я.В. Швейцер обманным путём вступил в 1928 г. в ряды ВКП(б). Обман заключался в том, что в анкете при вступлении в партию он написал о своём пролетарском происхождении. Между тем в письме приводились данные, согласно которым его отец был не пролетарием, а мелким нэпманом, в царское время работал приказчиком в одном из магазинов города Екатеринослава.

Подождав, пока отец на костылях вышел из больницы, местная партиячейка начала разбирательство его персонального дела. Отец честно признал своё непролетарское происхождение, хотя доказательно утверждал, что сам никогда не владел никакой собственностью и работал в Екатеринославе в качестве чернорабочего и газетного репортёра. К моменту вступления Я.В. Швейцера в комсомол, а позже в партию, его отец уже отказался от самостоятельной хозяйственной деятельности как нэпман. Часть членов партбюро ОГПУ полагала, что за обман партии отец должен быть исключён из её рядов. Другие – их, к счастью, оказалось большинство, – обращали внимание на героическую и самоотверженную работу молодого чекиста, потерявшего здоровье ради интересов Родины. Последний аргумент оказался более весомым, и дело закончилось вынесением ему строгого выговора с предупреждением. С учётом того, что в период чисток 1937–1938 гг. именно люди из категории «исключённых» становились первыми кандидатами на репрессии, можно без особой натяжки предположить судьбу моего отца, если бы в 1930 г. большинство проголосовало за его изгнание из рядов ВКП(б).

«Анкетный сюжет» проявился и в службной карьере моей матери. В конце 1940-х гг. тема социальной несовместимости с членством в партии плавно перешла в категорию национального вопроса. Набравший ход государственный антисемитизм делал токсичным семейные отношения возможных кандидатов в члены ВКП(б). Матери, рекомендованной низовой парторганизацией 12 Отдела МГБ, начальство, явно опасаясь возможной негативной реакции следующей партийной инстанции, неофициально советовало развестись с Я.В. Швейцером, сохранив фамилию первого мужа Челнокова. На это предложение мать сказала буквально следующее: «Я люблю партию и хочу быть в её

рядах, но люблю и своего мужа-коммуниста и не готова отказаться от его фамилии»¹⁴³.

Свою принципиальность мать проявила и при второй, последней попытке встать в ряды коммунистов. На партийном собрании 12 Отдела, где рассматривалось её заявление о приёме в партию (собрание состоялось 15 марта 1953 г.), ей был задан вопрос: как должна выглядеть КПСС после смерти Сталина? Мама ответила со свойственной ей прямоотой: «Да, это печальное событие – уход из жизни товарища Сталина. Но ведь после смерти Ленина партия стала ещё более сплочённой». Такую трактовку связки «партия – Сталин» расценили как умаление его «неоспоримых заслуг» и последовал вывод о недостаточной политической зрелости кандидата в ряды «сталинской партии».

Беспартийность не мешала маме оставаться одним из ведущих работников 12 Отдела. Её последняя должность называлась «руководитель отделения». В её подчинении было более 20 человек. В последние годы своей служебной деятельности мама занималась редактированием перехваченных с помощью спецсредств бесед, имевших место в посольствах ряда европейских государств. За материалы, переданные высшим государственным и партийным органам, была удостоена медалями и орденом Красной Звезды. Важным показателем отношения к ней как достойному, а главное – заслуживающему абсолютного доверия работнику органов стало, в частности, приглашение на майский парад 1952 г. Разумеется, в качестве зрителя, зато на трибуны, которые располагались прямо напротив мавзолея, где находились все руководители страны во главе с самим Генералиссимусом И.В. Сталиным. Мама взяла меня с собой – и я в первый и последний раз в жизни видел воочию вождя народов в белом кителе со звездой Героя Советского Союза.

Пионеры гражданского общества

Косвенным образом беспартийность матери всё же сказалась на продолжении её служебной карьеры. Когда в 1960 г. по инициативе Н.С. Хрущёва решался вопрос о сокращении Воору-

¹⁴³ В схожей ситуации мой сводный брат Евгений, флотский офицер, сменив, по рекомендации своего начальства фамилию Швейцер на материнскую – Яловой, успешно прошёл в ряды КПСС.

жённных сил СССР, этот процесс автоматически был перенесён на органы государственной безопасности. В кампании по обновлению их рядов были намечены кандидаты для перевода на пенсию. Мать по двум, чисто анкетным, критериям попала в списки новых пенсионеров. У неё не было ни высшего образования, ни партийности. Это в новых условиях считалось мало-совместимым с дальнейшей работой на руководящей должности. Отметим, что и после перевода на досрочную пенсию (матери было тогда 54 года), начальство 12 Отдела регулярно приглашало её для консультаций по оперативным вопросам: найти сразу адекватные для такой работы кадры было малореалистичным. «Анкетный вопрос» вступил в явное противоречие с потребностями охраны безопасности нашей Родины.

Главным делом в новых условиях стала для неё общественная работа. Долгие годы мать была председателем домового комитета в доме №5 по Каляевской (ныне Долгоруковской) улице. Власти, учитывая реальные возможности пенсионеров, стремились вписать эту категорию в систему взаимосвязи граждан и управленческих структур. Те, кто назывались «общественниками», должны были содействовать государству в процессе решения задач местного масштаба. Домовые комитеты, как правило, состояли из пенсионеров, считавших для себя невозможным целиком уйти в лично-семейную сферу жизни. Фактически такие же функции выполняла и ячейка КПСС по месту жительства пенсионеров-коммунистов. Отмечу, что мой отец вплоть до начала 1970-х гг. возглавлял местную партийную организацию, насчитывавшую более ста человек преклонного возраста.

Отец и мать постоянно хлопотали об улучшении жилищных условий для нуждающихся в этом, организовывали субботники по уборке нашего двора, занимались озеленением территории, стремились по справедливости решать конфликтные ситуации. Мама, как уже говорилось, будучи долгие годы председателем домового комитета, была постоянным посетителем и ходатаем в райкоме партии и райисполкоме. Благодаря её усилиям перед окнами нашего дома была создана детская спортплощадка, посажены деревья и кустарники. А когда на территории двора один из начальников попытался поставить собственный гараж,

мама организовала сбор подписей против такого безобразия, и автовладельцу пришлось отказаться от этой затеи. Мама считала, что людям надо помогать не только материально, но и морально. По её инициативе в райисполком регулярно направлялись ходатайства о награждении активистов-пенсионеров почётными грамотами. Когда к какому-либо юбилею выпускались памятные медали, она тщательнейшим образом выверяла списки кандидатов на награду, дабы не забыть кого-либо из ветеранов, достойных этой награды.

В данном деле у неё был личный опыт времён Великой Отечественной войны. Сын её сестры Валерии Михайловны, внебрачной дочери адмирала С.О. Макарова, был призван в армию в первые дни войны и воевал на ленинградском фронте. Там он был тяжело ранен и ему ампутировали обеих ног. Однако по чьему-то недосмотру не попал в списки представленных к награде. Узнав об этом, моя мать написала письмо на имя И.В. Сталина с просьбой восстановить справедливость. И случилось чудо: Михаилу Боброву-Смирнову спустя год вручили орден Отечественной войны 2 степени. Мой двоюродный брат всю свою последующую жизнь проработал в московском Институте иностранных языков преподавателем немецкого.

Возможности пенсионеров в сфере гражданского общества можно проиллюстрировать и на примере моего отца.

Оказавшись в 47 лет вне служебной деятельности, но чувствуя себя вполне способным к доступной ему по состоянию здоровья работе, отец попытался использовать свои юридические знания, полученные им в период заочной учёбы в Военно-юридической академии (с 1948 по 1952 г.) В течение многих лет он избирался народным заседателем суда Свердловского района г. Москвы. Получаемую от этой работы судебную информацию использовал, вернувшись к своей первой профессии – журналиста. У нас в домашнем архиве сохранился большой альбом с вырезками из газет «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец», где отец, во многих случаях под псевдонимами Я. Владимиров и В. Яковлев, освещал в заметках «Из зала суда» наиболее интересные дела, в разбирательстве которых он принимал участие. Со временем он перешёл к написа-

нию более крупных очерков, публиковавшихся прежде всего в журнале «Советская милиция». Особых гонимых это судебное хроникёрство не приносило: заметки оценивались в 3-5 рублей, очерки – до 20 рублей. С учётом его вполне приличной по советским меркам тех лет полковничьей пенсии в 150 рублей, доход от журналистики явно не играл существенной роли, но отец был при деле, и это стало главным для человека энергичного, не привыкшего к праздности. В начале 1960-х гг. он опубликовал на страницах «Комсомольской правды» статью под символическим названием «Нужен ли нам тотализатор?», в которой на ряде примеров из судебной практики показал, что эта «отрыжка капитализма» подчас ломает жизнь впадающих в азарт любителей бегов.

Об одной реакции на этот материал сто́ит сказать особо. Через некоторое время после статьи в «Комсомолке» ему позвонили из секретариата группы консультантов при Министерстве обороны и сообщили, что с ним хотел бы встретиться С.М. Будённый – прославленный герой Гражданской войны, маршал Советского Союза. Вначале отец решил, что маршал хочет опубликовать какие-либо свои воспоминания и привлечь отца к этой работе. Это было в практике написания мемуаров бывшими высокопоставленными военными. Отец явился в назначенное ему время к маршалу. Тот помнил отца как отличного бильярдиста, с которым он сыграл несколько партий во время своей инспекционной поездки в Дагестан в конце 1920-х гг. Однако цель вызова была иной. Маршал очень огорчился статьёй о бегах. «Зачем же ты, Яков, лошадок обидел? Ведь на бега ходят не только всякие бездельники, но и вполне уважаемые люди». Отец возразил Будённому, что цель статьи не закрыть бега, а убрать из них тотализатор. Маршал ответил буквально следующее: «Тотализатор по существу финансирует бега, а если его закрыть, то туда никто ходить не будет». Он рекомендовал отцу подготовить материал, восхваляющий старинное русское увлечение, и даже готов был дать на этот счёт небольшое интервью. Однако отец со свойственной ему принципиальностью, отказался, даже по просьбе весьма уважаемого им Семёна Михайловича, написать такое, в сущности, опровержение своему

«горячему материалу». Вскоре он узнал, что по приказу министерства финансов ставки на тотализаторе были резко снижены, но посещаемость от этого не сократилась. Полагаю, что во власти были тогда люди, которые старались найти компромисс между экономическими потребностями государства и официально декларируемыми ценностями советской морали.

Жизнь, отданная науке

Последние страницы этой главы я посвящаю памяти моего брата – талантливого физика-ядерщика Игоря Евгеньевича Челнокова (сына моей матери от первого брака). И здесь, казалось бы, чисто семейная история, теснейшим образом переплетается с историей нашей Родины.

Окончив в 1946 г. с золотой медалью московскую среднюю школу № 636 он без экзаменов поступил в МИФИ. Студенческие годы брата я помню довольно смутно, хотя, поскольку мы жили с ним и бабушкой в одной комнате, всегда удивлялся тому, что Игорь за полночь завершал свои учебные дела. МИФИ он также окончил с отличием (красным дипломом), сделал выбор в пользу работы в сфере ядерной энергетики – области крайне не засекреченной и весьма перспективной¹⁴⁴. О тех опасностях, которые нес «мирный атом», ни Игорь, ни родители никогда не говорили. Зато все очень гордились тем, что мой брат постоянно награждался не только грамотами и денежными премиями, но и правительственными наградами: медалью «За трудовую доблесть» и орденом Трудового Красного Знамени. В связи с этой наградой он, тогда всего лишь младший научный сотрудник, получил поздравление от И.В. Курчатова. Вот его текст:

«Дорогой Игорь Евгеньевич!

Поздравляю Вас с правительственной наградой. Желаю Вам здоровья и дальнейших успехов в работе на благо нашей социалистической Родины.

Академик И.В. Курчатов

28 июля 1959 г.»

На рубеже 1950–60-х гг. Игорь начал работать над канди-

¹⁴⁴ В 1953 г. поступил на работу в Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова, который в те годы именовался Лабораторией измерительных приборов АН СССР. Специализацией брата являлась экспериментальная физика.

датской диссертацией. Успокаивал родителей тем, что после защиты он полностью перейдёт на научную стезю. А пока потенциально опасным командировкам не было конца. География его поездок простиралась от Северодвинска до Комсомольска-на-Амуре. В 1957 г. он провёл несколько месяцев в Румынии, участвуя в подготовке запуска местного ядерного реактора. До этого он запускал реактор на АЭС в г. Обнинск. Реакторы были, по-видимому, и объектом его забот там, где создавались атомные подводные лодки. Свой орден он получил за участие в спуске на воду атомохода «Ленин».

Особо следует сказать об отношении Игоря к советской власти и к КПСС, в которую он, вопреки всем благоприятным обстоятельствам, так и не вступил. Старший брат был решительным противником карьеризма и считал, что партбилет должен стать для человека символом веры в идеалы коммунизма, а не проездным документом, помогающим в перемещении вверх по карьерной лестнице. Об этом он неоднократно беседовал со мной, считая, что 16-18 лет – это возраст, когда такие темы должны обсуждаться. Мне думается, что после смерти Сталина и особенно после XX партсъезда он стал переосмысливать сущность советской власти, увидев в ней скрытый тормоз развития свободной личности. Была и ещё одна причина, оттолкнувшая его от КПСС. Он, безусловно, был в курсе дел нашей матери, которая идеально соответствовала облику члена КПСС, однако, не была принята в неё по описанным выше обстоятельствам. В то же время Игорь не являлся каким-то внутренним диссидентом. Более того, он охотно помогал властям в том, что считал справедливым. В феврале 1961 г. коллектив Института атомной энергии выдвинул его кандидатом в депутаты Моссовета. Выборы прошли успешно, и Игорь смог в течение оставшихся ему месяцев жизни поработать в комитете по охране природы. Между тем, уже в начале лета того рокового для него года он стал даже визуально терять прежний облик здорового спортивно сложенного молодого мужчины. Резко похудел, поредели волосы, стал жаловаться на ухудшение зрения. Родители, обеспокоенные этим, просили его обратиться к врачам, и он даже обещал заняться здоровьем, как только съездит с мамой, страдавшей от

полиартрита, в Крым. Однако эта поездка оказалась для него последней. Не доехав до Крыма, он, находясь в гостинице посёлка «Зелёный Гай», потерял сознание и был госпитализирован в г. Запорожье, где и скончался 29 августа 1961 г. Роковое совпадение: его недолгий жизненный путь закончился там, где, возможно, началась линия жизни его предков, казаков Черкасовских.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ?

Предлагаемая читателю монография позволяет автору, строго не придерживаясь хронологии, дать, по касательной, срез наиболее интересных для него событий в жизни России, Европы и мира. Их динамика предоставляет возможность оценивать этот процесс не только в чисто историческом контексте, но и сделать определённые выводы, годящиеся, полагает автор, как для дня сегодняшнего, так и для ближайших перспектив российской, европейской и мировой политики, прежде всего на партийном ландшафте различных регионов Старого Света. Автор, и как научный работник, и как гражданин своей страны, не может согласиться с расхожей формулой – «история учит только тому, что она ничему не учит». Если придерживаться этой пессимистической доктрины, то мир обречён на череду постоянных неудач и для его отдельных частей, и для нашей планеты в целом.

Описанные в книге события межвоенного периода позволяют утверждать о взаимосвязи Первой мировой войны со следующим, ещё более кровавым конфликтом 1939–1945 гг. Версальские наказания проигравшей стороны породили у побеждённых чувство национально-государственного дискомфорта. Его характерной чертой стал национал-шовинизм, где за основу был взят лингвистический принцип, сделавший язык более важной категорией, чем государственные границы. Сама концепция «третьего рейха» предполагала их прогерманское изменение, при весьма сомнительных экскурсах в историю, альфой и омегой будущего «немецкого мира». В результате несправедливость для Германии версальских документов породила ещё большую несправедливость для жителей остальной части Европы, ставших многомиллионными жертвами нацистской аг-

рессии в Старом Свете.

Другой вывод из недавнего прошлого относится к возможностям противостоять этому губительному процессу. Далеко не сразу будущие великие державы – победительницы германского нацизма нашли общий язык в борьбе с общим, для европейской и мировой цивилизации, врагом. Только осознав необходимость хотя бы временного отхода от противоречивых оценок текущего этапа мировой цивилизации – по схеме «капитализм – социализм», могильщики нацизма смогли конвертировать свои военные возможности в победу над гитлеризмом, враждебным как западным демократиям, так и социализму сталинского образца.

Поиски нового алгоритма во взаимоотношениях победителей нацизма хотя и не были глобально реализованы, однако в отдельном, австрийском, случае продемонстрировали шансы на позитивное решение общеевропейских интересов. Именно Австрия дала пример того, как маленькое центральноевропейское государство, сохраняя приверженность западной системе ценностей и европейскому экономическому пространству, могла своей внеблоковостью в военном отношении содействовать хотя и достаточно хрупким, но всё же потенциально реализуемым мирным инициативам. «Эра Крайского» в новейшей австрийской истории продемонстрировала не только потенциал, но и реальность продуктивного поиска мирных путей решения ближневосточного конфликта. Австрийский вклад в миротворчество не исчерпан и по сей день. Он может быть реализован и в других, прежде всего европейских, сюжетах нашего беспокойного времени.

Исторический опыт далеко не бесполезен и в оценках происходящего в сегодняшней России. Рассмотренный в монографии процесс становления в нашей стране партийной системы показывает необходимость поиска баланса между различными компонентами национального политического поля. Главное здесь – преодоление эгоистических тенденций, придерживаясь общегосударственных, а не кланово-региональных интересов, не злоупотребляя использованием новейших информационных технологий ради краткосрочных электоральных результатов.

Сложное и во многом противоречивое, не просчитанное даже в ситуационном масштабе, переформатирование западной партийно-политической модели вряд ли станет для нынешних российских политиков образцом создания новых национально-ориентированных институтов законодательной и исполнительной власти.

Ещё одно соображение на тему «чему учит история» относится к «семейному» сюжету последней главы моей монографии. Россия с петровских времён всегда прирастала лучшим из европейских наработок в сфере экономики, культуры, права, общественной жизни. Временная, хочется верить, «недружественность» к нам большинства европейских государств не должна сделать постоянным заложником этого этапа ту часть нашей повседневности, которая объективно сближает, а не разделяет народы Старого Света. Назовём здесь прежде всего науку, культуру и спорт. Переориентация в «восточном направлении» вряд ли будет стратегической парадигмой нашей страны. Ни историю, ни тем более географию нельзя знаково поменять, даже при всех коллизиях современной международной ситуации.

Уроки истории просто обязаны как минимум предостеречь от неверных шагов, способных негативно воздействовать на жизнь нынешнего поколения россиян, завоевавших усилиями и жертвами предков достойное место нашей страны в Европе и мире. Мудрый русский фольклор произвёл на свет формулу «худой мир лучше доброй ссоры», как бы обозначив пределы допустимого в казавшихся тупиковыми ситуациями. Предложенные вниманию читателей исторические зарисовки подтверждают, по мнению автора, верность именно такого подхода к событиям в треугольнике «Россия, Европа, мир».

Именной указатель

- Абаринов В.А. 46, 54, 58, 60, 67, 68, 69, 71
Алексеев Е.В. 151
Альенде С. 99
Андропов Ю.В. 101, 131
Арафат Я. 114, 117, 119, 120
Арцишевский М. 59
Астахов Г.А. 32, 34, 37
Баштаков Л.Ф. 70, 71
Безыменский Л.А. 79
Бегин М. 116, 121, 122
Берия Л.П. 44-52, 57, 58, 62, 64-70, 86, 87, 157
Бирсгалс Ю.П. 153
Бобров-Смирнов М.К. 167
Брандт В. 94, 101, 117, 118, 119, 120, 122, 123
Будённый С.М. 168
Бургиба Х. 115
Бутрос-Гали Б. 124
Вайда А. 44
Вольтат Г. 35
Ворошилов К.Е. 34
Галифакс лорд 32
Галкин А.А. 6, 111
Гайдар Е.Т. 133, 136
Гауптман Г. 155
Геббельс И. 12
Герцен А.И. 158
Геринг Г. 35
Гитлер А. 3, 7, 10-19, 22, 24, 25-27, 30, 31, 35, 36, 39, 41-43, 47, 48, 64, 65, 72, 73, 76, 77, 79, 81, 82, 106
Гловацкий А. 56, 57, 58
Горбачёв М.С. 101, 108, 109, 131
Грибанов М.Г. 20
Громыко А.А. 94, 95
Громыко Ал.А. 6
Даллес Д.Ф. 87, 88, 95

Дилигенский Г.Г. 6
Димитров Г. 40
Доде А. 155
Дрекслер А. 10
Дуров А.Л. 155
Дюма А. 155
Ельцин Б.Н. 131, 132, 133, 134, 136, 137, 138
Жискар д'Эстен В. 121
Ибсен Г. 155
Иден А. 82
Каддафи М. 115, 124
Каррингтон лорд 121
Картер Дж. 105
Косыгин А.Н. 101, 102
Коричонер Ф. 23
Коротков А.М. 68
Крайский Б. 3, 87-123, 172
Кнайсель К. 123
Кривогуз И.М. 6
Кузнецов Н.И. 75
Курчатов И.В. 169
Лебедева Н.С. 53, 57-60, 63-66, 69
Ленин В.И. 23, 88, 163, 165
Литвинов М.М. 17, 19-25, 30-33
Людеке К. 12
Макаров С.О. 161, 167
Майский И.М. 32
Макдональд Р. 15
Мартэ Й. 100
Мастны В. 68
Маттерн Е.Э. 153
Маттерн Ф. 148
Маттерн Э.Ф. 148-152
Маттерн Э.Э. 147, 152-156
Мерекалов А.Ф. 32-34
Меркулов В.Н. 60, 77-79
Мехлис Л.З. 67

Молотов В.М. 20, 23, 31-34, 37, 39-40, 42-43, 54, 63, 87-88
Насер Г.А. 112
Никонов В.А. 40
Ойл ден Й. 117
Островский А.Н. 155
Пальме У. 117
Перес Ш. 118, 120, 122
Примаков Е.М. 137
Протопопов М.Н. 157, 160, 161, 162, 163
Путин В.В. 8, 39, 43, 127, 128, 137-139, 141
Пушкин Г.М. 20
Райхман Л.Ф. 3, 45, 46, 50, 51, 53-63, 67-70
Раск Д. 96
Распутин Г.Е. 162
Раушнинг Г. 12
Рейган Р. 106, 108, 121
Реннер К. 87
Рыбкин И.П. 5, 136
Резников А.Б. 6
Ривера де П. 13
Риббентроп И. 23, 32, 37, 39, 42, 54, 63
Романов Михаил, царь 157, 158, 160
Рузвельт Ф. 35, 36
Рём Э. 73
Садат А. 114, 116-117, 120, 121
Саргауи И. 117, 120
Сахаров А.Д. 99-101, 132
Серов И.А. 89
Смирнов М.М. 163
Соареш М. 123
Солженицын А.И. 66, 99
Сталин И.В. 3, 13, 19, 25, 28-30, 32, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 45, 47-
53, 60, 61, 63-67, 78-83, 86, 99, 101, 165, 167, 170
Станиславский К.С. 151, 156
Судоплатов П.А. 35
Суриц Я.З. 24
Тельман Э. 13

Тихонов Н.А. 102
Толстой Л.Н. 150
Трамп Д. 125, 127
Ферреро-Вальднер Б. 123-129
Фигль Л. 87, 88
Фишер Х. 124
Федер Г. 10
Фёдоров В.П. 6
Федотов П.В. 47, 56, 60, 77
Фрейденберг М.М. 59
Франко Ф. 17
Хадсон Р. 35
Хайдер Й. 124
Хасан II – король Марокко 115
Хинтерэггер Г. 111
Хрущёв Н.С. 20, 56, 91, 94, 97, 98, 101, 166

Чапский Ю. 60
Черкасовская Н.И. 160
Черкасовский Г. 157
Черкасовский И.Д. 4, 156, 159
Чемберлен Н. 24, 35
Черняев А.С. 111
Черчилль У. 43, 80, 82, 83
Чехов А.П. 159
Швейцер Я.В. 70, 72, 73, 76, 77, 163, 164
Швейцер-Челнокова А.М. 54, 68, 78, 79, 86, 89
Шерф А. 88
Шелленберг В. 42
Шелепин А.Н. 56
Шмелёв Н.П. 6
Шмидт Г. 121
Штекер Е.Е. 149
Шуленбург Ф.-Д. фон 37
Явлинский Г.А. 136
Яковлев А.Н. 136, 167

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Л.Н. Толстой Сочинения. М., 1880. Т. 1. С. 422, 432.

В.В. Семья Маттерн. Вечерний курьер. Москва, 01.04.1916, №573.

Некролог о Е.Э. Маттерне. Голос Москвы, 1912, №280.

Некролог о Э.Э. Маттерне. Советская Культура, 18.09.1938.

Союз Советских писателей СССР. Правление 20.12.1934.

Э.Э. Маттерн. Билет члена профсоюза работников издательств №031509, 1934. Удостоверение НКСО РСФСР от 26.10.1918.

Э. Маттерн. Островский и народный театр в Москве. Театральный курьер, №29, 20.10.1918.

Э. Маттерн. А.Н. Островский и Общество русских драматических писателей и оперных композиторов. В кн.: Островский к 100-летию со дня рождения. М.: Изд-во Русского театрального общества. 1923. С. 47-55.

Юбилей Э.Э. Маттерна. Рампа и жизнь, №14, 03.04.1916. С. 5-6.

Доклад №126 Московской городской управы, 30.10.1910. С. 3; Доклад №396, 29.10.1910. С. 2, 3.

Отчёт благотворительного общества при московской городской больнице за 1888. С. 21.

В Совет дома призрения имени братьев Боевых. Прошение от мирового судьи Лубянского участка Э.Э. Маттерна.

Духовное завещание Э.Э. Маттерна от 31.05.1916.

Письмо от председателя распорядительного комитета Общества попечения на имя Е.Е. Маттерн от 31.01.1888 №22.

Свидетельство от Главного управления Общества попечения на имя Е.Е. Маттерн. СПб, 31.07.1879.

Из студенческих воспоминаний Э.Э. Маттерна. Рукописный дневник. С. 1-9.

Рукописная биография Э.Э. Маттерна. Автор неизвестен.

Рукописный список переводов пьес и романов Э.Э. Маттерна, созданных с 1883 г. Автор неизвестен.

Духовное завещание А.М. Файдельс (Маттерн) от 1876 г. (на нем.яз.).

Поздравительный адрес от церковного совета евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла, 21.06.1878 (на нем.яз.).

Поздравительный адрес от церковного совета евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра и Павла, декабрь 1884 (на нем. яз.).

Выписка из протокола заседания Ученого совета Лаборатории измерительных приборов АН СССР 13.05.1953.

Плакат с призывом голосовать за кандидата в депутаты Моссовета И.Е. Челнокова (от 8 февраля 1961 г.)

Поздравительное письмо от И.В. Курчатова (от 28 июля 1959 г.)

Дарственная надпись для Ивана Черкасовского от 3 октября 1854 г. на книге «Магазин земледения и путешествий, т. 2. Москва, 1853 г.

Свидетельство за подписью ректора МГУ о присвоении И. Черкасовскому звания уездного врача (от 22 сентября 1862 г.).

Удостоверение от 6 мая 1921 г., выданное Н.И. Протопоповой о службе её мужа М.Н. Протопопова в Новороссийском порту.

Автобиография А.М. Швейцера-Челноковой (машинописный текст от декабря 1946 г.)

Справка о работе А.М. Челноковой в торговом представительстве СССР в Берлине.

Почётная грамота А.М. Челноковой, подписанная Народным комиссаром внешней торговли СССР А. Розенгольцем (от 22.04.1933).

Трудовая книжка А.М. Швейцера-Челноковой от апреля 1960 г.

Выписка из протокола заседания Махачкалинского РК ВКП(б) о персональном деле Я.В. Швейцера (06.09.1931 г.)

Военный билет офицера запаса Советской Армии Я.В. Швейцера, М. 1950.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В.Я. ШВЕЙЦЕРА (1972–2022)

1. Монографии

Политические проблемы современной Австрии. М.: ИЕ РАН, 2022. 113 с.

Партийно-политическая система Европейского союза в начале XXI века. М.: ИЕ РАН, 2021. 109 с.

Бруно Крайский. Политик и время. М.: МГОУПУ, «Альфа» 2001. (в соавторстве). 310 с.

Современная социал-демократия. М.: «Политиздат», 1990, 287 с.

Социалистический Интернационал в меняющемся мире, 70-80-е гг. М.: «Международные отношения», 1988. 174 с.

Социал-демократия Австрии. Критика политических концепций и программ. М.: «Наука», 1987. 212 с.

Социалистическая партия Австрии. Теория и политика. М.: «Наука», 1978. 151 с.

2. Главы и разделы в коллективных монографиях

Введение. Пандемия и политика: фактор глобализации; Заключение. COVID-19 в контексте проблем Европы и мира // Общество и политика в «эру COVID-19». М.: ИЕ РАН, 2022.

Введение. Европейская политика в поисках выхода из кризисных ситуаций в начале XXI в.; Заключение. Шансы, риски, перспективы // Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски. М.: ИЕ РАН, 2020.

Партийно-политический ландшафт: вызовы и решения. Гл. 21 // Европа между трёх океанов. М.: ИЕ РАН, «Нестор-История», 2019.

Предисловие (в соавт.); Европарламентский триумвират: итоги, проблемы, перспективы; Европейские выборы и кризис австрийской политической модели // Выборы в Европарламент 2019. Национальные ответы на дилеммы европейской интеграции. М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019.

Новые партийно-политические явления на карте Европы. Гл. 2 // Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка. К 110-летию со дня рождения

А.А. Громыко. М.: ИЕ РАН – Институт Справедливый мир, Изд-во «Ключ», 2019.

Проблема австрийского суверенитета: прошлое и настоящее. Гл. 6 // Защита государственного суверенитета – Опыт Евросоюза и европейских стран. М.: ИЕ РАН, «Весь мир» 2018.

Политические перспективы социал-демократии в Европе в современных условиях // Солидарный ответ на глобальные вызовы – путь к справедливому миру. М.: «Ключ» 2015.

Трансформация партийно-политических систем Европы. Гл. 28 // Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. М.: ИЕ РАН, «Весь мир», 2014.

Правый сектор европейской политики: эволюция просистемных партий // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. Т. I. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

Итоги выборов в Европейский парламент 2014: общее и особенное; Проблемы Старого света и Евросоюза в предвыборных программах основных европейских политических течений (в соавт.); Европейская комиссия 2014–2019 как баланс государственных и партийно-политических интересов // Выборы в Европейский парламент 2014: итоги и перспективы. М. «Ключ», 2014.

Избирательный процесс и власть в бывших советских республиках // Парламентские выборы 2012 г. на постсоветском пространстве: общее и особенное. М.: «Ключ», 2013.

Эволюция партийно-политических систем. Гл. 14 // Россия в многообразии цивилизаций. М. «Весь мир», 2011.

Кризис доверия. Поражение социал-демократии на выборах 2009 г. // Социал-демократия современного мира. М.: ИЕ РАН; И. Спр. Мир, «Ключ», 2010.

Введение; Раздел I. Альпийские государства; Часть 1. Гл. 1, 2, 3,4; Часть 2. Гл. 4, 5, 6, 7, 8, 9; Раздел II. Страны Бенилюкса, гл. 10-19; Заключение // Государства альпийского региона и страны Бенилюкса в меняющейся Европе. М.: «Весь мир», 2009.

Европейские партии этнорегионального толка: проблемы и перспективы (вместо заключения) // Между сепаратизмом и автономией. Региональные и этнические партии в европейской политике. М.: ИЕ РАН, «Огни», 2006.

Новые левые в современной Европе (тезисы); Левые в си-

стеме идейно-политических координат XXI века // Европейские левые на рубеже тысячелетий. М.: ИЕ РАН, «Огни», 2005.

Послесловие к евровыборам 2004 // Европейский парламент. Проблемы и перспективы. М.: «Огни», 2002.

Становление социал-демократической идеологии в России. Гл. 8 // Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева. М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2003.

Социал-демократия и Россия: опыт для переходного общества. Гл. 8 // Европейская социал-демократия: проблемы и поиски. М.: Горбачёв-фонд, 2001.

Социал-демократия Австрии: обновление идейно-теоретических позиций // Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса. М.: ИФРАН, 1998.

Социализированный капитализм // Современное общественное развитие: социалистическое видение. М.: Горбачёв-Фонд, 1994.

Австрия: от «красной Вены» к Вене 90-х гг. // От кризиса к поискам обновления. М.: «Форум», 1993.

Отто Бауэр // Проблемы общественного прогресса и социалистического идеала в общественной мысли конца XIX и XX столетий. М.: ИОН при ЦК КПСС, 1990.

Становление экономических концепций австромарксизма. Т. 3. Гл. 24 // Всемирная история экономической мысли. М.: «Мысль», 1989.

Бруно Крайский // Лидеры международной социал-демократии. М.: «Международные отношения» 1990.

Вопросы войны и мира в идейно-политическом курсе социал-демократии. Гл. 4 // Западная Европа 80-х гг. М.: «Наука», 1988.

Раздел «Австрия». Гл. 3 // Социал-реформизм и трудящиеся. М.: «Наука», 1980.

Австромарксизм и ключевые проблемы рабочего движения. Гл. 4 // Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами. М.: «Наука», 1984.

Австрия: традиция австромарксизма и современность. Гл. 5 // Размежевание и сдвиги в социал-реформизме. М.: Наука, 1984.

Раздел I. Классовая борьба в Австрии // Западная Европа:

борьба труда и капитала. М.: «Прогресс», 1982.

Раздел «Австрия: СПА и АНП в системе социально-политического партнёрства» // Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М.: Наука, 1980.

Социалистическая партия Австрии // Современная социал-демократия. М.: ИМРД, 1974.

3. Статьи и разделы в серии «Доклады Института Европы»

«Макронизация»: французский эксклюзив или европейская закономерность // Свет и тени «Эры Макрона», М. ИЕ РАН, 2019.

Партийно-политический ландшафт Европы: новые времена, новые диспозиции; Австрийская партия Свободы: первые шаги «малой коалиции» // Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. М.: ИЕ РАН, 2019.

Новое и старое на партийно-политическом пространстве Европы; Националисты Австрии: этапы вхождения во власть (в соавт.); Нидерланды: проблемы антинационалистического блока // Европа 2017: партии, выборы, власть. М.: ИЕ РАН, 2018.

Европейский электоральный процесс в контексте тенденций глобального и континентального развития // Выборы во Франции 2017: итоги и перспективы М.: ИЕ РАН, 2017.

Год после Брекзита. Разновекторные тенденции на партийном ландшафте Западной Европы // Правительство Терезы Мэй – год у власти. Досрочные выборы 2017. М.: ИЕ РАН, 2017.

Малые партии: прорыв во власть? (общеввропейский и германский тренд) // Роль малых партий в партийно-политической системе Германии. М.: ИЕ РАН, 2015.

О тенденциях в партийно-политическом пространстве Европы XXI века // Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели. М.: ИЕ РАН, 2012.

Правая политическая культура на парламентском пространстве Европы // Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. Т. I. М.: ИЕ РАН; Русский сувенир, 2008.

Сущностные диспозиции «социального государства» // Социальное государство: концепции и сущность. М.: ИЕ РАН;

«Огни», 2004.

Цели и задачи «круглого стола»; Некоторые итоги дискуссии // Избирательный процесс в России: национальные особенности и европейский опыт. М.: ИЕ РАН; «Огни», 2004.

Основные задачи для «партийно-политической системы XXI века» // Европа: партии и выборы. М.: «Огни», 2003.

Выступление с тезисами по теме // Правый радикализм как фактор европейской политики. М., 2002.

4. Статьи в журнале «Современная Европа» (2003–2022)

Многопартийность: перемены на западном фронте. 2003. №2.

Европейский парламент сегодня. Обзор. 2004. №2.

Социнтерн: новый старт или финиш? 2004. №3.

Европейские левые на рубеже тысячелетий. 2005. №2.

Региональные и этнические партии в современной Европе. 2006. №3.

Региональные партии выходят на авансцену. 2006. №4.

Европа: большой опыт малых стран. 2008. №4.

Барометр партийно-политической жизни ЕС. 2010. №2.

Он знал о Катыни почти всё. 2011. №1.

Катынская версия: подтверждения и опровержения. 2012. №2.

Европа: метаморфозы партийно-политических систем в начале XXI в. 2013. №3.

СССР-Австрия: на выражах мировой политики. 2014. №2.

Европейский Союз: критики и апологеты. 2016. №1 (в соавт.).

Европеистика: партийно-политические исследования. 2017. №4 (в соавт.).

Австрийская партия Свободы: путь во власть. 2018. №2.

Австрия в геополитических планах СССР (сер. 30-х – нач. 40-х гг.). 2018. №5.

Выборы 2019 г. в Европейский парламент. 2019. №1.

Новые рубежи европейских националистов. 2019. №6.

На невидимом фронте борьбы с фашизмом. 2020. №2.

СССР и Германия: от Версаля 1919 до Мюнхена 1938. 2020. №5.

СССР и Германия: на пути к 22 июня 1941. 2020. №6.

Бруно Крайский и Советский Союз. 2021. №1.
Президент Австрии: роль в национальной политике. 2022.
№4.

5. Публикации в других изданиях ИЕ РАН

Австрия: президентский марафон 2016 года (в соавт.) // Европейская аналитика 2017. М.: ИЕ РАН, 2017.

Австрия-Евросоюз: председательство с венским акцентом // Европейская аналитика 2018. М.: ИЕ РАН, 2018.

Выборы в Европейский парламент: подведение итогов // Европейская аналитика 2019. М.: ИЕ РАН, 2019.

6. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН (электронное издание)

2017 год на партийно-политическом пространстве Западной Европы. 2018. №1.

Итоги парламентских выборов в Австрии (в соавт.). 2018.
№1.

Размышляя о Европе и мире. 2018. №1.

Южный Тироль: тлеющий очаг сепаратизма в Европе. 2018.
№2.

Партии и движения политической альтернативы современной Европы. 2018. №3.

Австрийская партия свободы у власти: нюансы международного курса. 2018. №4.

Старый Свет: новые люди, новые партии. 2018. №6.

Обновление европейских властных структур. 2019. №1.

Западная христианская традиция в культуре и в повседневной жизни: лютеранская семья в истории России XIX–XX вв. (на примере семьи Маттерн). 2019. №3.

Накануне внеочередных выборов в парламент Австрии: подоплёка событий. 2019. №4.

Политика и арифметика: к итогам парламентских выборов в Австрии. 2019. №5.

Формирование Европейской комиссии: процесс и результат. 2019. №6.

Ближневосточная сага миротворца (к 110-летию со дня рождения Бруно Крайского). 2021. №1.

Австрийские политические скандалы: «дело Курца». 2021.

№6.

7. Статьи в российских научных и общественно-политических изданиях

Опыт западной социал-демократии в приложении к России // Полис. 1994. №6. С. 80-87.

Социалистический Интернационал в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. 1997. №6. С. 28-40.

Многopартийность – основа стабильности // Президент, парламент, правительство. 1999. №4. С. 38-42.

Послесловие к Закону // Выборы. 2002. №2. С. 24-27.

Вена: некоторые проблемы самоуправления в мегаполисе. // 10 лет реформы городского самоуправления в Москве. Круглый стол №1 «Особенности местного самоуправления в столицах федеративных государств». М.: МГФ «Знание», 2002.

Российский избирательный процесс: национальные особенности в контексте опыта европейской политики // Журнал о выборах. 2004. №1. С. 8-18.

Европейский парламент избран // Журнал о выборах. 2004. №5. С. 18-21.

Новые левые в современной Европе // Журнал о выборах. 2005. №5. С. 50-52.

Европарламент: власть или мираж // Россия в глобальной политике. 2005. №2. С. 136-137.

Европейские наследники «призрака коммунизма» // Россия в глобальной политике. 2006. №4. С. 203-206.

Сепаратизм или автономия // Россия в глобальной политике. 2007. №1. С. 130-141.

Власть и партии в постсоветской России // Россия в глобальной политике. 2007. №1. С. 130-141.

Власть и партии в постсоветской России // Россия в глобальной политике. 2009. №2. С. 37-49.

8. Статьи и брошюры в советских изданиях

Социалистическая партия Австрии и проблема австрийского нейтралитета // Некоторые актуальные проблемы международного рабочего и профсоюзного движения. Ч. 2 / общ. ред. В.И. Усенина. М.: [б. и.], 1972. С. 257-270.

Социалистическая партия Австрии: четыре года у власти // Рабочий класс и современный мир. 1974. №3. С. 57-68.

Проблема единства действий в молодёжном движении Австрии // Проблемы единства действий и сотрудничества в международном молодёжном движении. М.: Молодая гвардия 1977. С. 131-142.

Социал-демократические и буржуазные молодёжные организации Австрии // Вестник КМО СССР. 1975. №1-2. С. 37-44.

Новая программа австрийских социалистов // Рабочий класс и современный мир. 1978. №4. С. 52-64.

Общественно-политические взгляды Бруно Крайского // Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1978. 104 с.

Бруно Крайский об актуальных проблемах мировой политики. М.: ИНИОН, 1982. 51 с.

Деятельность Социалистического Интернационала в 1976–1984 гг. // Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1985. 122 с.

9. Публикации в зарубежных изданиях

Die Große Oktober und Arbeiterbewegung in Österreich in 70 Jahre Friedenspolitik und die österreichischsowjetische Beziehungen, Wien, 1989, s. 39-41.

Die Sowjetunion und der Streik 1950. In: M. Ludwig, K-D. Mülle, R. Stereibel, Die Oktoberstreik 1980. Wien, 1991. S. 149-154.

Европейский Союз: от апологетики к скептицизму. // Общественно-политические процессы в современной Западной Европе (на польск. и рус. яз.). Хел М. Польша, 2016. С. 39-48.

Die Moskauer Deklaration vom 1943 // Die Moskauer Deklaration 1943, Österreich wiederherstellen. Wien-Köln, Weimar, 2015. S. 53-58.

Научное издание

РОССИЯ, ЕВРОПА, МИР

Монография

Автор выражает особую благодарность за помощь
в подготовке монографии к печати
м.н.с. ИЕ РАН А.А. Рожину

Подписано в печать 17.04.2023. Формат 60×90 ^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 11,686.
Тираж 300 экз. Заказ № 9401.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96
E-mail: europe-ins@mail.ru, web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
издательства «АртПринт»,
тел.: 8-950-765-69-59

Швейцер Владимир Яковлевич,
доктор исторических наук, главный научный
сотрудник, руководитель Отдела социальных
и политических исследований
Института Европы РАН

Монография приурочена к 80-летию автора, более полувека проработавшего в институтах Академии наук СССР и России. Рассмотрены важные события 20-х – середины 40-х гг. XX в., непосредственно связанные с СССР, Германией, рядом европейских государств. Используются не только источники и литература того времени, но и известные автору свидетельства очевидцев трагических страниц всемирной истории. Основным объектом авторского интереса послевоенного периода стала Австрия, её роль в динамическом процессе международной жизни второй половины прошлого столетия и до наших дней. В числе тем монографии рассматриваются электоральные тенденции в России, процесс формирования отечественных органов законодательной и исполнительной власти. Также оценивается роль и место европейских политиков, их влияние на страновые, региональные и глобальные проблемы современности. Российская проблематика раскрыта в контексте становления в нашем государстве отличной от западных моделей партийно-политической системы. Автор предлагает читателю малоисследованную тему участия осевших в России европейцев в общественной, экономической и культурной жизни нашей страны как во времена заката империи, так и в первые десятилетия советской власти; на конкретных примерах показан процесс становления в СССР зачатков гражданского общества.